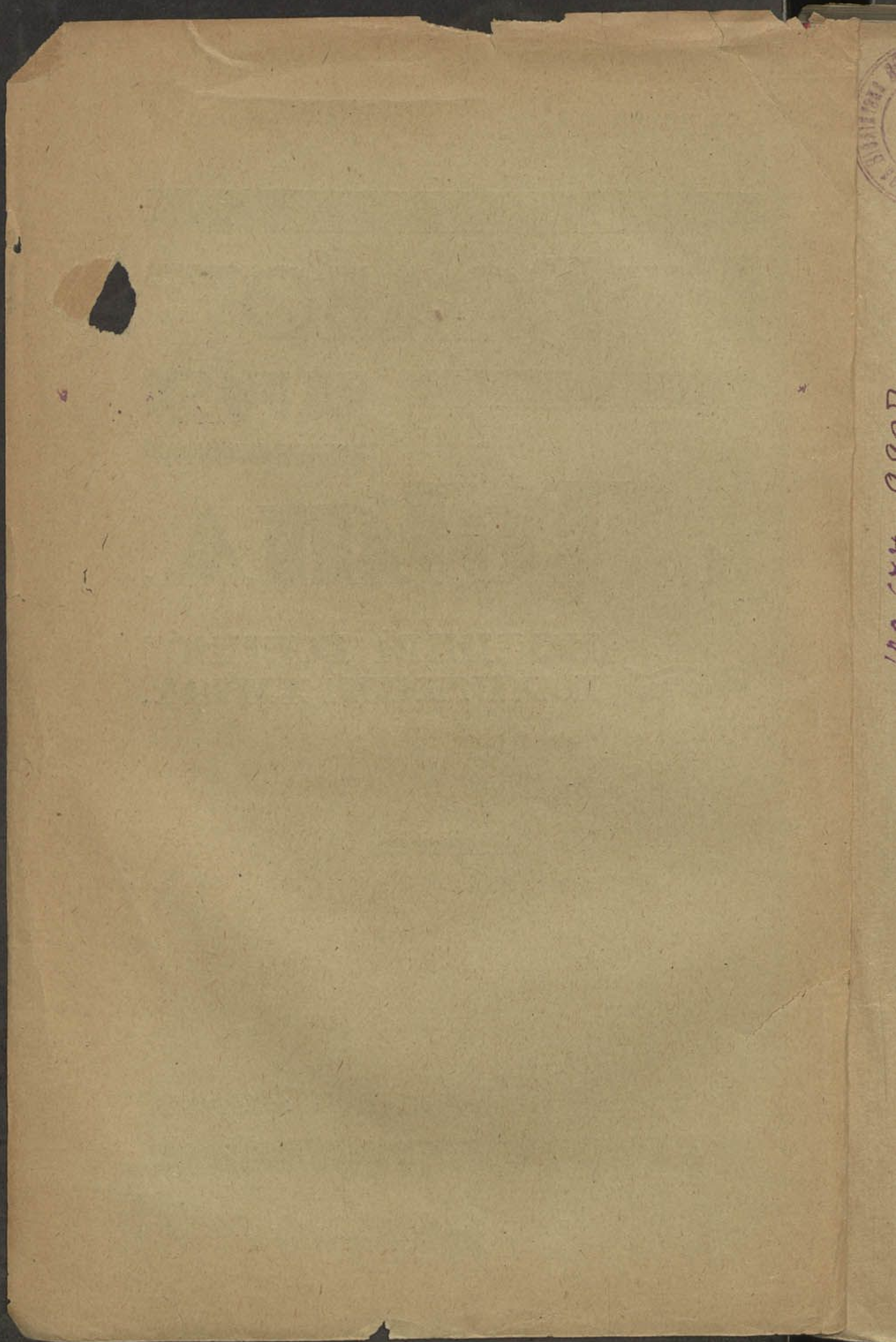
Год издания IV-й Сборник 24.

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА.

НАУЧНЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

Орган военно-научного общества Запфронта.

1923

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

Редакция журнала просит всех сотрудников при присылке статей соблюдать след. условия:

1. Четко писать фамилию и инициалы имени и отчества.

2. Указывать адрес, по которому должен быть выслан гонорар.

3. Статьи писать на одной стороне листа (оставляя оборот чистым), разборчиво, лучше—на машинке.

4. Ограничиваться строго необходимыми для пояснения текста чертежами и схемами. Исполнять их тушью или чернилами (не карандашом). На каждом чертеже (и схеме) проставлять его номер и указывать на полях текста, где этот чертеж желательно поместить.

Редакция журнала—Смоленск, Социалистическая, 10-а

Содержание.

стр.

Задержавшаяся аграрная революция. *Н. Кузьмин* 5
Вопросы эпохи культурничества. *Мих. Лузгин* 32
Организационные и научно-опытные аппараты. *Л. Крымов* . . 47

Стратегия и тактика.

Об обороне. *М. Тухачевский* 53
Формы и суть современной тактики пехоты. *Ф. Огородников* . 57
Сближение. *М. Т—й* 65
Изображение огня на 2-х стор. учениях. *В. Чернавин* 68
Эвакуация раненых в огневой роте. *Макаров* 78
Пеший бой конницы. *В. Микулин* 83
Принципы связи. *Н. Пуц* 95

Военная техника.

Пушка или гаубица? *Т. Усов* 112
Очерк эволюции русской артиллерии. *Е. Барсуков* 119

Военная география и статистика.

Каменноугольная промышленность в Верхн. Силезии. *А. Бельский*. 150

Хроника.

На Запфронте.

„Красноармейская Правда". *Эк* 158
Пятилетний юбилей 3 Пех. Зап. Школы. *В. Я.* 159
Литкружок при ВНО Запфронта. *Мих. Лузгин* 159
Программа работ лит.-худож. кружка В. Н. К. Запфронта . . . 161
Конкурс на красноарм. произведения 163
Фронтовое Совещание Военкоров. *Г.* 165
2-е фронтовое совещан. по агитпропработе. 167
Итоги врач. контроля над участниками Олимпиады Запфронта. *вр. Абрамов и Котов* . 167
Фронтовые конские состязания. *Л. Крымов* 175

За Советской границей.

Малая Антанта. Состав. Численность армий (Румыния, Юго-Славия, Чехо-Словакия). Снаряжение. Воен. промышленность. Отношение к Австрии и Венгрии—176. ◆ **Бельгия**. Увеличение сроков службы—178. ◆ **Великобритания**. Танки новой конструкции. Осенние маневры. **Регулярная армия**. Территор. части. Лагерный сбор. Корпус для подготовки офицеров. Флот. Рурский экспедиц. отряд—178. ◆ **Голландия**. Усиление флота—179. ◆ **Италия**. Организац. отдела газовой войны. Флот—179. ◆ **Румыния**. Продление военного соглашения—180. ◆ **С. А. С. Ш.** Усиление обороны Панамского канала. Уменьшение запасов горючего для флота. Учебные лагери в 1923 году—180. ◆ **Финляндия**. Новый закон о воинской повинности (организация армии, сроки службы, учебные сборы, из'ятия, рабочие части, вспомогат. служба). Комплектование офицерами—180. ◆ **Франция**. Войсковые единицы пехоты, конница, артиллерия, инж. войска. Их численность. Комплектование—182. ◆ **Чехо-Словакия**. Фош о чехословацкой армии—183. ◆ **Швейцария**. Военные расходы в 1923 г. Распределение призыва 1923 г. Продолжит. обучения—183. ◆ **Юго-Славия**. Удлинение срока службы—183.

Библиография.

К истории вступления Англии в мировую войну. *А. Бельский*—184. ◆ Султан-Заде. Современная Персия. Н. Корсун.—Персия. *В. Н.*—185. ◆ Н. Корсун.—Турция. *В. Онежский*—189. ◆ К учету военнообязанных. *Г. Петров*—190. ◆ „Инструкция для применения зенитной артиллерии". *Т. Усов*—193. ◆ „Автомат Федорова". *В.*—193 ◆ Проф. Белицер. Пироплазмоз лошадей. *Ф. Польнер*—195.

Опечатки:

В статье И. Шукевича „Подготовка современного наступления" (№ 23 журн. „Революция и Война"):

1) Страница 52, 3-я строчка снизу: Фразу: „Со стороны помощника-командиру" следует переставить на две строчки ниже, после фразы: „4) Вступайте в командование батареей для обстрела целей, которые Вы видите".

2) Стр. 53, строчки 18, 19 и 20 сверху следует переделать в смысле цифр, а именно: „Итого нужно выработать 4 сигнала, удобных для их передачи с аэроплана на землю и 5 сигналов для обратной цели (комбинация полотнищ)".

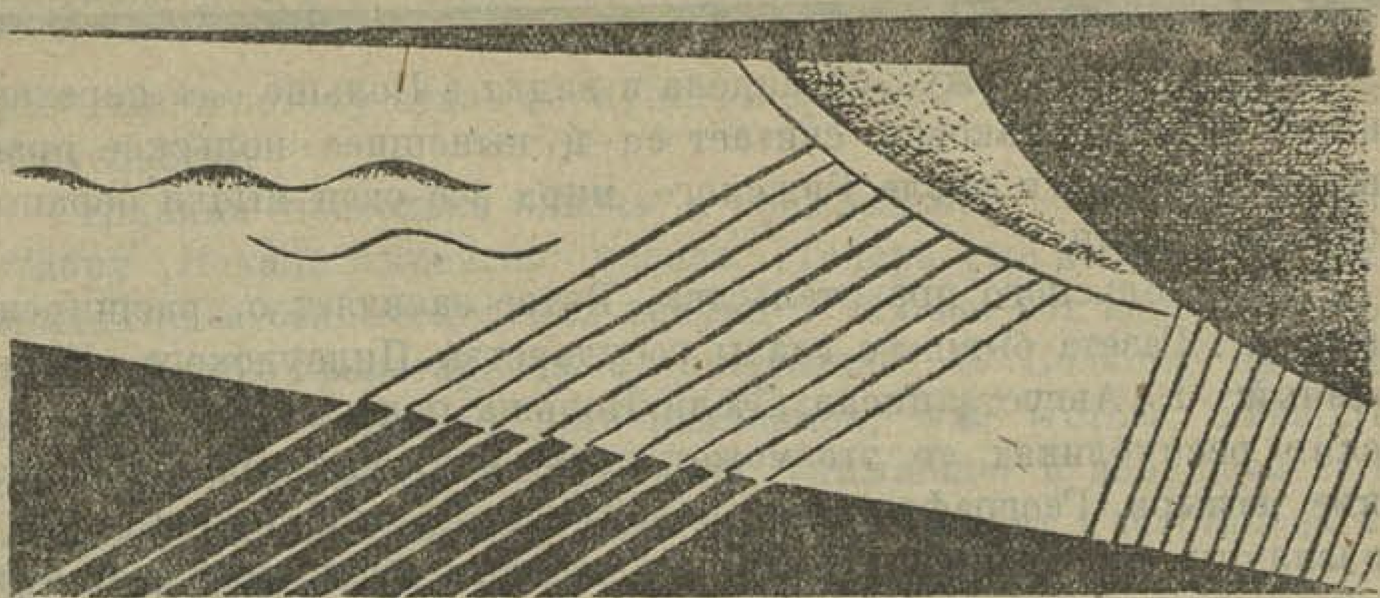
3) Стр. 70, первая строчка сверху: *Напечатано*: „первую задачу полагал бы *лишней*". *Следует*: „первую задачу полагал бы *важнее*".

4) Стр. 73, 18 строчка снизу: *Напечатано*: „своей массою прочныя заграждения" *следует*: „своей массою *проволочныя* заграждения".

* * *

В № 20 журнала (стр. 56) в статье „Питание патронами" искажена фамилия ее автора. Напечатано: «*А. Колесников*», следует читать: *А. Колесинский.*

Пользуясь случаем, редакция напоминает еще раз о необходимости: 1) четко писать свою фамилию на присылаемых рукописях и 2) авторам лично и тщательно исправлять присылаемые оригиналы статей.

Н. Кузьмин.

Задержавшаяся аграрная революция.

Предисловие.

Трудящиеся Союза Советских Социалистических Республик хотят жить со всеми народами в мире и не считать их врагами. Но ненависть буржуазии к стране, которая, свергнув власть помещиков и капиталистов, захотела и пошла по пути коммунистического строительства, настолько сильна, что Советские Республики являются островом среди враждебного, готового каждую минуту захлестнуть их, буржуазного моря.

И не мы называем Польшу вражеской страной. Мы пошли на величайшие жертвы, проявили величайшую уступчивость, чтобы жить с ней в мире. Но, связав свою судьбу с победителями в мировой войне, Польша, хочет она или не хочет, но пока там правят помещики и буржуазия, будет нашим самым опасным врагом.

Вся буржуазная пресса Европы называет ее „охранительницей Европы от большевиков". А французский офицер Кунц, бывший в составе французской военной миссии во время русско-польской войны, так описывает положение вещей в момент, когда Красная армия подходила к Варшаве: „в это время Франция делает чрезвычайные усилия для того, чтобы спасти *свой передовой бастион на востоке Европы*".

В то время, как Франция готовила „материальное и моральное подкрепление", в виде оружия, снарядов и большого количества французских офицеров во главе с генералом Вейганом, английское правительство, в лице лорда Керзона, пыталось выиграть время, предложив нам начать переговоры о мире, приняв за исходный пункт сохранение польского государства в этнографических границах.

Не только буржуазия Франции считала Польшу *своим* передовым военным бастионом, считала ее и Англия, и только комитеты действия английского пролетариата, не позволявшие возить оружие для Польши, заставили английское правительство „подкрепить" не оружием, а мирным посредничеством.

Вся мировая буржуазия видела и видит в Польше *свой* передовой военный бастион. Таковой считает ее и нынешнее польское правительство, которое и после Рижского мира все свои мысли обращает на борьбу с нами.

Глава Польского правительства—Витос заявляет о „расширении на восток". Газета бывшего главы государства Пилсудского „Курьер Поранный". 15 Августа писал: „Если Польша поднимет вопрос о кавказских республиках, то это может дать ей в руки важные политические козыри. Географическое положение Грузии, ее богатства не безразличны для Англии. Англия с каждым днем убеждается все больше, что она не сумеет эксплоатировать богатства Кавказа при наличности господства большевиков. Поэтому, в случае войны с Россией, кавказский вопрос может дать нам поддержку Англии. Восстание на Кавказе имело бы то же значение, как и диверсия, которая оттянула бы русские силы, в случае польско-русской войны".

В конце августа оффициальная газета польского правительства, „Газета Варшавска" перепечатывает из „Люблинского Голоса" статью полковника Щавинского, суть которой в том, что „Польша должна захватить Белоруссию, если не до Днепра, то хотя бы до Березины. И это является нашей будущей задачей, которая разрешится на поле брани с той или иной Россией".

Наконец, по вопросу о принятии к сведению нашей ноты об образовании Союза Советских Социалистических Республик, Польское правительство следует слепо советам газеты Пилсудского, виновника русско-польской войны, теперь находящегося не у дел, но оставшегося тайным советником. Чтобы выслужиться перед Англией, польское правительство поднимает вопрос, по совету „Курьера Поранного", о кавказских делах и соглашается только тогда принять к сведению нашу ноту, если мы не только вернем нефтяные участки близь Баку какому то польскому обществу, но еще уплатим около 5 миллионов пудов нефти, как доход от этих участков за время, протекшее после национализации нефтяных промыслов.

Ничто не гарантирует, что завтра польское правительство начнет требовать возвращения земель, отобранных у помещиков польской национальности в Белоруссии, Волынской, Подольской и Киевской губерниях.

Мы знаем, что, несмотря на договоры и обещания их исполнять, польское правительство продолжает держать, под видом лесорубочных артелей, бандитов из шаек Савинкова, Булак-Балаховича и Петлюры, в местностях очень близких от наших границ.

Мы знаем, что Фош, приезжавший летом в Варшаву, поучал польский генеральный штаб о необходимости мобилизации анти-советских сил и поднятия восстаний в наших приграничных с Польшей районах.

И мы видим, что польское правительство ждет предлогов, ибо иначе нельзя понять затяжку в признании Союза Советских Республик. Слишком много забрало польское правительство денег у французской

буржуазии, а потому стало послушным орудием в руках французского правительства.

Германия настолько близка к гражданской войне, что в начале сентября „Локаль Анцейгер" писала: „Теперь уже не без пяти минут двенадцать, а без нескольких секунд". Там вот-вот вспыхнет вооруженная борьба пролетариата с буржуазией. И Польша, связавшая свою судьбу с мировым империализмом, уже готова вмешаться, готова помочь германской буржуазии, унижавшей и давившей ее при Гогенцолернах, разгромить германский пролетариат и восстановить на троне императора.

Так наша ближайшая соседка стала орудием контр-революции, орудием угнетения пролетариата, „европейским жандармом" и плацдармом для развертывания вооруженных сил реакции против трудящихся Союза Советских Республик.

Нам надо знать врага, нам надо изучать того, кто мечтает „расширяться на восток", кто хочет захватить Белоруссию, если не до Днепра, то хоть до Березины, чтобы, в случае похода польской буржуазии против нас, найти и поддержать те силы внутри Польши, которые так же, как и мы хотят мира, которым нужно не кулацко-помещичье —капиталистическое правительство, а рабоче-крестьянская власть.

Чтобы яснее себе представить эти силы, надо, прежде чем рассмотреть современное положение соединившейся после 1918 года Польши, ознакомиться с жизнью ее частей, отошедших после Венского конгресса 1815 года к России, Пруссии и Австрии.

Русская Польша.

Отошедшие к России польские земли, под названием Царства Польского, занимали пространство в 127.000 кв. кил. с населением в 12.130.000 человек. Из них поляков 72,4%, т. е. 8.775.000 человек. Общее число годной под обработку земли равняется 11.276.000 гектаров (гектар равен 0,9 десятин). Земля эта распределялась таким образом:

Размер владения.	Число влад.	%.	Колич. гектар.	%.
0—2	272500	24,8	319850	2,8
2—5	434600	39,8	1663220	14,7
5—20	360020	32,7	3582320	31,8
20—200	21880	2,0	831610	7,4
200—500	6368	0,5	1561280	13,9
Более 500	2355	0,2	3317720	29,4
Итого .	1097723	—	11276000	—

Более 700.000 крестьянских хозяйств ютилось на 17½% земли в то время, как около 9000 помещиков занимало более 43% полезной земельной площади.

Кроме того, сельского безземельного населения числилось с семьями 1.775.000, которое работало в помещичьих хозяйствах и на лесных промыслах.

Чтобы господствовать в Польше, царское правительство вело политику по способу „разделяй и властвуй". Крепостное право в Польше было отменено оффициально во времена Наполеона, когда Польша была Герцогством Варшавским. Это освобождение от крепостной зависимости на практике привело к тому, что крестьяне потеряли всякое право на обрабатываемую землю. Картина земельных отношений в период до 1864 года была такова: крестьяне арендовали у помещиков землю, платя аренду отработками на помещичьих землях. Лично они были свободны, но этой свободе была грош цена, ибо помещики могли в любую минуту прогнать их с земли. Таким образом, крестьянство было в полной власти у помещиков, экономически совершенно зависило от них. Недостаток денежных средств у польских помещиков не дал им возможности совершенно пролетаризировать крестьянство.

Мстя за восстание 1792, 1830 и 1863 годов царское правительство отбирало у некоторых помещиков имения и передавало их своим ставленникам, кроме того—выслало очень много польских дворян в Сибирь. После восстания 1863 года, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство и вырвать его из под сильного влияния помещиков, в царстве польском была проведена аграрная реформа, неправильно называемая—освобождение от крепостной зависимости. Суть этой реформы сводилась к следующему: крестьяне стали собственниками тех земель, которые они до этого арендовали у помещиков. Кроме того, крестьянским общинам было предоставлено право пользования господскими лесами и пастбищами, так называемое „право сервитутов".

Право пользования лесами и пастбищами, естественно, вызывало целый ряд столкновений и недоразумений. Царское правительство поставило „крестьянских" комиссаров, приказав им раздувать всякие недоразумения, натравливать крестьян на помещиков и таким образом привлекать их на сторону правительства. Но это продолжалось недолго. Помещики, поняв, что против рожна трудно переть, так как крестьянство, получив землю, стали чувствовать себя более независимо, пользуясь своими богатствами стало подкупать русское чиновничество в целом и, особенно, этих самых „крестьянских комиссаров".

Да, кроме того, и царское правительство поняло, что долго разводить демагогию нельзя, так как крестьяне, владевшие мелкими участками, жадно тянулись к земле и могли начать подумывать о захвате помещичьих земель, поэтому Николай II, во время своего посещения Польши вскоре после коронации, сделал крестьянам торжественное внушение о неприкосновенности помещичьей земли: чем привлек на свою сторону потомков повстанцев 1792, 1830 и 1863 г.

Уничтожение таможенных границ в 1849 году между Польшей и Россией дало толчек развитию польской промышленности. Для промышленности открылся большой рынок и, обладая дешевой рабочей силой и имея дешевый кредит и техническую помощь со стороны Германии, польская промышленность очень оживилась. Получая из России сырье и давая ей взамен текстильные изделия, а также железные, польская буржуазия спаялась с русской промышленностью общими трестами и синдикатами.

Таким образом получилось, по выражению Розы Люксембург, „органическое слияние Польши с Россией". До 1863 г. господство царской России было чисто внешнее, опиравшееся исключительно на грубую силу. После уничтожения таможенных преград и, особенно, после аграрной реформы, для польской промышленной буржуазии открылись широкие перспективы, а экономические преимущества толкали на отожествление ее интересов с интересами русской буржуазии.

Таким образом, промышленная раньше, а земельная позже—буржуазия увидела в царизме своего защитника, и не менее русских промышленников и помещиков была заинтересована в усилении царской империи, потому, что всякое ее расширение означало расширение поля деятельности для промышленности и укрепления помещичьего класса.

Крестьянство в Русской Польше было политически индифферентно. „Родные" помещики угнетали его очень сильно. Сказки о русском царе, как освободителе, опровергались тем, что царские чиновники трогательно об'единялись с помещиками и вместе обирали крестьян. Национальный гнет чувствовался, конечно, остро, но ни языка, ни веры никто не в силах был отнять у крестьян, и с обрусением школы оно борется, тайно обучая своих детей польской грамоте. Успокоенный получением в собственность земли, которую раньше арендовал у помещиков, крестьянин не думал ни о каких восстаниях и скорее думал о получении помещичьей земли, что, конечно, мешало итти к нему с проповедью национальной революции.

Рабочий класс Царства Польского также не мог выставить лозунга национальной борьбы в рамках существующих государственных отношений. Он ненавидел царский произвол, который жестоко расправлялся с ним, когда рабочие отстаивали свои классовые интересы. Он ясно видел, что машина царского угнетения приходит на помощь польской буржуазии, когда он ведет с нею борьбу за увеличение заработной платы. Рабочий класс ясно чувствовал общность интересов его национальной буржуазии с представителями царской власти и поэтому он видел в польском правящем классе такого же врага, как и в царском правительстве, а в русском рабочем—своего собрата по угнетению и союзника в борьбе. Особенно характерно это положение выявилось во время революции 1905 года, когда никаких серьезных попыток к отделению польского государства от России не было. Наоборот, правящий класс по всей линии поддерживал правительство, сопротивляясь изменениям „существующего порядка", а рабочий класс

Польши, совместно с русским пролетариатом, боролся против правительства и капиталистов. Эта борьба рабочего класса Польши принесла большие результаты, чем все законопослушные маневры польской буржуазии и придворные интриги польских помещиков в смысле ослабления национального гнета. После революции 1905 года царское правительство пошло на уступки в отношении применения польского языка в школе и допущения поляков к занятию административных должностей.

Таким образом, часть Польши, попавшая под власть царской России, по существу, не помышляла ни о каком национальном об'единении и к моменту империалистической войны польская буржуазия и помещики были впряжены в колесницу великодержавной России и не хуже русских поддерживали эту войну.

Австрийская Польша.

Отошедшие к Австрии польские земли занимали площадь в 80.000 кв. кил. с населением в 7.510.000 человек, из них поляков было—немного менее половины. Годной под обработку земли было 7.172.000 гектаров. Распределялась эта земля таким путем:

Размер владений.	Число владений.	Проц.	Количество гектаров.	Проц.
0— 2	439760	43,8	680960	9,5
2— 5	369480	36,8	1404480	19,6
5— 20	179720	17,9	1702400	23,7
20—300	10040	1,0	468160	6,5
300—500	4100	0,4	537400	7,5
более 500	1367	0,1	2378600	33,2
ИТОГО . . .	1004467	—	7172000	—

Таким образом 80% землевладельцев, что составляет 800.000 крестьянских хозяйств, теснится на 29% земельной площади, ½%—5467 помещичьих хозяйств широко раскинулись на почти 3.000.000 гектарах.

Кроме того, в группе населения, занятого земледелием и лесным хозяйством насчитывалось 233250 рабочих и 182725 поденщиков, а вместе с семьями это составляло около 800.000 безземельного крестьянского населения. Общая численность рабочих промышленности и транспорта была около 250.000.

По национальностям: поляков—40%, украинцев (галичан)—42% и 10%, евреев.

Галиция богата естественными сокровищами, она владеет в Краковском бассейне углем, Величкинские соляные промыслы принад-

лежат к богатейшим в Европе, имеется много нефтяных источников. Почва, местами, превосходная, а горные кряжи Карпат имеют много водопадов, которые легко могут быть приспособлены для электрических станций. Австрийская буржуазия вела такую политику, чтобы не дать возможность развернуться промышленности. Австрийское правительство рассматривало Галицию, как внутренний рынок, куда можно сбывать изделия Верхне-Австрийской и Богемской промышленности.

Главенствующей группой в стране были польские аристократы, которые держались за Габсбургскую монархию, оберегавшую их земли от галицийских крестьян. Среднее сословие состояло преимущественно из чиновников, а остальные слои населения находились в полной зависимости от аристократии и помещиков. Огромный процент галицийского крестьянства не мог служить почвой для развития патриотической польской политики.

Восточная Галиция сплошь заселена крестьянами, родственными русским украинцам, а крупные помещики и преобладающая часть городского населеня—поляки. Отсюда—в общественной жизни господствовали Клерикально—реакционные партии, которые все благо видели в преданности Габсбургской династии.

Только когда крестьянство стало немного приобщаться к культурно-политической жизни и, когда проявилось некоторое промышленное развитие, появились оппозиционные партии, которые вели пропаганду национально-патриотических идей, но лозунга национальной независимости не выставляли.

Малое количество пролетариата и отсутствие назойливого гнета наложили свой отпечаток на программу польской социал-демократической партии Галиции, которой приходилось искать себе приверженцев, главным образом, среди ремесленников, железнодорожных служащих и торговых приказчиков. В 90 годах прошлого столетия партия приобрела много приверженцев, главным образом, с мелко-буржуазной психологией и была не классовой партией, а партией крайней оппозиции.

В выработке программы этой партии принимали довольно активное участие члены польской социалистической партии (ППС), эмигрировавшие из России. Между прочим, в том числе и Пилсудский. Программа эта представляла смесь националистических и социалистических идей. Основная идея, которую проводила эта партия, заключалась в том, что для Польши, прежде всего, надо сбросить с себя чужеземное иго и об'единиться, а потом вести борьбу за социализм. В программе ничего не говорилось об условиях и возможностях вооруженного восстания против трех могущественных держав и обходился вопрос относительно того, что собственная буржуазия стоит на стороне правящих классов этих держав и проникнута патриотизмом не польским, а Романовским, Габсбургским и Гогенцоллернским.

В общем, как говорит товарищ Мархлевский: „галицийская партия очутилась в двусмысленном положении". Для публики „она в прессе и в парламенте нападала на австрийский милитаризм, а в душе она страстно желала войны Австрии против России. Теперь с точностью можно установить, что члены этой партии, с Пилсудским во главе, уже давно находились в самых тесных сношениях с австрийским генеральным штабом, принимая ближайшее участие во всех приготовлениях к войне, а, в особенности, по части шпионажа".

Таким образом, о едином национальном движении в Австрийской Польше тоже не могло быть речи, а ее социалистическая партия, не имея широкой пролетарской базы, повела не классовую а путанную националистическую мелко-буржуазную политику и даже связалась с австрийским генеральным штабом, и таким путем неожиданно для самой себя попала в один лагерь с польской аристократией и польскими помещиками.

Прусская Польша.

Прусская Польша делится на две, резко обособленных области Верхнюю Силезию, с одной стороны, и на Познань и Западную Пруссию—с другой. Последние две провинции представляют из себя земледельческие области, почти без всякой промышленности. Верхняя Силезия же—сильно развитая промышленная область с огромной добычей угля и железа.

Познань, Западная Пруссия и часть Силезии занимают площадь в 46157 кв. кил. с населением в 3 892.000 человек, из которых поляков—2.078.000., т. е. около 60%. Распределение земельной собственности приблизительно одинаково, и наиболее характерно в Познани.

Размер владений.	Число владений.	%	Количество гектаров.	%
0 -2	180580	66,4	80830	3,7
2—5	23660	8,8	97860	3,9
5—20	51060	19,0	657060	25,5
20—200	13700	5,0	559200	21,3
200—500	1729	0,6	588000	22,8
более 500	576	0,2	588000	22,8
Итого . . .	271305	—	2574000	—

Более 200.000 крестьянских хозяйств владеют всего только 180.000 гектаров ($7^1/_2$%), в то время, как 2300 помещиков (0,8%) обладают более миллиона ста тысяч гектаров (45%). Такие же, приблизи-

тельно. отношения были и в других частях Прусской Польши, с той лишь разницей, что в Познани и Западной Пруссии помещики принадлежат к польской национальности, а в Верхней Силезии—немецкой.

Кроме того, в этих областях было более 400 тысяч сельско—хозяйственных работников.

В Познани и Западной Пруссии рабочих было несколько более 283 тысяч, не считая неработающих членов семьи. В Верхней Силезии они составляли большинство населения, а крестьянство составляло только 29% к общему числу населения области. Больше всего поляков в Познанской области, где их 70%, а, в среднем, по всей Прусской Польше процент поляков около 60, немцев — 34,5, евреев 1,1.

Когда прусское правительство получило в свои руки эти области, то оно усиленно принялось изгонять все польское. Польский язык был везде запрещен в оффициальных сношениях и даже был запрещен на общественных собраниях. Целый ряд городов с польскими названиями получил немецкие названия. Недовольствуясь издевками в культурно-национальной области, прусское правительство усиленно принялось перекраивать экономические основы. В 1886 году десятки тысяч польских жителей были изгнаны из Западной Пруссии и Познани на том основании, что они, как выходцы из русской и галицийской Польши, не являются прусскими подданными. Прусское правительство сначала начало скупать польские земли на добровольных началах, но затем, так как на добровольные сделки мало кто шел, начало принудительно экспроприировать за плату земли польских помещиков.

При дроблении имений крестьяне польской национальности изгонялись из имений, те, кто мог купить землю, не имел возможности это сделать, так как продавалось только немцам, а, кроме того, временами правительство не стеснялось и отбирать землю и у польских крестьян, а не только у помещиков. Изданием закона о поселенцах прусское правительство еще больше стесняло польских крестьян; по этому закону для постройки жилища не только на чужой, но и на собственной земле требовалось разрешение властей. Таким образом, если польский помещик, чтобы не продавать земли прусскому правительству, продавал ее польским крестьянам, то последние использовать право покупки не могли, ибо немецкие власти не разрешали строить им жилища.

В городах борьба польской крупной и мелкой буржуазии за свое место под солнцем выразилась в основании польских банков, польских кредитных обществ, польских производительных товариществ и т. д. В общем и целом—крестьянство прусской Польши жило гораздо сытее и богаче, чем их собратья в частях, отошедших к России и Австрии, и вся их борьба, главным образом, направлялась в сторону укрепления своего экономического положения, что заставляло забывать о политике национального освобождения. Польские депутаты в германском Рейхстаге и прусском Ландтаге во всех экономических

вопросах поддерживали прусское реакционное юнкерство и неизменно голосовали за морские и военные кредиты, ибо богатая, развивающая свою промышленность, Германия была хорошим рынком сбыта для польской сельско-хозяйственной продукции. Время от времени они выпускали торжественные протесты против немецкого колонизаторства, но, в общем и целом, поддерживали великодержавную политику Германии, ибо при всех гонениях они сумели отстоять свое национальное лицо и приобрести довольно большой экономический удельный вес.

Рабочее движение было слишком слабо развито, возникавшие польские социалистические профессиональные организации примыкали к немецким, но большого веса они не имели, потому, что, во первых, было очень мало промышленных предприятий, а, во вторых, национальная рознь мешала успеху социалистической пропаганды и среди ремесленников и рабочих влиянием пользовался националистический контр-революционный „Польский ремесленный союз“.

В Верхней Силезии крестьянство сплошь польское, а помещики—сплошь немцы. Помещики обладают крупными имениями и, одновременно, являются владельцами крупных промышленных предприятий, расположенных на их земле. Мелко-городская буржуазия тоже понемногу онемечилась. Таким образом, и крупная и мелкая буржуазия польского происхождения в Верхней Силезии настолько ничтожна, что она не может выступать идеологом национального движения. Рабочее движение слабо поддается социалистической пропаганде, во первых, потому, что шахтеров и горнозаводских рабочих вообще трудно организовывать, а, во вторых, ввиду того, что уголь удобно расположен толстыми пластами, в горнозаводской промышленности требует мало рудокопов - специалистов и много неквалифицированных рабочих. Поэтому пролетариат Верхней Силезии отличается неустойчивостью.

Таким образом и в Прусской Польше национальное движение развернуться могло слабо, и польская буржуазия и помещики, отстаивая свое национальное лицо и борясь в парламентах за свою культуру, в общем и целом привязали себя к колеснице империалистической Германии, подобно своим собратьям, находившимся под властью России и Австрии.

Восточные области.

В результате войны с Россией, по рижскому договору 1921 г., Польша получила части Минской и Волынской губерний, площадью около 114.000 кв. кил. с населением в 4.958.000, среди которого польского населения около 4%, в то время, как в Белорусской части отошедших к Польше земель процент белоруссов доходит до 83, а в Волынской губернии,—украинцев 77%, а процент еврейского населения соответственно в этих областях будет 11 и 13%%. Области эти—преимущест-

венно земледельческие и ведущие лесное хозяйство. Распределение земельной собственности таково: В Белоруссии и Литве:

Размер владений.	Число влад.	% %.	Количество гектаров.	% %.
0— 2	5640	2.0	—	—
2— 5	13100	5.0	69500	6.9
5— 20	127720	45.5	1077250	13.9
20—300	130540	46.4	2328250	30.2
300—500	1722	0.6	380250	5.0
более 500	1590	0.5	3844750	50.0
ИТОГО. . . .	280312	—	7700000	—

Волынская губерния:

0— 2	52520	23.8	134300	5.2
2— 5	72820	33.7	322320	12.5
5— 20	71590	33.0	550630	21.3
20—300	20075	9.0	335750	13.9
300—500	421	0.2	149160	5.8
более 500	613	0.3	1093840	42.3
ИТОГО. . . .	218034	—	2586000	—

Таким образом, в этих областях с населением, занимающимся сельским и лесным промыслом и в промышленности—обрабатывающим продукты сельского хозяйства, мы видим, что в руках крупных помещиков, в одном случае, имеется 55% земельной площади, а в другом—48%. Крестьянство должно чувствовать большой земельный голод. Это крестьянство уже испытало советскую власть, уже держало в своих руках помещичьи земли, полученные безвозмездно, но теперь снова должно подпасть под иго помещиков и быть в полной зависимости от них.

Кроме того, в этих областях польское правительство повело ту же политику, какую германское правительство вело в Познани, оно дробит, хотя пока и незначительно, крупные поместья и поселяет сюда военных, участвовавших в русско-польской войне.

Такова логика захвата. Захватив земли с малым процентом польского населения, исполняя роль защитника буржуазной собственности, польские социалисты и демократы ведут такую же политику, какую вело по отношению к ним германское правительство.

Современная Польша.

После заключения Рижского договора, после некоторых драк и препирательств с Литвой, после плебисцитов, проведенных в Верхней Силезии и Западной Пруссии, Польша получила определенные границы, замыкающие территорию, без спорной Виленской области, около 370000 кв. кил. с населением несколько более 27 миллионов человек. По преувеличенным польским данным переписи 1922 г., польского населения, в среднем, 72%, по данным же Всемирного экономического и политического справочника—национальный состав Польши таков:

Поляки. . 65.3%
Украинцы . 16.7%
Евреи . . 7.4%
Немцы . . 5.3%
Белоруссы. 3.1%
Руссины . 0.5%
Литовцы . 0.4%
Прочие . . 1.4%

А религиозный:
Католики . 62.2%
Униаты. . 12.1%
Правосл. . 9.3%
Иудеи . . 11.0%
Прочие . . 5.4%

Земля в Польше распределяется по угодиям следующим образом:

Пахотная земля.	Луга и пастбища.	Леса.	Под город., строен. и неудобной.
49%	16%	24%	11%

Распределение земельной собственности таково:

Размер владений.	Число влад.	0/0 0/0	Количество гектаров.	0/0 0/0
0— 2	1159000	37.7	1276590	4.0
2— 5	884500	28.8	3647400	10.9
5— 20	793000	25.8	7841910	23.5
20—200	213500	7.0	5471100	17.2
200—500	16226	0.5	3833000	11.4
более 500	6627	0.2	11499000	34.0
ИТОГО. . . .	3072853	—	33569000	—

Мы видим, что число мелких крестьянских хозяйств в 54 раза больше числа крупных помещичьих хозяйств. Земли же они имеют в одинадцать раз меньше, чем эта кучка в 23 000 помещиков. Это основной вопрос, который весьма характерен для всего польского государства, для его устойчивости и крепости.

Мы говорили о праве так называемых сервитутов, которые установило царское правительство в смысле пользования крестьянами помещичьим лесом. Лесная площадь Польши составляет 24% всей площади земли, но если разбить на отдельные группы, то мы увидим, что помещики и здесь завладели лесными массивами, так:

ОБЛАСТЬ.	Помещичья.	Крестьянская.
Быв. царство Польское	83%	17%
Части Литвы и Белоруссии	93 „	7 „
Волынская губ.	90 „	10 „

Эта табличка ярко рисует, почему даже царское правительство вынуждено было прибегнуть к праву сервитута, ибо помещики, в полном смысле слова, завладели всеми лесами и крестьянство почти ничего не имеет.

По профессиональным признакам население Польши распределяется, приблизительно, так:

Земледелие и лесопромысел 61%
Торговля, пути сообщения и проч. . . . . . 23 „
Промышленность . . . . 16 „

По классовым признакам—картина будет такая:

Крестьян 61%
Рабочих . . . . 13 „
Прочих . . . . 26 „

Интересно отметить положение Польши в разных отношениях среди других Европейских держав. По количеству территории Польша занимает седьмое место.

ГОСУДАРСТВА.	До войны 1914 г.		После войны 1914 г.	
	Простр. в тысяч. кв. километ.	Население в миллион.	Простр. в тысяч. кв. километ.	Население в миллион.
СССР	21474	136	20910	131
РСФСР	—	—	3062	66
УССР	—	—	393	26
Польша	—	—	370	27
Германия	541	65	469	60
„ (с колониями)	3494	78	—	—
Чехо-Словакия	—	—	140	14
Литва (без Мемеля)	—	—	50	2,3

ГОСУДАРСТВА.	До войны 1914 г.		После войны 1914 г.	
	Простр. в тысяч. кв. километр.	Населе-ние в миллион.	Простр. в тысяч. кв. километр.	Населе-ние в миллион.
Венгрия	325	21	93	8
Англия (без колоний)	311	48	311	48
„ (с колониями)	84750	448	85279	460
Румыния	139	8	296	16
Франция (без колоний)	536	39,6	551	39,2
„ (с колониями)	12836	93,6	13770	104
Италия (без колоний)	286	36	311	39
„ (с колониями)	1878	38	1902	41
Бельгия (без колоний)	29	7,6	30	7,7
„ (с колониями)	2385	18,6	2436	19
Австрия	351	31	84	6
Болгария	114	6	105	5
Греция	117	5	148	6
Дания	40	2,9	44	3,3
Данциг	—	0,4	2	0,4
Испания	505	21	505	21
Латвия	—	—	64	2,5
Голландия	34	7	34	7
Норвегия	324	2	324	6
Финляндия	—	3	387	4
Швеция	448	6	448	6
Эстония	—	—	44	1,2
Юго-Славия	87	4,4	246	12,5

По плотности населения Польша занимает девятое место. На квадратный километр приходится населения:

Бельгия	252.
Голландия	200.
Англия	152.
Германия	127.
Италия	125.
Чехо-Словакия	96.
Венгрия	85.
Австрия	77.
Польша	75.
Франция	71.
СССР	7.

Если же взять только Европейскую Россию, то у нас будет на кв. километр 25 чел.

Таким образом, в результате революций Российской и Австро-Германской образовалось польское государство с большой территорией и густо населенное. При наличии естественных богатств: нефти, угля, развитой промышленности, больших лесных массивов и относительно культурного ведения земледелия, при мирном отношении к соседям, видное место в ряду Европейских государств Польше обеспечено.

Но Польша вновь соединилась не в результате собственного революционного движения и не в союзе с пролетарской Российской Революцией. В момент великих революционных взрывов, без участия широких масс польского населения и, что самое главное, без участия развитого и революционного польского пролетариата*), мелко-буржуазные партии Польши, боясь развития Рабоче-Крестьянской Революции в Польше, отдались под покровительство Франции и Англии, победивших в мировой войне, и сделали Польшу оплотом контр-революции, а население—пушечным мясом для защиты буржуазного миропорядка. Развивая узко-национальную шовинистическую агитацию, правящие группы Польши сеют в кругах польского рабочего класса и крестьянства ненависть к рабочим и крестьянам России и ненависть ко всем другим нациям, как приграничных с Польшей государств, так и живущим внутри нынешней Польши.

Свое бытие они поставили в зависимость от стран Антанты, которые в 1919 г. признали новое государство Версальским мирным договором, присудив также бывшие германские земли. 20-го июня 1920 г. совет послов определил границы Польши в Тешенской области и 20-го октября 1921 г. присудил Польше часть Верхней Силезии. 18-го марта 1921 г. по Рижскому договору к Польше отошли части Белоруссии и Литвы и постановлением польского сейма 24-го марта 1922 г.—к Польше присоединена Виленщина.

Не правом пролетарской революции, провозгласившей самоопределение наций, не мирными переговорами с соседними народами руководствовалось польское правительство в преобразовании своего государства, а искало благословения у наиболее империалистических, наиболее угнетательских государств Европы и по их примеру само стремилось и продолжает стремиться к захватам, порабощению и к угнетению национальных меньшинств уже захваченных Польшею, не польских, областей.

И вся государственная жизнь, государственное устройство и политика Польши проникнуты теми же тенденциями, что и всех других буржуазных государств, т. е.—обманывать и угнетать массы в пользу крупной буржуазии и помещиков и воспитывать из них защитников буржуазного миропорядка в великой борьбе, которую ведет пролетариат против мировой буржуазии.

*) Который во время оккупации германскими войсками б. Царства Польского был почти полностью эвакуирован в Россию и Германию и к моменту образования государства не успел собраться.

Аграрный вопрос.

Данные о распределении земельной собственности в Польше, помещенные выше, а также распределение населения по национальным признакам—показывают, что Польша—страна земледельческая, и что земельный вопрос там играет большую роль. На это в свое время обратило внимание царское правительство и ловкими маневрами успокоило крестьян, а, успокоив последних, привязало к своей колеснице польских помещиков. Основным стремлением крестьянства было—получить землю. Настроение крестьян после ухода австро-немецких войск так описывает тов. Кострржева в 23-м номере „Коммунистического Интернационала“:

„Долой панов из деревни, долой власть помещиков“—таков был лозунг всего трудящегося населения деревни осенью 1918 г. и весной 1919 г. Деревенским массам казалось, что настал, наконец, долго жданный момент осуществления надежд, передававшихся из поколения в поколение—„опять будут давать землю“. „Долой панов. Земля наша“,—это был лозунг, который, казалось, об'единил, как рабочих фольварков, так и всю массу крестьянства, и малоземельных, и средних и богачей. И с этой иллюзией общности целей связался другой лозунг, который и до сих пор еще не утратил своей силы в деревне: лозунг крестьянского единства: „все крестьяне против всех панов и горожан“,—вот простейший тактический принцип, наиболее доступный для неполучившего политической подготовки крестьянства. Голосовать за крестьянина, за крестьянский список, за крестьянскую партию, казалось деревенским массам вполне достаточным для защиты их интересов. Одновременно религиозность крестьянина толкала его автоматически в об'ятия реакции, авторитет же, которым пользуются в деревне богатые крестьяне, наиболее политически развитые, независимые и наименее косные, выдвигали их в качестве естественных руководителей. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что крестьянская масса послала в Сейм почти исключительно своих классовых врагов“.

Польское крестьянство, составляющее больше половины населения Польши, имеющее в своих рядах не более 10% крупного кулацкого богатого крестьянства, послало в Сейм „за землей“ кулаков. Из общего числа в 3.728.067 голосов, поданных в Царстве Польском, 1.931.225 за буржуазные и примыкающие к ним организации, из которых две трети падают на деревенские гмины. Деревня же дала 90 депутатских мест зажиточным, богатым крестьянским партиям и в слабом числе послала представителей менее зажиточного крестьянства. И таким путем крестьянство менее зажиточное вручило судьбу аграрного вопроса в руки тех, кто должен был предать его. Богатое крестьянство и представители крупной буржуазии и помещиков, оказавшиеся в большинстве в сейме, вынуждены были заговорить о принудительном отчуждении земли, но, конечно, никто из них не хотел, да и не мог хотеть, безвозмездного отчуждения. Само крестьянство, в силу своего положения в производственном процессе, не всегда склонно к радикальному решению. Земля—основа сельского хозяйства—удо-

боделима. Промышленным рабочим не может притти в голову разделить железнодорожную линию, электрическую станцию, крупную верфь или машиностроительный завод, в сельском же хозяйстве можно легко поделить главное средство производства—землю. Если дележка в фабрично-заводском производстве является очевидной бессмыслицей, ибо для каждого понятно, что она приведет к нарушению производства, то в сельском хозяйстве раздел земли, если мелкий крестьянин достаточно развит, не повлечет за собой дурных последствий и не ослабит урожай.

Польское крестьянство, получившее в 1864 г. арендованную землю в собственность, хотело и теперь, без гражданской войны, мирным путем прирезки земли и согласно даже было платить за эту землю. Но бедняки не понимали, что богатое крестьянство, также как и они, хотело получить помещичью землю, что оно считало только себя единственным наследником помещиков, что в интересах крупного кулацкого крестьянства медленное течение ликвидации крупной земельной собственности, и таким образом будут вздуваться цены и бедное крестьянство не в состоянии будет получить или увеличить свои земельные участки.

И крестьянство польское обрадовалось, когда 10 июля 1919 г Сейм постановил об отмене крупной земельной собственности. Крестьянство поверило этой бумажке, ибо в прошлом такая же бумажка сделала крестьян из арендаторов—собственниками. Мало развитое и неопытное в политическом отношении, одурачиваемое ксендзами и находящееся в зависимости от помещиков, крестьянство не поняло изменившейся обстановки, не поняло, так как не знало, что парламентский строй является для крупной буржуазии удобной ширмой вести закулисную борьбу и ослаблять революционный напор, не давать развертываться массовой борьбе крестьянства и рабочего класса. Сама реформа обещала брать деньги только в половинном размере цен на землю данного района, за самых бедных государство обещало платить само и, кроме того, обещало дать им средства на ведение хозяйства. Все крестьянские рабочие партии, за исключением коммунистов, в один голос стали кричать, что с панами в деревне покончено и что земля действительно станет собственностью народа. К тому же, постановление Сейма предписывало ежегодно разбивать на мелкие участки по крайней мере 200 тысяч гектаров.

Но одно—слово написать, другое—слово сделать. Только 15-го июля 1920 г., чтобы заинтересовать крестьянство в русско-польской войне, был издан аграрный закон, который ставил вопрос так:

1. Наибольший размер существующих земельных владений не должен превышать 180 гектаров.

2. В западных и восточных воеводствах существующие крупные владения до 400 гектаров не подлежат раздроблению.

3. Все остальные землевладения, превышающие норму 180 гектаров, подлежат принудительному отчуждению за вознаграждение и раз-

дроблению, за исключением имений, могущих служить для применения новых специальных хозяйственных методов.

4. Принудительное отчуждение и раздробление отчужденных земель имеет целью создать ряд мелких крестьянских хозяйств, не превышающих 15 гектаров. Все крестьянские хозяйства менее 15 гектаров получают соответствующую прирезку земли.

5. В западной и восточных пограничных полосах допускается использование не свыше 20% отчужденной от крупных землевладельцев площади для создания крестьянских хозяйств до 45 гектаров.

6. Кандидатами на вновь образуемые крестьянские хозяйства являются:

а) неимущие крестьяне и собственники „карликовых“ хозяйств,

б) крестьяне уже владеющие менее 15 гектаров земли, но бывшие на фронте, прежде всего—инвалиды, за ними все остальные.

7. Инвалиды получают землю бесплатно, все прочие—за плату.

8. Принудительное отчуждение производится за половину существующей рыночной цены, причем и эта половина уплачивается не деньгами, а 4% государственной рентой, сверх того с этой суммы удерживается особый прогрессивный сбор, доходящий с суммы, превышающей 6 мил. марок, до 30%.

Но этот закон о порядке проведения аграрной реформы говорит об очередном принудительном выкупе владений, разделенных на 10 категорий: 1) владения плохо эксплоатируемые, 2) самовольно парцеллируемые, 3) приобретенные во время войны лицами, которые не занимаются земледелием профессионально, 4) владения, которые в течение последних 5 лет более двух раз переходили из рук в руки, 5) владения, приобретенные во время войны на спекулянтские прибыли, 6) владения, хозяева которых продавали землю чужеземным правительствам, 7) владения, находящиеся в сфере влияния жилищных интересов городов, 8) владения разрушенные войной и не восстановленные заново хозяевами, 9) владения, находящиеся в аренде и не управляемые своими хозяевами и 10) владения, не приступившие к урегулированию сервитутов.

В каждом уезде, только в случае отсутствия, либо по исчерпании земель одной категории, можно начинать принудительный выкуп владений других категорий. Самая процедура выкупа тянется крайне долго, дело может быть задержано судом и даже затормозиться во всем уезде из за какого-либо недоразумения с одним только земельным участком.

Таким образом, польская буржуазия, совместно с деревенскими кулаками, разными затяжками и оттяжками стремилась свести на нет вынужденные уступки малоземельному крестьянству, и это наиболее

характерно выразилось в том, как происходила парцелляция, т. е. дробление земельной собственности. Обещано было каждый год отчуждать для парцелляции 200 тысяч гектаров, на деле же, как показывает таблица за три года, парцеллировано около 264 тысяч, т. е. немногим более трети.

Парцелляция земель в Польше.

В Польше 1921 года.	Пред'явлено к парцелляции.		Парцеллировано.	
	Владений	Площадь в гектар.	Владений.	Площадь в гектар.
Царство Польское.				
Гл. Земельн. Управлен. 1919—1921 г. . . .	982	181418	479	96422
Уполномочен. Учреждения 1920—21 г. . .	282	47099	181	29962
Уполномочен. частные лица 1921 г.	492	37238	320	2082
Итого	1756	265755	980	147276
Галиция.				
Гл. Земельн. Управл. 1919—21 г.	10	1244	3	400
Уполномочен. Учреждения 1920—21 г. . . .	510	125792	267	60862
Уполномочен. частные лица 1921 г.	344	22056	249	10586
Итого	864	149092	519	71848
Прусские провинции.				
Гл. Земельное Управление	109	29412	—	11218
Восточные окраины.				
Уполномочен. Учреждения 1920—21 г. . . .	135	60799	45	17289
Уполномочен. частные лица 1921 г.	213	71508	136	16321
Итого	348	132307	181	33610
Всего пред'явлено к парцелляц.	—	576546	—	—
Парцеллировано	—	—	—	263952

Парцелляция до войны.

	Галиция.		Царство Польское.	
	Общая площ. в гектарах.	В среднем за год в гектарах.	Общая площ. в гектарах.	В среднем за год в гектарах.
С 1852—66 до 1889 г.	231185	2388	С 1873 г. до 1909 г.	
1889 » 1902 г.	148543	7285	1445586	40000
1902 » 1912 г.	253307	24297		
1910 » 1912 г.	—	32000		
Всего парцеллировано . . .	628035	—	1445586	—

Если же сравнить с парцелляцией, которая была до войны, то можно видеть, что свободная, называющая себя демократической, Польша, после того, как издан закон о принудительном отчуждении делает столько же, в смысле парцелляции, сколько делалось естественным ходом событий до войны, когда никаких законов о принудительном отчуждении не было. Так вырисовывается обман буржуазии и кулаков. Крестьянство беднейшее заметного улучшения не испытывает, ибо все предназначенное для парцеллирования попало в руки богатых крестьян. Закон о продаже земли безземельным легко обходится, ибо в безземельные записываются сыновья богатых крестьян и разбогатевшие в Америке эмигранты. Правительство выдвинуло лозунг продажи земли только покупателям, обладающим значительными средствами, кроме того правительство передало дело парцелляции в руки, так называемых, уполномоченных учреждений и лиц, в руки разных спекулянтских товариществ и банков и земля сделалась об'ектом грандиозных спекуляций, цены вздулись настолько высоко, что бедняку приходится терять надежду на ее покупку.

Получилось полное крушение надежд безземельного и малоземельного крестьянства. Вместо того, чтобы экспроприировать помещиков, хотя бы за плату, они сами ходом событий попадают под экспроприацию. Одни—не имея земли, другие—имея ее столько, что урожай не обеспечивает их потребностей, вынуждены продавать свой труд. Но уменьшение вследствие парцелляции земельной площади, где применялся наемный труд, нежелание некоторых помещиков, которым грозит парцелляция, заниматься интенсификацией хозяйства, сокращает число потребных рабочих рук Эмиграция, ввиду надежды на получение земли, сократилась и таким образом в деревне получается увеличение предложения труда и понижение заработной платы помещиками, которые ловко используют положение и заменяют дорого стоющего батрака—более дешевым малоземельным крестьянином.

Борьба помещиками ведется таким образом, что увольняют наиболее сознательных и энергичных рабочих и тем, самым, при помощи массовых расчетов, подавляют энергию сельско-хозяйственного пролетариата. Получилось обратное тому, что ожидало бедное, безземельное и малоземельное крестьянство. В распоряжении помещика, как и при царском режиме, только не русские, германские и австрийские, а свои польские—полиция, армия, жандармы, суды.

Все это разбивает веру крестьянства в единство интересов крестьян. Оно на опыте учится, что интересы различных слоев крестьянства различны, оно видит и понимает, что только борьба с кулачеством, стоящим на стороне помещика и самими помещиками, поможет добиться улучшения земельного вопроса. Оно, убеждается, что бумажки, в виде законов, недостаточно, что нужна борьба и, притом, решительная против помещиков и кулаков. Как ни кургуз закон об аграрной реформе, как ни контр-революционен в своем существе, он сыграл положительную роль, ибо, под давлением грозного ропота деревни, имущие классы вынуждены были, хотя бы и на словах, нанести серьезный удар неприкосновенности „священного права" частной собственности на землю.

Безземельное и малоземельное крестьянство, запутавшееся в единстве крестьянских интересов против помещиков, доверило защиту своих интересов кулакам, но теперь убеждается, что те доверие использовали не только в своих, но и в помещичьих интересах. Этот опыт, эта наука не пройдет бесследно и крестьянство кое что начинает понимать. Жизнь внесла поправку к первому этапу крестьянского движения. Тогда было единство крестьянства против панов и горожан, теперь, благодаря спорам при разделе земли, благодаря борьбе за землю четырех групп деревенского населения: кулаков, середняков, бедняков и рабочих жизнь обучает классовым противоположностям, вносит сознание противоположности интересов богатого крестьянства и деревенской бедноты.

Закон об аграрной реформе, наряду с земельными управлениями из чиновников, создал земельные комиссии, в которых на низах работают представители крестьянства и принимают участие представители безземельных рабочих. Работа в этих комиссиях перестраивает психологию крестьянина и профессор Буяк, в своей брошюре об аграрной реформе, пишет: „Лозунг—земля для местного населения—обрел в гминных земельных комиссиях такую крепкую опору, что всякие попытки противодействия ему заранее осуждены на бесплодность".

Когда крестьянство увидело, что земли переходят к кучке состоятельных крестьян, то началась борьба, в которой то одна, то другая группа часто недопускает к парцелляпии или же к продаже земли другой группе. Бывают случаи, что крестьяне недопускают, вооружившись вилами, оценочных комиссий, изгоняют землемеров, собираются толпами около земельных комиссий и управлений, чтобы заставить их постановить то, что они хотят.

Но этому движению далеко до сознательности, оно не выходит за пределы своей округи, крестьянин не умеет свои ссоры из-за клочка земли перевести на язык не только классовой борьбы, но даже обобщить их до общегосударственного масштаба. Он видит в них только свои местные ссоры, а не общую линию политики правящих групп, которая ведется по всей территории польского государства. Нередко эта борьба используется помещиками и кулаками в своих интересах, когда они, становясь на сторону малоземельных против безземельных, или наоборот, затягивают, а иногда даже сводят на нет все попытки к отчуждению или парцелляции.

Все крестьянские партии левого оттенка, благодаря отсутствию у них самих ясного понимания и твердой программы, понемножку становятся если не в ряды, то на сторону кулацкой партии „Пяста", руководимой Витосом. Но уже заметны некоторые признаки, что крестьянство что то начинает понимать, и в этом отношении характерно вступление в коммунистическую фракцию сейма депутата от крестьянства—Домбаля, получившего на это полное согласие своих избирателей. Интерес со стороны крестьянства и радикальных его представителей и заставил польское правительство обрушиться на Домбаля, засадить его в тюрьму и, в конце концов, с радостью отпустить его в Советскую Россию, чтобы избавить себя от разоблачений, критики и агитации этого депутата коммуниста.

Крестьянские массы сейчас интересуются двумя вопросами: повышение заработной платы и улучшение условий труда интересует безземельных работников. Земля—интересует малоземельных. В Прусской Польше борьба идет первого типа, в Галиции—особенно в восточных окраинах и в бывш. Царстве Польском, в значительной его части, идет борьба крестьян за раздел помещичьей земли. Если бы польские правящие группы честно выполняли закон об аграрной реформе, то они смогли бы ослабить революционное движение, даже не допустить его. Но мы видим обратное. Правящие группы всеми способами и всеми мерами затягивают процесс парцелляции, мы видим также, что Морган условием для займа ставит прекращение проведения в жизнь аграрной реформы, и таким путем об'ективный ход событий заставляет правящие группы революционизировать крестьянство, обучать его на практике, что надо искать союзника в другом классе, а таким классом является пролетариат и его политическая организация—коммунистическая партия. Реформа, созданная, как попытка парализовать движение деревенской бедноты, помешать ей насытить свой земельный голод, создает условия для оформления классового сознания крестьянства и почву для классовой борьбы в деревне.

Один из самых известных польских публицистов-помещиков, г. Ян. Стецкий, пишет об этом следующее:

„В современной Польше нет условий для возникновения аграрного вопроса и, однако, аграрный вопрос возник. Как же это случилось". Развивая дальше свои мысли, г. Стецкий констатирует, что

аграрная структура Польши не представляет ничего анормального в сельско-хозяйственном отношении и что причину возникновения аграрного вопроса нужно искать в

„низком уровне материальной культуры и весьма узком кругозоре нашего крестьянства, благодаря чему его стремления и инициатива целиком поглощаются областью земледелия, владения землей, работой на земле“...

„Понуждаемый обстоятельствами, крестьянин быстро становится хорошим, способным и ловким работником, но обдумывая свой жизненный путь и создавая планы и проекты, он видит только землю и земледелие. Поэтому то, прикрепленный всеми своими инстинктами к земле, он чувствует *постоянный и ненасытный земельный голод и с завистью смотрит на каждую полоску соседа*".

Напрасно Стецкий видит все в узком кругозоре крестьянства. Крестьянство толкает на это огромные массы земли в руках помещиков, что видно из таблиц, помещенных выше, а, кроме того, и такие факты, как постановление Краковского суда, который, после решения Главного Земельного Управления о принудительном выкупе крупнейших поместий польских магнатов Сангушко и Потоцкого, приостановил постановление Управления.

Все указанные причины толкают крестьянство к борьбе, к революционному разрешению вопроса, и в настоящий момент польский крестьянин, за три года убедившийся в лживости своего правительства, в лживости всех своих, так называемых, крестьянских партий, не будет таким послушным орудием, каким он был в 1920 г., а, особенно, в присоединенных по Рижскому договору провинциях, где он уже имел в своих руках землю, которая вновь перешла в руки помещиков. Обмануло Польское правительство и участников войны, раздавая землю не рядовым, а офицерству и отбирая эту землю в восточных окраинах, чаще у крестьян, чем у помещиков.

Вскоре после приезда Фоша, который потребовал перемещения центра внимания внешней польской политики с востока на запад, произошла смена министерства, вместо генерала Сикорского председателем совета министров стал Витос и в министерстве главную скрипку стал играть правый блок. Состав министерства получился такой: от партии Пяст—3 члена, правого блока 6, беспартийных 4 и 2 национальной рабочей партии. Заместителем министра премьера является также национал-демократ и первым тов. министра внутренних дел—представитель правого блока. Таким образом, новый кабинет является целиком кабинетом национал-демократии и знаменует собою коренное изменение внутренней и внешней политики Польши.

В области экономической новое правительство надеется провести поимущественные поземельные налоги, закон о сокращении государственных расходов, проэкты которых были внесены предыдущими кабинетами, но задерживались до сих пор партиями теперешнего большинства. Имеется в виду частичное осуществление аграрной реформы, ввиду ежегодного принудительного отчуждения 400 тысяч моргов.

Принятие закона о новых налогах и сокращение государственных расходов должно повлиять на улучшение польских финансов. Что же касается аграрной реформы, то даже урезанная, в том виде, на которую согласились между собой партии большинства, навряд ли будет выполнена, так как аграрные группы правого об'единения резко восстают против этого, и кроме, того, это вызовет крупные расходы, против которых будет возражать министр финансов. Этот пункт об аграрной реформе является камнем преткновения для право-центрового блока образовавшегося правительства.

Доллар, который в конце Мая стоил 50 тысяч, в 20 числах Июня повысился до 163 тысяч марок. Причин тому много, и одна из главных—выпуск бумажных денег на сумму в 300 миллиардов марок, превышающую всю сумму выпущенных бумажных денег за первые пять месяцев текущего года. Влияли, конечно, и кабинетный кризис, и связанные с ним трения в армии. Предпринятые министерством финансов меры—закрытие всех частных бирж, лишение частных банков права продажи иностранной валюты и сосредоточение торговли иностранными дензнаками исключительно в руках государственной сберегательной кассы—не привели ни к чему, и в Сентябре месяце польская марка еще понизилась и доллар стоил 300 тысяч.

В первых числах июня 1921 года министром финансов был внесен в сейм проэкт бюджета на 1923 г. Проэкт состоит из трех частей: административной сметы, сметы государственных предприятий и сметы государственных монополий.

СМЕТА на 1923 год.

Статьи сметы.	ДОХОД.	РАСХОД.
	В миллионах марок.	
I. Администрация.		
Президент	28,8	777,3
Сейм и Сенат	5,1	11151,4
Верх. Адм. Триб.	—	1312,3
Гос. Контроль	—	5526,4
Презид. Совмин.	5362,7	16085,8
Мининдел	22469,9	74664,1
Минвоендел	84834,2	2554512,1
Минвнудел	73375,5	406824,6
Минфин	2488387,5	806192,1
Минюст	9386,6	40349
Минторгпром	24673,9	19417,3

Минжелдорг	61,9	6878,8
Минземдел	10106,7	41249,3
Минпросвещ	7424,9	558824,2
Минпочтель	178732,3	205185,8
Миннарздрав	6388,7	56048,2
Минобщ. работ	11284,7	288633,1
Минтруда	10125,7	74484,9
Глав. Ликвид. Упр.	5236,9	16502,7
Глав. Зем. Управл.	11838,7	61957,9
Итого	2949626,0	5350486,2
II. Предприятия.		
Гос. типографии	373,4	2194,5
Воен. мастерские	—	83000,0
Гос. графич. заведен.	1007,0	1640,0
Горн. и пром.	5526,0	8886,9
Желдороги	31589,8	642079,9
Земельн. имущ.:		
а) госуд. хоз	65143,3	—
б) » леса	279947,2	500,0
Почта и телеграф.:		
а) произв аппарат.	290,3	—
б) радиотелеграф.	6065,0	865,4
Госуд. санатории	4927,0	200,0
Итого.	379670,0	769966,4
III. Монополия.		
Сахарин	57,5	—
Соль	70000,0	—
Табак	162450,0	10000,0
Лотереи	2738,7	—
Итого.	235246,2	10000,0
Всего по смете	3564542,2	6126452,6

Таким образом получается дефицит в 2561910,4 миллионов марок, но, несмотря на это, смета показывает известное улучшение финансового положения, так как предусматривает покрытие доходами 69% расходов. Если же учесть поступление поимущественного налога за первую четверть 1923 г., что не было предусмотрено бюджетным планом, так как закон о налоге находился на рассмотрении сейма, то процент покрытия расходов подымется до 80. По сравнению с предыдущими годами, когда в 1919 г. смета предполагала покрытие 21% расходов, на деле же было покрыто только 17, в 1920 г.—44,8%, в 1921 г. смета предполагала покрытие 60% расходов, покрыто же было 30%, в 1922 г. предполагалось 77%—покрыто 66.

Хотя, повидимому, от этого расхождения предположений сметы с действительным ее выполнением, не гарантирован и бюджет 1923 г., что видно из таблицы действительных доходов и расходов по сметам главных ведомств за первое полугодие 1923 г. Для сравнения берется половина сметных сумм годового бюджета, показанных в предыдущей таблице.

Таким образом, дефицит в действительности увеличится. Обращают на себя внимание в смете расходы министерства финансов, составляющие более 30% всего дохода и дефицит свыше 900 миллиардов марок по смете государственных предприятий. Все эти затруднения в финансовом вопросе и отказ Франции в займе в 200 миллионов франков для выполнения военной программы и субсидий военной промышленности, заставили польское правительство искать денег за границей. Французская палата еще весной 1923 г. вотировала заем в 400 миллионов франков, который до сих пор Польше не выдавался, но и выдаваться будет материалом, но не деньгами, и, притом, преимущественно в виде военного снаряжения.

Проект поимущественного налога, внесенный беспартийным министром финансов Грабским, был встречен отрицательно буржуазией и он был принужден выйти в отставку. На его место был избран бывший директор сберегательной кассы Лянде, который аннулировал все финансовые распоряжения своего предшественника и собирался из'ять закон о поимущественном налоге, как произошла новая реконструкция совета министров, усилившая позиции правого блока. Кухарский, из министра торговли и промышленности, стал министром финансов.

Особенно показательно назначение Кухарского, который только что ездил в Париж, где вел переговоры с представителями Моргана, относительно займа в 120 миллионов долларов. Заем этот необходим для Польши в целях создания прочного эмиссионного института, для которого нужен золотой фонд, так как Польша готовится к выпуску по примеру Советской России обеспеченных золотом банкнот. Морган обещал дать заем, под условием перевода государственных предприятий (железные дороги, почта и телеграф) на хозяйственный расчет, ликвидации аграрной реформы, т. е. неприкосновенности крупных имений, отмены закона о 8-ми часовом рабочем дне и закона

об охране квартиронанимателей. Кроме того, в обеспечение займа Морган потребовал таможенные доходы и табачную монополию. По словам оппозиции, Кухарский будто бы с согласия правительства обещал эти требования выполнить. Сведения об' этих переговорах вызвали большое возмущение и требования отставки Кухарского, который ушел с поста министерства торговли и промышленности, но сделался министром финансов.

Финансовое положение Польши настолько запуталось, что волей-неволей придется пойти если не полностью на требования Моргана, то, во всяком случае, большую часть их удовлетворить, так как надежды получить от Франции заем пока нет. Англия же, ввиду перемены внешней политики Польши с востока на запад, ничего не даст.

Государственный долг Польши, в переводе на американские доллары, к 1 января 1922 г. представлялся в таком виде:

Внутренний долг	77871100	долларов.
Внешний долг	283317000	„
Итого . . .	361188100	долларов.

Теперь, в этот долг не входят долги прежней Австрийской империи и Пруссии, которые Польская Республика, согласно мирного договора 1919 г., взяла на себя. Долги, конечно, за это время возросли значительно больше.

Золотой запас, определявшийся в январе 1921 г. в 82 миллиона долларов, в январе 1922 г. увеличился до 84 миллионов. В июне понизился до 73, а к 1 января 1923 г. сократился до 46 миллионов. Судя же по словам профессора Дебоска, который читает лекции в Англии и Америке о положении Польши и на одной из лекций указал, что Польша имеет сейчас фонд в 77 миллионов золотых марок,—золотой фонд к середине 1923 г. снизился еще до 18—20 миллионов долларов.

Таким образом, положение финансов в Польском государстве становится все хуже и хуже, увеличивается влияние иностранного капитала до того, что Морган предлагает себя в финансовые контролеры и диктует целый ряд мер в защиту крупной буржуазии и помещиков. Все это заставляет предполагать, в связи с нарастающей классовой борьбой в Германии—усилением мирового фашизма и наступлением капитала, что Польша будет брошена на Германию. А планы польского командования, в таком случае, определенно указывают на необходимость занять польскими войсками восточные области, если не до Днепра, то хотя бы до Березины.

Но, не говоря о рабочем классе, который все более и более переходит к коммунистам, который имеет уже около 2 миллионов безработных (еще предстоит сокращение на 60% лодзинской промышленности), изменилось и отношение крестьянства. Того „национального“ единства нет. Аграрная реформа оказалась пуфом и, вдобавок,

ее требует отменить даже Морган, что соответствует политике торгово-промышленной и помещичьей буржуазии, которая сейчас у власти.

Земельный голод не утолен и коммунистическая партия Польши сумеет об'яснить, а жизнь докажет, что только рабоче-крестьянское правительство поможет крестьянину.

Революцию можно задержать, но она придет не сегодня, так завтра.

Мих. Лузгин.

Вопросы эпохи культурничества.

„Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу".

(*В. Ленин.* „О кооперации").

Статья первая.

1.

В Военно-Политическом Кружке Военно-Научного Клуба Запфронта ставился на обсуждение доклад, имеющий своей задачей осветить методы вовлечения командного состава в работу красноармейских клубов. Как некоторые тезисы самого доклада, так и последовавшие прения показали, что вопросы выдвигаемые эпохой, вопросы культурничества уяснены еще далеко не вполне и далеко не всеми. Нужна еще их тщательная проработка, как в печати, так и на совещаниях, с'ездах и конференциях, прежде чем исчезнет всякая почва для недоразумений.

Первый пункт тезисов указанного доклада гласил следующее:

„В связи с тем, что от задач большой политики в своей повседневной внешкольной работе среди красноармейцев мы все больше *отказываемся* в пользу привития им культурных навыков и привычек, необходимость участия комсостава в этой работе становится все более и более понятной, как для клубработников мест, так точно и для самого комсостава"... Мы считаем, что в приведенном положении имеется крупнейшая ошибка (правда, впоследствии несколько смягченная, путем внесения соответствующих поправок), обусловленная не столько неудачной формулировкой, сколько действительным непониманием сущности.

В том же заседании в.-п. кружка в прениях один товарищ договорился до того, что культурническую работу в клубе чуть ли не целиком нужно передать высшему командному составу, как наиболее

культурному, имеющему в прошлом соответствующее воспитание. Мы не удивились бы, если бы в развитие своей мысли этот товарищ предложил совершенно освободить от внешкольной клубной работы наших политработников и младший комсостав, как людей, которые сами еще нуждаются в культурной шлифовке. На самом деле: если мы „отказываемся от задач большой политики" и переходим к делу привития красноармейцу культурных навыков и привычек, которые суть: чистоплотность, аккуратность, точность и т. д.—нечто такое, что как будто вообще находится вне всякой политики, отчего же тогда действительно и не передать всей этой работы из рук политсостава в руки состава командного?

Это мнение является лишь логическим развитием точки зрения, выраженной в пар. 1 тезисов докладчика первоначальной редакции: „Необходимость участия" комсостава в клубной работе „становится все более и более понятной, как для клубработников мест, так и для комсостава", не потому, что этот комсостав, путем ли подбора соответствующих по классовому существу людей, путем ли суб'ективной эволюции, проделанной им, приблизился к нам, к нашему пролетарскому мировоззрению и тем самым не только понял необходимость, но и получил *органическую* способность вести нашу культурническую работу, но потому, что *мы* проделываем некую эволюцию, капитулируем, сдаем свои первоначальные позиции, отказываемся от „большой" (хорошо, что еще только от „большой"!) политики, и тем самым приближаемся к пониманию нас и нашей работы комсоставом.

Не гора к Магомету, так Магомет к горе.

2.

Несомненно, что различные классы человечества, наследующие культуру отжитой эпохи, не выбрасывают и не могут выбрасывать ее за борт. Накопленный в ней колоссальный опыт так же необходим новому классу, как и отошедшему в историю. Разница лишь в том, что подвергнутый критическому анализу с новой точки зрения, с точки зрения нового класса, он приводится в новую *связь*, организуется в иных сочетаниях (более высоких, нежели прежние) и служит, прежде всего, интересам нового класса, тогда как прежде мог служить им во вред. Культура нового класса не высасывается из пальца—она есть опыт этого класса плюс все историческое наследие, пересмотренное и перестроенное с точки зрения этого опыта.

Тов. Ленин совершенно справедливо указывает, например, что работа Советской кооперации является непосредственно социалистической работой. А, между тем, „западно-европейская кооперация, находящаяся еще в руках соглашателей, является фактически орудием затемнения классового сознания пролетариата и отвлечения от революционной борьбы" (циркуляр ПУР'а о кооперации). В обоих случаях—кооперация. В обоих случаях, как будто бы, одно и то же. А какая бездна классовой противоположности заключается здесь в действительности!

Буржуазия считала необходимым чисто одеваться, соблюдать опрятность, точность, аккуратность. Эти элементарные бытовые условия

она считала *для себя* необходимыми. Но ее не только не беспокоили бытовые условия жизни какого-нибудь „голодаевского“ мужичка, но, напротив, она приходила в „патриотический“ восторг от этих „национальных“ черт, свойственных „исключительно русскому, национальному духу“.

Отсюда ясно, что даже такое, казалось бы, „внеклассовое“ „правило“, „норма“, что не годится плевать на пол, имеет глубокое классовое значение. По истории этого мельчайшего бытового штриха можно проследить историю классов человечества.

Мы нарочно останавливаемся на таком примере. Если ясен вопрос о классовом характере науки, искусства, философии и т. д., то классовая сущность явлений быта, культурности—в узком смысле этого слова—сплошь и рядом не осмысливается, и является источником недоразумений и ошибок.

Именно поэтому особенно важно теперь, когда мы, наконец, получили возможность брать из полученного культурного наследства те элементы его, которые имеют практическую ценность для нас, для нашей культуры, войдут в нее составной частью—например—рациональная организация труда, экономия во времени, гигиенические и санитарные правила общежития и т. д. и т. п., не обманываться их кажущейся „нейтральностью“ в классовом отношении.

Еще важнее, конечно, не принимать их за нечто такое, *чем и исчерпывается* наша *культурническая работа*, не видеть за ними сущность эпохи культурничества, которая есть—*социалистическое* перевоспитание рабочих и крестьян.

Эти два „недоразумения“, в итоге, дают крупнейшую политическую ошибку, которая сводится к переходу прямехоньким путем к буржуазной классовой точке зрения; в лучшем случае—к „сменовеховскому“ пониманию эпохи и ее задач.

3.

Тов. Ленин, первый определивший нашу эпоху как эпоху культурничества, формулирует это следующим образом: „Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести, клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную *организационную „культурную“ работу*“ (*курсив наш*). И дальше: „Собственно говоря, нам осталось сделать „только“ одно: сделать наше население настолько „цивилизованным“, чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие... Но для того, чтобы совершить это „только“,—нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы“ („О кооперации“, Ленин).

Вот именно: *организационную* „культурную“ работу.

Если мы хоть на минутку позволим себе забыть, что наша культурническая задача есть задача *организационная*, если мы упустим, что ее цель, ее смысл—существо—*кооперирование* населения, *социали-*

стическая его *организация*, если мы подменим эту задачу культурничеством „вообще", культурничеством „самим по себе", мы пойдем по абсолютно ложному пути, отнюдь не пролетарскому по своей природе.

„Население"—это, главным образом, многомиллионное крестьянство (что и видно из обеих статей т. Ленина). И задача его культурного воспитания отнюдь не сводится только к привитию ему качеств—аккуратности, точности, наблюдательности—и т. д., свойственных индустриальному городу. Это только маленькие *частности* задачи. Очень важные, необходимые, но *частности*. Целое же в том, чтобы „население стало настолько „цивилизованным", чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации".

Эта задача—задача *большой политики*, это *политическая* задача (см. ст. т. Троцкого „Не о политике единой жив человек"). Больше того, *это пролетарская, классовая, коммунистическая задача*, ибо она есть, она может быть *только* результатом воздействия рабочего класса на „население", на крестьянство, она является приобщением его к идеологии рабочего класса.

Вообще говоря, проблемы реорганизации крестьянской экономики без электрофикации не разрешить, как не осуществить без нее и „электрофикации" крестьянского быта. Однако, рабочее государство, обладающее колоссальной организационной энергией, располагающее такой силой, как городская техника, может методом смычки проделать большую подготовительную организационную работу, всемерно пропагандируя и содействуя экономическому развитию кооперации. Не только потребительской, но и всех видов производительной. Организация безлошадников, маломощных хозяйств, организация хозяйств крестьян-коммунистов, снабжение машинами, требующими совместного хозяйствования, поддержание колхозов—и т. д. и т. п.—вот задача эпохи культурничества по отношению к деревне.

„Рационализировать" быт, т. е. преобразовать его по требованиям разума, нельзя, не рационализируя производства, ибо корни быта в хозяйстве... Только социализм ставит своей задачей охватить разумом и подчинить ему всю хозяйственную деятельность человека... „Но этим же самым устанавливается тесная зависимость наших успехов в области быта от наших успехов в области хозяйства". (Л. Троцкий). Это—безусловно так. Задача культурничества—есть в то же время задача социалистической перестройки хозяйства. Это—две стороны одного и того же процесса...

Только сочетаясь с постепенным, но неуклонным развитием электрофикации изменением технических основ сельского хозяйства—даст нам наша „культурническая", организационная и пропагандистская работа тот строй „культурных кооператоров", который, при наличии общественной собственности на средства производства, и явится социалистическим строем.

Воспитательная наша работа в деревне будет создавать идеологические предпосылки для кооперирования населения. Борясь с безграмотностью, невежеством техническим и политическим, будет унич-

тожать религиозные предрассудки—путем насаждения начал естествознания, пропагандировать принципы и преимущества кооперации и культурных способов ведения хозяйства под углом зрения кооперации, содействовать пробуждению активности и самодеятельности.

В условиях современной деревни, с ее расслоением на бедноту и богатеев, с ее практицизмом, несомненно, имеются большие возможности для начальных шагов социалистического строительства. Основное препятствие—консервативность и косность их—нам предстоит преодолеть в борьбе на культурном фронте.

4.

Задачи, выдвигаемые эпохой по отношению к населению вообще, в частности—к крестьянству,*) не теряют своей актуальности по отношению к армии, с теми, конечно, неизбежными ограничениями и дополнениями, которые обусловливаются особенностями военного дела. „Я готов сказать,—пишет Владимир Ильич—что центр тяжести для нас переносится на культурничество, *если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе*". Эта чрезвычайно существенная оговорка сделана тов. Лениным по отношению ко всей нашей эпохе, ко всей нашей работе вообще.

Тем большее значение она имеет для Красной Армии. Наши международные отношения, наша позиция в международном масштабе, не менее, чем на 90% опирается именно на Красную Армию—вооруженный авангард социализма. Больше того—мировая пролетарская революция имеет в лице Красной Армии Советской России существенную и надежную для себя опору. Очевидно отсюда, что вопросы политические в узком смысле слова (или вопросы „большой политики", если *это* разумеют здесь товарищи, пользующиеся таким выражением) не могут быть изгнаны из клубов, школ, политчаса. Другое дело, что теперь они могут занимать место в пределах 1/10 всей работы. Но это не есть результат *отказа* от политики, а результат того, что крестьянство твердо усвоило себе за истекшие пять лет, что лучше Советской власти ему никакой другой власти не найти, и что поэтому ее необходимо защищать. Просто теперь уже нет надобности *убеждать*, а нужно только *раз'яснять*. Это требует гораздо меньших усилий.

Здесь, кстати, нужно устранить еще одно „недоразумение", одинакового порядка с предыдущими. Вполне естественно, что теперь вопросы *международной* политики должны несколько сжаться, должны занять подобающее им нормальное место в культурной жизни Совет. России, нельзя теперь всю воспитательную работу строить на „текущем моменте" (понимая под этим наши обычные „мировые" доклады). Но глубоко неверно думать, что вся *остальная* наша работа есть *не политическая* работа. У нас нет, не будет и не может быть никакой другой просветительной работы, кроме *политико-просветительной*. Недоразумение порождается и здесь тем, что с буржуазной точки зрения вся область культуры лежит вне классов и классовой борьбы (и, следовательно, вне политики).

*) Задач эпохи культурничества по отношению к рабочему классу *в частности*—мы здесь не касаемся.

И здесь—это ничто иное, как результат недостатков в мировоззрении делающих эту ошибку товарищей, ибо после статьи т. Троцкого „Не о политике единой жив человек“, где он специально останавливается на двух значениях, в которых употребляется слово „политика“ („узком“—специальном и широком марксистском)—трудно допустить, что здесь может еще существовать какая-нибудь неясность.

Итак: и в том и в другом смысле—„политика“ продолжает быть и не может не быть корнем нашей работы в Красной Армии.

Далее. Быт Красной Армии—быт особый. В некоторой части своей он состоит из навыков и обычаев, принесенных красноармейцами оттуда, откуда они пришли—главным образом, из деревни. Но в значительной доле этот быт *специфический*, определяемый тем, что армия—армия, создаваемый и регламентируемый *сверху*. Быт Красной Армии легче во много раз, чем быт рабочих и крестьян в производстве—поддается нашему регулированию. Критический пересмотр этого быта—сознательный, плановый должен и может принести нам в результате спаянный, сработавшийся боевой аппарат, где каждая частица, каждый боец—воплощенная точность, аккуратность, исполнительность. Этот пересмотр должен свести до минимума, если не уничтожить совсем—бюрократизм, холуйство, пьянство, уголовные преступления и т. д.

Пути такового пересмотра могут быть самыми разнообразными: создание ячеек времени, конкурсы на лучшую часть, лучшего красноармейца и командира, административное воздействие и т. д. и т п. Здесь, конечно, как и во всем, должно иметь первое место—массовое творчество, инициатива и самодеятельность.

Цели этой работы не только в том, чтобы создать нужные нам бытовые условия в *армии, как таковой*. Мы не можем забывать, что находящаяся в рядах молодежь—это не только *солдаты*, это—лучшие, наиболее податливые *элементы деревни*. Тем более недопустимо (да и невозможно) такое забвение теперь, когда мы переходим к милиционной системе, где военная работа тесно спаяна с воспитательной работой населения вообще.

Следовательно, вся ревизия быта, вся, без исключения, наша воспитательная работа должна исходить, не может не исходить из основной политической задачи: сделать красноармейца настолько „цивилизованным“, чтобы он понял все выгоды кооперации. *Это же значит сделать его и наилучшим бойцом.*

Тов. Троцкий, в статье „Не о политике единой жив человек“, пишет, что коммунистическая партия должна поставить своей целью заставить несознательных, „аполитичных“, отсталых рабочих сознательно *осмыслить* свою работу у станка, как социалистическую, как частицу социалистического строительства в целом. Доклады и митинги теперь, в нашу эпоху, не годятся. И тов. Троцкий указывает на необходимость создания таких технических пособий и учебников, в которые *органической частью должны входить социалистические идеи и выводы*, являясь частью практической теории данной отрасли труда и отнюдь не принимая характера внешней навязчивой агитации.

Совершенно таким же образом должна строиться наша культурническая работа в армии. Будучи деловой и практической, она должна органической своей частью иметь социалистические идеи и выводы. Буквально все—начиная от плакатика о некурении и неплевании на пол и до строевых занятий—должно быть проникнуто социализмом, должно воспитывать красноармейца в понимании преимуществ кооперации. Здесь это тем легче, что сама армия построена именно на принципах кооперации. Подход к действиям звена, взвода, роты и т. д. *с этой стороны* может оказаться одним из лучших способов развития у красноармейцев начал общественности, начал организованного сотрудничества, в противовес собственническому индивидуализму.

Знакомым для нас примером *такой* организации работы будет *азбука*, по которой учится кр-ец.

Азбука—это *техническое* пособие, по которому кр-ец учится *технике* чтения и письма.

— „Раньше мы были рабы, а теперь—мы не рабы"—читает кр-ец по складам. Ему как будто бы совершенно безразлично содержание прочитанного. С равным успехом из складов могло получиться все, что угодно (если бы это был старый учебник, то что-нибудь дрянное). Интересуясь не тем, что получилось, а только тем, чтобы *что-нибудь* получилось, кр-ец все же невольно усваивает, „что раньше мы были рабы", а теперь нет. Этот пример—не самый лучший. Но он, однако, дает правильную ориентировку.

Такими должны стать *все* наши уставы, все наши пособия и справочники, не только вся наша специально политико-просветительная работа, но и „производственная", военная.

Эпоха требует от нас не столько перемен в *материале* нашей политико-просветительной работы, сколько в *методах ее осуществления*.

Привитие социалистических „кооперативных" начал в меру реальной возможности всегда было нашей задачей и конечною целью всей нашей воспитательной деятельности, и будет ею оставаться и на весь период „культурничества" до тех пор, пока „социалистический строй культурных кооператоров" не станет действительностью.

Но методические требования, выдвигаемые особенностями эпохи, от этого не делаются ни менее важными, ни более легкими. Напротив их создание и проведение в жизнь абсолютно невозможно силами, чуждыми нашему мировоззрению органически, очень и очень трудно для работников с неустановившимся, не вполне кристаллизованным, мировоззрением.

Теперь недостаточно только передавать почерпнутую из книжки премудрость. Нужно самому иметь стройное социалистическое мировоззрение для того, чтобы уметь пропитать им весь быт, всю работу, всю учебу нашей Армии.

Статья вторая.

1.

Особенности политической задачи овладения властью, задачи удержания ее в борьбе с генеральской контр-революцией—определяли собой и „технику" и характер нашей политико-просветительной работы.

Мы не ставили себе и не могли ставить целью сколько нибудь *коренное,* сколько нибудь *глубокое* воздействие на психику широких рабоче-крестьянских масс.

Ежечасно, ежеминутно возникают все новые и новые опасности, каждая секунда промедления может стоить гибели всех завоеваний революции. Нужно *немедленно,* безотлагательно организовать оборону, организовать отпор. И этому служит наша *агитация.*

Митинг—пламенные речи—зажигающие жесты, сильные дерзновенные слова—лозунги, яркий, красочный кричащий *плакат*—и то, что нужно для *сегодня*—достигнуто. Энтузиазм, готовность к бою, готовность к самопожертвованию, к сверхчеловеческим подвигам. Основа: она одна и та же и в частностях революции, и в революции в целом—ее социальный характер, ее рабоче-крестьянская сущность, улавливаемая классовым *инстинктом.*

Неважно, что завтра будут новые бои, неважно, что к ним придется *вновь* готовить чувства и сознание бойцов. Это—*естественно,* когда в основе не *мировоззрение,* а инстинкт, когда путь берется вслепую, на ощупь, когда *один* и *тот же* сегодня у Махно, завтра у нас, сегодня на приступе к Зимнему, завтра—с Козловским в Кронштадте.

Поэтому: „Все на Колчака, на Деникина—на коня, пролетарий"!—сегодня. „Все на Пилсудского, на последыша—Врангеля"!—завтра.

Агитация, а не пропаганда, митинг, а не доклад, плакат и агитка, а не искусство.

И неверно думать, что это так только, лишь по отношению к армии. *Армией была вся Советская Россия.* Все для армии—власть, заводы, земля, люди, их дела и мысли.

Тот, кто в годы гражданской войны не жил созвучно борьбе на фронтах, не страдал страданьями красных бойцов, не праздновал с ними побед, не удесятерял своей энергии в дни поражений—тот *вообще не жил*—это—бывшие люди, эти—не в счет...

И ясно,—не могло быть разницы в „тылу" и на „фронте", и не было, как не было и самих тыла и фронта, а был один сплошной фронт, один вооруженный лагерь—Советская Россия.

2.

Первый период вооруженной борьбы за удержание политической власти—закончен. Новая эпоха—эпоха первоначального социалистического накопления, эпоха гигантского переустройства, реорганизации технических корней социальной экономики, эволюции основных отношений людей в производстве.

Процесс—громадный, медлительный, для нас, привыкших к быстроте политических революций, особенно тяжелый. И вот диалектическая сложность его:

Он—та же борьба, что и на фронте, только иная форма, иная плоскость. Но победа здесь невозможна с *таким* человеческим материалом, с каким можно было побеждать на фронтах военных. А между тем, только его начало, только он сам, этот процесс, создает предпосылки для изменения этого материала, можно сказать, что только он его изменяет.

Не безвыходное ли здесь положение?

Нам будет ясен ответ, если мы поймем: техническая и экономическая эволюция и эволюция самих людей—это одно и то же, это две стороны *одного* и *того же процесса*.

Но *все* совершается людьми и через людей.

„Рационализировать быт, т. е. преобразовать его по требованиям разума,—пишет т. Троцкий—нельзя, не рационализируя производства, ибо корни быта—в хозяйстве... Этим же самым устанавливается тесная зависимость наших успехов в области быта от наших успехов в области хозяйства“. Но „зависимость здесь—диалектическая. Главный исторический фактор—экономика; воздействовать на нее мы, коммунистическая партия, мы, рабочее государство, можем только через рабочий класс, непрерывно повышая техническую и культурную квалификацию его элементов. Культурничество в рабочем государстве служит социализму, а социализм означает мощный расцвет культуры истинной, внеклассовой, человеческой и человечной“. (Л. Троцкий „Чтобы перестроить быт, надо познать его“).

Рационализировать быт—это значит изменить психику людей, повысить ее качественный уровень. Процесс рационализации быта—есть процесс повышения культурного уровня работника вообще, его классовой сознательности (классовой—общечеловеческой), его квалификации, его запросов и потребностей. *Это и есть процесс создания такого человеческого материала, который способен победить не только в военной борьбе за политическую власть, но и в мирной борьбе за коммунизм.*

Все совершается людьми и через людей. Организация их сознания соответственно задачам эпохи—то, что поставлено на очередь, то, что не терпит отлагательств.

Но как? Старые методы? Митинг, агитка, плакат? Они не годятся. Они—слишком поверхностны, они неглубоко захватывают, *они не касаются мировоззрения* и нет для них, даже в том масштабе, в каком они способны действовать, об'ективных предпосылок.

Война—неизбежно родит нервную напряженность, повышенную психическую чувствительность. Огневое слово находит благодарную почву.

Мирная, хозяйственная работа и родит спокойствие и требует его. Нельзя работать, изо дня в день расточая без счета и надобности нервную энергию. Только экономия сил, точный учет, планомерное, в-

меру действительной необходимости, их расходование—обусловливает их воспроизводство.

Итак: старые методы—не годятся.

3.

От агитации—к пропаганде.—Вот основной лозунг эпохи культурничества.

С тех пор, как он формулирован впервые—прошло много времени. Но и до сих пор он завоевал не все еще области нашей работы.

Ведь вот, недавно только на страницах „Правды" указывалось, что пора перестать ограничивать антирелигиозную работу в деревне высмеиванием попов. Что корни мужицкого бога—в зависимости с. х. от природных стихий, что нужно, *не упоминая* о боге, пропагандировать начала естествознания, агрономические методы раскрепощения с. х. от власти дождей и засух, что таким путем мы скорее покончим с мужицким богом, чем путем разоблачения поповской жадности и глупости.

Значит только сейчас переходим мы здесь от плавания по поверхности к прощупыванию корней, основ, от агитации—к пропаганде.

Но ясно: эпоха культурничества *вынудит* повсюду, по всем закоулочкам, перейти от методов минутного воздействия—к учебе, к систематической, минимальной, но целесообразной и продуманной учебе, школьной и внешкольной. Иначе нельзя воздействовать на мировоззрение, иначе нельзя подготовить строителей социализма. И надо понять: строительства—целая эпоха, годы, десятки годов впереди. Культурничества—столько же лет и десятков лет. Это один и тот же процесс. И не срываться, не нервничать, не сбиваться с пропаганды на агитацию. „Лучше меньше, да лучше". Задача школьной, внешкольной и всякой другой воспитательной работы в эпоху культурничества именно эта—пропаганда—учеба. Не нужно только забывать, что классы, общественные группы у нас еще не уничтожены, они еще существуют, что само культурничество—лишь путь к их уничтожению, и что культурническая работа по отношению к каждой группе, к каждому слою—*иная*, в зависимости от степени их развития или отсталости, в зависимости от положения в производстве. Нельзя всех стричь под одну гребенку.

4.

И вот еще что важно:

Пропагандистская работа отличается от агитационной не только *глубиной* содержания, но и *методикой*. Буржуазный интеллигент, случайно заинтересовавшись марксизмом, начинает изучать его и делается убежденным коммунистом.

Почему? Разве его кто-нибудь разагитировал? Конечно, нет. Просто, ознакомившись с марксистским научным исследованием капиталистической действительности, он вынужден был сделать единственно возможные, неизбежно вытекающие выводы. Вот и все.

Из всех рабочих на западе и, в свое время, в России наибольшей консервативностью отличались печатники. Почему? Разве буржуазия старалась на них влиять больше, чем на других рабочих? Конечно, нет. Но сами печатники, *набирая* буржуазные издания, какие бы они ни были по своему содержанию, неизбежно подвергались влиянию буржуазных идей, составляющих органическую часть содержания этих изданий.

Вот два примера из опыта двух классов, из которых вытекает:

1) Что и наука и искусство—все—в руках определенного класса, рассматривающего факты с точки зрения своего класса, не может не быть выражением идей этого класса. *)

2) И что идеи, выраженные таким образом, обладают особой силой воздействия.

Тов. Троцкий говорит, что рабочий у станка об'ективно выполняет социалистическую работу, даже если он себе такой задачи сознательно не ставит. Но коммунистическая партия заинтересована в том, чтобы эти рабочие *сознательно* связали эту свою работу с социалистическим строительством в целом. Доклады и митинги в этом отношении могут сделать мало. Не та эпоха. И т. Троцкий призывает к созданию таких технических пособий и учебников, в которые *органической частью должны входить социалистические идеи и выводы, являясь частью практической теории данной отрасли труда и отнюдь не принимая характера внешней навязчивой агитации* („Не о политике единой жив человек"), т. е. к созданию *наших* с *нашим*, более высоким пониманием связи фактов технических пособий.

Конечно, такой метод пропаганды—не единственный и не самый главный.

Но он *исключительный, особенный*, метод наиболее широкого охвата. Он должен осуществляться нами планомерно, систематически сознательно. Социалистические идеи и выводы должны завоевывать одну область идеологии за другой, проникать во все извилины и закоулки человеческой мысли и опыта.

И вот тут мы подходим к вопросу о том, какую роль может и должна сыграть в эпоху культурничества художественная беллетристика.

5.

Организующее действие искусства в тех границах, которые поставлены ему его технической природой—огромно. Преимущества искусства перед наукой в том, что оно обращается не непосредственно к разуму, к сознанию, но организует это последнее через воздействие на чувства, на эмоции человека. Какой-нибудь Арцыбашев или Вербицкая были сильны не столько тем, что выражали в своих писаниях идеи „передовой" буржуазии, в этом им было бы слишком много конкурентов в лице буржуазных лекторов и публицистов, но в том,

*) Мы здесь не ставим своей задачей освещение вопроса о классовом характере науки и искусства. Интересующихся этим вопросом отсылаем к работам т. т. Бухарина и Богданова.

что эти идеи выражались ими в *художественной* форме. Вся унаследованная нами от прошлой исторической эпохи художественная литература—проникнута буржуазной или дворянской идеологией. Действия, поступки, слова, даже описание природы—все буквально поставленное в определенную связь, пропитанное определенной окраской, незаметно, исподволь, организует чувства читателя, добирается до самых темных уголков сознания, накапливается там—и цель (хотя бы сознательно никем не поставленная) достигнута—человек весь во власти прочитанных идей.

Это наше наследство—пока еще не только исторический документ. Если передовые представители рабочего класса, застрельщики его культуры, работники искусств учатся *технике* по старым образцам, черпают оттуда все накопленные формальные достижения, относясь к содержанию критически, то нельзя этого сказать про массового читателя—рабочего, крестьянина, красноармейца. У этого последнего, как правило, нет еще надлежащей страховки от *содержания* прочитанного. Идеология прошлого, художественно выраженная, захватывает, покоряет недостаточно искушенного человека—накладывает свой отпечаток на все его сознание, тяжелой гирей виснет на его ногах.

Но беда не только в этой власти прошлого, власти „мертвецов". Еще большая беда в том, что эти мертвецы, проявляющие признаки жизни под лучами Нэп'а, оказываются чрезвычайно прыткими на литературном поприще, ухитряясь заполнять собою и *наш* теперешний книжный рынок (книжный рынок *рабочего государства*).

Все эти Пильняки, Эренсбурги и др.—*не могущие* видеть ничего, кроме теневых сторон революции (неизбежных при всякой революции), воспринимающие ее с точки зрения половых органов и комиссарских автомобилей, все они, в сущности, ничто иное, как отражение буржуазной идеологии чистейшей воды в *современной* художественной литературе.

Приходится радоваться тому (как это ни дико), что книжка, художественная книжка, проникает у нас в толщу народную чрезвычайно медленно, плавая по поверхности и не попадая в глубины. В данном случае—это лучше, а не хуже.

Характерной *обманывающей* чертой этого порядка писателей является их кажущийся *об'ективизм*. Но это—иллюзия, и чрезвычайно вредная иллюзия.

Один и тот же материал, одной и той же эпохи, в руках Лебединского, Родионова, Безымянского и др., при соблюдении полнейшей *об'ективности*, при совершенном отсутствии „навязчивой агитации" и чего-нибудь подобного—дает нечто совершенно другое. Дело то в том, что *органической* частью произведений Пильняков являются реакционные идеи и выводы, обусловленные их реакционным существом. При полной готовности быть об'ективным, Пильняк не может увидеть в революции ничего, кроме разиновского бунта, в лучшем случае. А писатели другого ряда—Лебединский и др.—они имеют *органической* частью своих произведений *идеи и выводы коммунистические,* точку зрения классовую, рабочую и не могут не отражать, в меру своих художе-

ственных способностей, революцию такой, какова она на самом деле.

Задачей эпохи культурничества в области художественного слова является *противопоставить* литературно-художественному наследию прошлого, художественным инсинуациям Эренбурговщины, *свои*—повесть, роман, рассказ, органической частью которых являлись бы художественно выраженные „социалистические идеи и выводы“, которые, воздействуя на эмоции рабоче-крестьянского читателя, не тащили бы его за фалды *назад*, но двигали бы вперед, к коммунизму. И не только *противопоставить*, но и *вытеснить* совершенно, овладев нашим читателем целиком.

6.

В сущности говоря, методы агитационные—митинг, плакат, агитка—тоже имели в виду, прежде всего, *чувства* аудитории. И именно этим они отличаются от методов пропаганды, которые приспособлены к тому, чтобы достигать не скоротечного преходящего *настроения*, а давать знания и закреплять их в умах крепко, всерьез.

Искусство представляет собою некую сложную форму: оно воздействует на чувства и оно же дает знания. „Настроение“, определенное состояние чувств, вызванное прочтением книги—проходит. Знание—остается. *Эпоха культурничества использовывает положительные стороны агитации для своих пропагандистских целей.*

И теоретически и практически для нас совершенно ясно значение искусства, как орудия общественного воспитания. Всякое искусство так или иначе воспитывает, организует в ту или иную сторону чувства и сознание читателей. *Наше* искусство, независимо от того, ставит или не ставит оно себе эту цель *суб‘ективно* в каждом конкретном случае—свою организующую роль выполняет. И в этом смысле совершенно прав тов. Троцкий, когда он пишет, что мы не ставим тематических заданий нашим писателям, которые здесь должны располагать полной свободой выбора.

Но в то же время совершенно неоспоримо, что можно и должно искусству ставить себе частные, вполне определенные, организационные задачи, которые и разрешать планомерно и продуманно.

Лучше, целесообразнее действовать сознательно, нежели вслепую. К тому же, мы первые и впервые в истории располагаем *этой возможностью*, ибо только пролетарская общественная наука об‘яснила человечеству сущность искусства.

Эпоха культурничества *ставит* искусству такие, вполне определенные, организационные задания и требует их осуществления. *Искусство должно быть и может быть использовано, как метод культурно-политической, в эпоху воспитательной пропаганды.* Это нужно сказать совершенно ясно, совершенно категорически, ибо всякие сомнения здесь, всякие рассуждения на тему: поэт ли или не поэт Демьян Бедный—от лукавого, от „чистого искусства“, от буржуазии.

Значит ли это, что искусство утратит в этом случае что-либо от художественного?—Нет, конечно. Тот писатель, у которого будет

такой результат—просто слаб, просто не сумел, не смог, *по недостатку художественных сил,* справиться с задачей.

Не агитка, не „навязчивая агитация", а художественные произведения, воспитывающие и организующие своей *художественной* силой.

7.

Вот, например, рассказы Джека Лондона. Дикая, суровая природа—человек—затерявшаяся соринка в снегах. Какое впечатление осталось бы у читателя, если бы этот же материал был обработан по иному, иным художником? Прежде всего: „как хорошо, что это все где-то там, далеко, а не здесь". Какое чувство возникает при чтении рассказа Лондона?—Бодрость, энергия, желание самому быть на месте действующих лиц, самому преодолевать тысячи миль на собаках, голодать, отмораживать пальцы—бороться с природой.

Наше крестьянство (и не только крестьянство)—порабощено природой. Оно в массе своей и не ставит себе задачи преодоления стихий. Оно пассивно *приспособляется* к ним, вместо борьбы уповает на „волю божью".

Эпоха культурничества требует создания такой беллетристики, которая имела бы своим содержанием борьбу с природой, пропагандировала бы в художественной, понятной форме азы научных достижений, уничтожала бы тем самым основы религии, будила бы жажду к победе над гнетом земли и неба.

У нас в литературе по „добрым", „старым" традициям установилось правило описывать быт в розовых тонах, особенно крестьянский—отчасти и рабочий. Иногда это „описание" переходит в специфическое сюсюканье интеллигента, восхищающегося всем, что касается „трудящихся", независимо от того—плохое это „все" или хорошее.

Это нужно оставить. Эпоха культурничества выдвигает задачу: „критический пересмотр быта".

И здесь задача художественной беллетристики—*самому* рабочему, *самому* крестьянину показать все скверные, темные стороны их быта, вызвать чувство *отвращения* к ним, желание их уничтожить, устранить, изменить. Для этого нужно на палитре иметь не только радужные тона, но и английскую сажу.

И не только быт, как таковой. Но и его экономические основы, корни. Существует ли у нас хоть одно произведение, которое в художественной форме показало бы читателю, как живет и процветает коллективное хозяйство (процветающие колхозы есть и существуют не один год) только потому, что в нем крупное производство, и как бьются рядом, как рыба об лед, мужички „футоряне", ждущие—не дождущиеся, когда, наконец, пойдут в Питере заводы, куда можно будет сбежать, спастись от своего „хозяйства": А такое произведение должно быть создано, немедленно, как можно скорей, по специальному заданию,

быть может, не одному, а нескольким писателям, „комиссии". *) Ведь такая повесть должна стать настольной книжкой каждого крестьянского коммуниста, культурника, основой всякой крестьянской библиотечки и не на день, не на год, а на всю эпоху социалистического строительства.

Мы много рассуждаем о создании беллетристики, имеющей своим содержанием борьбу за революцию, гражданскую войну. Но пока и в этой области, строго говоря, мы еще ничего не создали: „Повесть"— Анишева—это, как верно выразился рецензент „Военного Вестника"— не повесть, а *сценарий* (что не умаляет, конечно, достоинств книжки); „Красные дьяволята", Харьковское издание (комсомольское)—прямо таки антихудожественное, неряшливое по языку и по существу—определенно неудачное издание. Не удовлетворяет требованиям художественности „В огне революции"--изд. „Моск. Рабоч.". Выходящая в настоящее время в издательстве В. Н. О. работа т. Краснопольского „Железный порыв", при всех ее достоинствах—фотографична, поверхностна, является рядом зарисовок с натуры. Совершенно очевидно, что автор не ставит себе никакой художественно—*организационной* задачи (после изложенного выше понятно, что это не исключает ее социально организующей силы, но делает ее менее концентрированной).

О том, зачем нужна эта литература—излишне и говорить. Она должна давать уроки *политической грамоты*, воспитывать в духе классовой борьбы, классовой сознательности, она должна выковывать на подвигах прошлого новых стойких борцов за идеи революции. *Нужно*: к задаче подойти практически—поручить отдельным литераторам или создать специальные работающие коллегии (ведь никого не удивит, если коллегии собираются для создания какого-нибудь учебника. Художественное произведение может быть создано совершенно таким же путем, при соответствующих работниках и соответствующими методами. Это предрассудок, что „писать" можно только по особому „вдохновению" или „наитию". Писательство—такая же *работа*, как и всякая другая). Они в каждом произведении своем должны ставить и разрешать определенную *художественную воспитательную* задачу. Таким образом мы скорее создадим то, что нам нужно.

Но и кроме того:

Всякая тема—выбранная *нашим* художником—должна разрабатываться им с полным сознанием того, что смысл, цель, оправдание написанной повести или рассказа в том, что он будет организовывать и воспитывать массы. Всякая тема в эпоху культурничества должна

---

*) Ясно, что в такую „комиссию" вошли бы только те художники слова, для которых *такая* тема—их тема. Ясно, что вхождение или невхождение - зависит от свободной воли писателя. Естественно также, что Пильняки и Эренбурги ни в эту, ни в какую-нибудь другую „комиссию", по разработке другой темы—не войдут.

служить ее великим задачам. И, в то же время, всякая тема, от пуговицы на штанах кр-ца и до теории относительности Эйнштейна включительно, может *и должна быть* разработана *художественно*. Не художественная вещь уже *тем самым* идет в разрез с требованиями эпохи. *)

Л. Крымов.

Организационные и научно-опытные аппараты**).

„Разрыв с властной традицией изучения и постановки вопросов делопроизводства, складского хозяйства, учета, администрирования и проч.—как самостоятельных и довлеющих себе областей, подход к этим проблемам под углом зрения единого управленческого процесса; признание безусловной недостаточности одних эпизодических комиссий и совещаний для подлинного и серьезного усовершенствования управленческой техники и необходимости непрерывного и систематического исследования этих вопросов на основе широкой опытной и экспериментальной индукции; идея местных бюро нормализации и опытных станций при крупнейших административных и хозяйственных учреждениях по аналогии с заводскими лабораториями; идея союза методической научной мысли с практической деятельностью на основе острых вопросов повседневности".

Это три основных принципиальных итога первой Московской инициативной конференции по нормализации техники управления, созданной в сентябре месяце прошлого года следующими учреждениями: отделом нормализации при НКРКИ, центральным институтом труда, центральным комитетом и Московским губернским отделом совработников, научно-техническим клубом МГСПС и опытной станцией Центросоюза.

В течение 5-ти лет революции делались попытки—слагавшуюся новую жизнь страны втиснуть в чуждые ей старые организационные формы. Попытки эти лишь привели процессы управленческого дела к хаосу, работа же наших учреждений и хозяйственных аппаратов сводилась лишь к бесцельному расточению человеческой энергии и материальных средств.

В конце концов стало ясным, что бессистемно сменяя структуру учреждений, беспрерывно перестраивая технику управленческих функций, найти новые организационные формы, согласованные с требованиями жизни,—нельзя, а здесь необходима постепенная научная

*) С некоторыми начинаниями, в духе изложеных здесь мыслей, на З. Ф. можно ознакомиться по заметке о работе лит.-худ. кружка В. Н. О. З. Ф. в хронике этой книжки журнала.

**) Материалом для этой статьи послужили №№ 1, 2, 3 и 4 периодического издания Бюро Нормализации при НКРКИ „Вопросы организации и управления".

разработка, проверяемая на практике. Это и послужило толчком к созыву вышеуказанной конференции.

Но где же должна вестись такая работа, кто должен проверять научные изыскания на практике?

Во всех почти гражданских и военных учреждениях существуют специальные организационные аппараты, в виде управлений, отделов, отделений, частей и делопроизводств. Как их структура, так и наименование—в различных учреждениях различны: организационные, учетно-организационные, организационно-инструкторские, организационно-информационные и т. д.

Задачи и функции этих организационных аппаратов почти нигде не определены и, благодаря этому, зачастую они несут ту работу, которая их совершенно не касается.

Между тем, на организационных аппаратах должны лежать следующие задачи:

1) Разработка организационных форм и реконструкций учреждений;

2) инструктирование по вопросам управления;

3) организационная связь центра с местами.

Организационные аппараты должны быть „недреманным оком производства“.

„Недреманное око производства“ или „Новый знаток производственного дела“, так названа глава книги американца Кента „Почему фабрика работает с убытком“. Суть этой главы сводится к следующему: директор отлично оборудованной, по последнему слову техники, фабрики, выпускающей отличные изделия по ценам, выдерживающим конкуренцию, приносящей взрядную прибыль, все же недоволен.

Он считает, что на фабрике нет ничего настолько совершенного, что не требовало бы постоянных улучшений. Перед ним встает ряд вопросов, требующих разрешения путем беспрерывных наблюдений, научного исследования, проверки на практике. Сам он найти ответы на них не может, ввиду перегруженности работой по управлению фабрикой, нет никого и среди служащих фабрики, на которого можно было бы возложить работу по обследованию жизни предприятия и отысканию тех изменений, которые необходимо ввести. На основании этого и пришли к выводу, что надо иметь в каждом предприятии специальный аппарат, единственной обязанностью которого было бы отыскивать то, что требует улучшений и как эти улучшения производить, т. е. необходимо иметь „Недреманное око производства“.

Такая же работа должна вестись в организационных аппаратах наших учреждений, вся их энергия должна быть направлена на вопросы структуры обслуживаемых ими учреждений и организации техники их управленческих функций и, прежде всего, стоит коренной вопрос о методах разработки организационных форм.

Методология новой прикладной науки об управлении соединениями людей или, так называемой, социальной инженерии, построена

на принципе неразрывности теоретических изысканий с практикой учреждений.

Соответственно с этим и при каждом организационном аппарате должен быть свой небольшой специальный научный аппарат по разработке организационных форм техники управления, по обследованию различных функций учреждений, по разработке проектов, их изменений, по постановке опытов практической поверки этих проектов, по консультации по разным вопросам деятельности учреждения. Только при наличии таких научных аппаратов (опытных станций) при организационных аппаратах учреждений, работа последних будет плодотворна, целесообразна и согласована с требованиями самой жизни.

Для научно-опытных станций, как и для организационных аппаратов, необходим подбор высоко квалифицированных работников, обладающих большим теоретическим и практическим опытом, широкой инициативой, настойчивой волей, организационным опытом, высоким общим развитием и познаниями в разных областях.

Таких работников найдется у нас очень небольшое количество, но их нужно создать, ведь и у Тейлора не было необходимых ему особо квалифицированных мастеров, когда он начинал свою работу, а он их создал в процессе самой работы.

Частая смена, текучесть личного состава организационных аппаратов и научно-опытных станций при них, недопустима, а для предупреждения этого сотрудники должны быть поставлены в возможно лучшие условия, удовлетворяющие их моральные и материальные потребности.

При некоторых гражданских центральных учреждениях уже существуют опытные станции, теперь дело за военным ведомством.

Что же фактически проведено и проводится в жизнь существующими уже научно-опытными аппаратами?

Опытная станция Центросоюза прежде всего занялась изучением службы курьеров и рассыльных. Произведя обследование по выборочной системе, станция убедилась, что штат курьеров и рассыльных в 142 человека слишком велик для Центросоюза и что крайняя децентрализация этой службы (курьеры прикомандировывались не только к отделам, но, зачастую, к под'отделам) чрезвычайно нерациональна. Был составлен проект организации внутренней почты, под названием „Бюро живой связи“, который сокращал число курьеров по всему Центросоюзу более, чем вдвое. Бюро начало функционировать со 2-й половины февраля прошлого года и после 3-х месячного существования было вновь подвергнуто детальному обследованию со стороны опытной станции. Обследование показало, что Бюро работает удовлетворительно и что возможно дальнейшее упрощение его работы.

Далее, станция остановилась на движении основных документов при оптовом заказе в Центросоюзе. Обследование нескольких вариантов этого движения, отражавших разные обстоятельства заказа (вывоз заказа со склада самим контр-агентом или транспортным отделом и др.) дало возможность составить две схемы: одну—поступательного

движения документов, заключающую в более сложном варианте 262 операции и другую, отражающую движение между отделами и участвующими в операциях должностными лицами (таковых, согласно схемы, 68, к которым документы поступают 169 раз). На основании схем и подробной об'яснительной записки к ним, составлен проект реорганизации движения в некоторых отделах.

Станция занялась также изучением труда машинисток и пришла к выводу, что осторожная и умеренная централизация машинописного дела должна дать экономию и ряд удобств для исполнения машинописных работ. Составленный станцией проект положения о центральном машинописном бюро был утвержден правлением и бюро начало функционировать с 23-го марта прошлого года. Развертывание бюро происходило медленно, под постоянным наблюдением станции и произведенные ею обследования, через месяц после организации бюро, показали, что произведенный опыт надо признать удачным, и что можно произвести ряд улучшений в организации бюро, после чего еще несколько усилить централизацию.

Затем, станция поставила своей задачей рациональную постановку в Центросоюзе справочного стола и, кроме того, ей пришлось заняться также вопросами складского хозяйства, для чего было произведено обследование ряда складов Центросоюза.

Работа отдела нормализации при НКРКИ ведется в нескольких направлениях, подразделяясь не секции: делопроизводственную, складского дела, структурную и счетоводную.

Первой приступила к работе секция делопроизводственная, поставившая себе задачей изучение машинописного и справочного дела, а также общей структуры делопроизводства. Секцией произведено обследование постановки машинописного дела в Центросоюзе, в ряде машинописных школ и в общем управлении НКРКИ. Отдел пришел к выводу, что централизованное машинописное бюро работает продуктивнее распыленных по отделам одиночных и групповых машинисток минимум на 60%.

Признавая чрезвычайно серьезное значение за справочным делом, отдел нормализации произвел широкое обследование по Москве справочного дела, результатом чего явились опыты нормальной постановки справочного дела в Центросоюзе (совместно с опытной станцией последнего) и в Москкоммунхозе.

Секцией проведена новая система делопроизводства в общем управлении НКРКИ (измененная, применительно к особенностям общего управления, система тов. Петкевича, последняя премирована в 1921 году на Всероссийском конкурсе, устроенном ЦК совработников).

Эта система делопроизводства заключается в следующем:

Вся почта записывается в пакетную книгу, затем корреспонденция, предназначенная для общего управления распечатывается и размечается заведывающим делопроизводством общего управления каждая входящая заносится на особую регистрационную карточку,

заранее занумерованную. Все записи на карточку одновременно, при помощи копирки, заносятся на дубликат карточки.

После этого бумага с карточкой и дубликатом регистрируются в особом реестре и направляются по назначению в отдел или в Секретариат. Секретарь отдела расписывается в получении бумаги на карточке, которая немедленно возвращается в канцелярию общего управления, где все карточки раскладываются по корреспондентам в особых клеточках шкафа системы тов. *Петкевича.* Клеточки носят название корреспондента, сгруппированных по общим признакам.

По истечении недели бумага в отделе должна быть исполнена и ответ на нее, вместе с дубликатом карточки, не позднее, чем через 10-ть дней, доставляется в канцелярию общего управления; канцелярия нумерует исходящую, конвертует и отправляет по назначению, после занесения на дубликат карточки номера исходящей и дела Содержание исходящей не записывается, вместо этого, кроме отпусков, которые хранятся в отделе, присылаются в канцелярию копии исходящих, причем последние ежедневно сшиваются в последовательном порядке номеров, что и служит взамен исходящего реестра.

Текущий архив хранится в Отделах.

Дубликаты карточек, по получении их канцелярией, хранятся в особом ящике.

При этом ежедневно контролируется своевременность поступления дубликатов из отделов. Если бумагу нельзя было исполнить в 10-ти дневный срок, секретарь отдела должен прислать извещение с указанием срока задержки исполнения. В случае запоздания, посылается в отдел напоминание.

Практика показала, что потеря бумаг, при наличии дубликатов карточек, прекратилась. Исполнение бумаг значительно ускорилось. Справки даются вдвое быстрее, причем до реформы канцелярия была в состоянии удовлетворять только 50% обращающихся за справками, теперь же удовлетворяет полностью всех.

Служащие канцелярии, остававшиеся ранее до 6-ти часов вечера, чтобы справиться с регистрацией входящих и исходящих, теперь справляются со своими обязанностями в течении рабочего дня.

Система эта еще несовершенна, в нее постепенно вносятся коррективы, диктуемые опытом, так, предполагается упразднить реестр входящих, а на карточках заносить не краткое содержание входящих, а только обозначение вопросов, затрагиваемых в бумагах, причем все карточки будут сгруппированы по вопросам и по ним составлен алфавитный указатель. Это даст возможность выдавать справки и по корреспондентам, и по номерам и по вопросам.

Кроме того, делопроизводственной секцией разработаны: методы и способы обследования кругооборота бумаг; вопрос о методе учета результативности делопроизводственных систем, классификатор по международной децимальной (десятичной) системе для делопроизводства ВЦИК, который предположено положить в основу этой системы для других учреждений; руководство по делопроизводству для Вол-

исполкомов, план реконструкции делопроизводства по всему НКРКИ; единая форма удостоверений, применительно к особенностям каждого ведомства.

Складская секция обследовала склады: Центросоюза, Наркомпрода, Госторга, Транспортотреста, Хлебопродукта. Складская секция дает общую сводку материала, полученного от обследования складов, ряд очерков, характеризующих новую жизнь складов.

Материал этот положен в основу предстоящих работ по рационализации складского хозяйства в целом и отдельных его частях, причем, в первую очередь будет рекомендована для опытных постановок карточная система учета, упрощенная схема управления складского хозяйства, упрощенная система делопроизводства и счетоводства на складах.

Основная работа счетоводной секции в течение первого квартала 1923 года велась по трем направлениям: 1) изучение счетоводства и отчетности складских хозяйств и выработка систематического положения по этому вопросу; 2) изучение структуры и деятельности финансово-счетных органов Наркоматов; 3) обследование доходного под'отдела водопроводного отдела МКХ и реорганизация его.

По линии структурной секции отделом нормализации велась и ведется работа по изучению структуры делопроизводственного аппарата государственных учреждений, благодаря чему она тесно связана с работой делопроизводственной секции. В ряде учреждений административного и хозяйственного типа изучались делопроизводственные аппараты административно-организационных частей их. Секцией проделана работа по вопросу о строении организационных частей. Был составлен доклад по материалам о строении организационных частей в военном управлении России дореволюционном и современном. Доклад этот устанавливает, что образование специальных планирующих аппаратов в учреждениях и организациях, как в прошлом, так и в настоящее время, вызывается требованиями практической деятельности. Кроме того, секцией выработана инструкция по обследованию информационных аппаратов учреждений.

Выше мы указали лишь главную работу, которую проделали и ведут опытная станция Центросоюза и отдел нормализации НКРКИ. Плодотворная работа этих органов постепенно растет, захватывает большее число учреждений, но пока еще не коснулась учреждений военного ведомства.

Чуть ли не первой опытной станцией в военном ведомстве явится образовавшийся в Военно-Научном Клубе Западного Фронта кружок по организации и военному управлению.

В будущем на страницах нашего журнала мы будем давать информационные статьи о ходе работы в научно-опытных аппаратах, как гражданского, так и военного ведомства.

Стратегия и тактика

М. Тухачевский.

Об обороне.

Сейчас очень сильно увлекаются развитием обороны в глубину и сообщением ей величайшей активности.

Постолько, посколько это углубление позиций соответствует свойствам нового оружия пехоты и артиллерии, его, конечно, надо приветствовать.

Но, при внимательном изучении всей углубленческой пропаганды, невольно замечаешь, что расползание укрепленных зон в глубину есть не только лишь следствие вновь введенного вооружения. В гораздо большей степени это направление берет свое родоначалие из эпохи империалистского сидения.

Когда в 1914 году закончилась первая схватка миллионных армий, завершившаяся, в общем, вничью, началась грандиозная подготовка новых средств борьбы. Старых оказывалось мало для каждой из сторон. На время этой подготовительной работы надо было закрепиться там, где стояли. Стали расти и наращиваться бесконечные позиции.

Очень часто задают себе вопрос: каким же образом могли возникнуть непрерывные позиции, когда средства разрушения были гораздо сильнее средств защиты с самого начала и до конца войны?

Это правда. Первые были сильнее. Но дело-то ведь в том, что одной из важнейших причин всеобщего затишья после первой грозы была неподготовленность промышленности к массовому производству средств разрушения. Этих средств, не хватило и для того, чтобы их произвести—требовалось большое время, ибо надо было перекроить для этого всю промышленность. Вместе с тем производительные силы воюющих стран, поставляющие средства защиты, оказались сразу же на должной высоте. Это и понятно,—проволока и бетон одинаково потребны, как для войны, так и для мира.

В течении 4-х лет приспособлялась промышленность к производству средств разрушения и только в 1918 году она окончательно военизировалась, а с тем вместе позиционность стала испаряться.

Во время этого четырехлетнего позиционного стояния все стороны имели выжидательные, оборонительные цели. Никто серьезно

не старался бить на уничтожение врага (за кое-какими исключениями). Оборона на этот период сделалась для войск самоцелью.

Вместе с тем постепенное развитие „уничтожающего" производства, при условии стояния войск на месте, повлекло за собой чрезвычайное развитие артиллерии В целях,—во что бы то ни стало выигрывать оборонительные бои, приходилось развивать позиции в глубину до чрезвычайности и тратить на их занятие войск не в меньшем числе, чем войска наступающего.

Вот в чем заключается оперативный смысл обороны в период позиционной войны, войны—вызванной совершенно особыми обстоятельствами.

Конечно, для каждого ясно, что нам, в наших будущих войнах, обороной придется пользоваться не для таких целей и не при таких обстоятельствах. Но четырехлетняя привычка, весь этот гипноз прошлого, кладет свою печать на мысли об обороне большинства современных писателей.

Наши будущие боевые столкновения, если не гадать через головы непосредственно ближайших событий, в силу организации и численности армий наших возможных противников, будут характера маневренного, т. е. решительного и подавляющего.

Будущие операции, разыгрываясь на очень протяженных фронтах, вместе с тем необходимо будут связываться единством цели и действий.

Стремление к решительным столкновениям потребует смелых плотных группировок на решающих направлениях и смелого оголения участков неважных, связующих.

Эти связующие участки на неважных направлениях обыкновенно будут обороняться, а при недостатке сил—иногда и отступать

Зато на решающем направлении, наши, превосходные в силах, войска будут нести гибель и поражение своему противнику. Единственно, что ударные войска потребуют от связующих участков—это выигрыш времени, позволяющий им завершить поражение противника.

Чем смелее будет группировка, тем быстрее будет следовать развязка, тем легче будет становиться задача обороняющихся. Это прогрессивное понижение требований к связующим участкам делает положение обороняющихся тем безопаснее, чем больше за их счет усилится ударный таран.

Таково значение обороны в стратегическом смысле в перспективе предстоящих войн.

В тактическом отношении должны господствовать, в общем, те же идеи. Тактический кордон опасен не менее стратегического.

Теперь попробуем охарактеризовать методы обороны, которые вытекают из всего вышеизложенного.

Мы знаем двоякую оборону: активную и пассивную. Активная оборона предполагает не только удержание за собой известного рубежа или участка, но и нанесение противнику поражения перехо-

дом в наступление. Пассивная оборона скромно ограничивается удержанием своего рубежа, покуда хватит сил.

Немного отвлекусь в сторону и обращу внимание на то обстоятельство, что все говорят, как о положении общепризнанном, что наступление вернее всего дает победу. При этом, прибавляют, что чем ты слабее, тем наступление твое должно быть смелее. Отсюда казался бы логичным вывод, что на оборону можно решаться только при превосходных силах. Как бы не так! Когда те же самые наступатели говорят об обороне, то заявляют, что оборона имеет такие преимущества, что может с меньшими силами бороться против значительно сильнейшего противника. Непоследовательность совершенно очевидна.

Если не закрывать глаза на действительность, то нужно просто сказать, что обыкновенно побеждает наступающий. Оборона же, благодаря возможности заранее приспособить огонь к местности, в течение известного времени, иногда очень значительного, может противостоять значительно превосходным силам противника. Рано или поздно она будет сбита, но выиграет время и скует на его протяжении значительно превосходные силы противника.

Вот в чем заключается истинное значение обороны, и, если мы вспомним общие основания ведения операций, то увидим, что это значение чрезвычайно велико.

Отвечает ли активная оборона этой своей основной задаче? Конечно, нет. Ведь она, кроме общего задания—задержать противника, должна еще и нанести ему поражение. Как этого можно достигнуть, если наступление вообще выгоднее обороны? Очевидно, только при превосходстве в силах и, в крайнем случае, при равенстве сил. Совершенно очевидно, что активная оборона была бы ни к селу, ни к городу, как связующее противника звено в наступательной операции. Тогда лучше было бы наступать и на этом участке.

Задачам связующих участков более всего соответствует пассивная оборона. Она выигрывает время и максимально экономит силы.

На войне нерешительность, больше, чем где бы то ни было, заедает людей. Под всяким благовидным предлогом она старается проникнуть в план боевых действий. И в таких условиях—активная оборона, как имеющая эффектную фирму, находит себе обширное применение.

Но мы не должны закрывать глаза на ее подлую сущность и должны всеми мерами вытравлять ее из тактического обихода наших командиров всех степеней.

Можно заявить совершенно смело, что пассивная оборона есть элемент смелого, а активная—элемент робкого решения. Конечно, если пассивная оборона служит целям только связующих участков. Могут сказать, что ведь вся операция, комбинирующая наступление и оборону есть операция активно-оборонительная. Но это уже было бы совершенно дикой натяжкой.

Могут быть случаи, вроде позиционного периода империалистской войны, когда оборона будет самоцелью. Но тогда не надо будет драпироваться в активную тогу и тогда оборона будет поглощать средств даже больше, чем наступление.

Теперь опять возвращаюсь в вопросу о глубине позиции.

Необходимо отделить в этой глубине ту часть, которая является выгодным развитием в глубину, в целях полного использования оружия (главным образом, автоматического) и живой силы (в целях восстановления утраченных пунктов полосы автоматов) от нароста в глубину, служащего целям „активности".

Посмотрим, в чем собственно заключается главная сила обороны.

Конечно, таковой является огонь. Имея в виду, принятый у нас оборонительный порядок, в виде полосы автоматных гнезд, разбросанных, но связанных перекрестным огнем и расположенных за ней стрелковых поддержек, мы уточним предыдущие определения, сказав, что основная сила обороны — в автоматической полосе.

Обладая большой прерывчатостью, она почти неуязвима для централизованной артиллерии—этого бича всяких укреплений. Она перекладывает значительную тяжесть боя на наступающую пехоту, которой придется, в конечном счете, разрозненно вести бой за каждое отдельное гнездо.

Там, где отдельно захваченные противником гнезда будут нарушать общую огневую систему, стрелковые поддержки, ударами на коротке, будут восстанавливать положение. Отсюда ясно, что центр тяжести при обороне падает на мелкие части, вплоть до роты.

Что же будут делать более глубокие резервы?

Если противник серьезно прорвет полосу автоматов и сметет взводные и ротные поддержки, то более глубокие резервы обороны станут перед необходимостью встречного столкновения, Те, кто увлекаются обороной, говорят: прорвавшийся—уже понес большие потери, он потрясен боем, и, если его в этот момент круто взять за жабры резервами, то он будет уничтожен.

В громадном большинстве случаев это, конечно, будет не так. Во первых, я категорически утверждаю и думаю, что всякий строевой командир, бывший в боях, подтвердит, что обороняющийся, при прорыве у него фронта, гораздо более бывает потрясен и расстроен, чем прорвавшийся. Даже наоборот, прорвавшийся чаще всего бывает воодушевлен, а прорванный—подавлен. И при этой подавленности растет растерянность, ввиду нарушения связи, неминуемого при прорыве. Это первое замечание—контр-атакующие резервы в моральном отношении в худшем положении, чем прорвавшийся.

Второе возражение будет еще более серьезно. Ведь прорвавшийся бывает сильнее обороняющегося, если только оборона служит правильно поставленной задаче. А, если так, то и в численном отношении контр-атакующий проигрывает.

Словом, на силу глубоких резервов расчитывать не стоит. Лучше всемерно усилить боевую линию.

Опять повторяю, что картина будет не та при „активной“ обороне, но я ее и не рассматриваю.

Я бы сказал, что активные действия глубоких резервов пользы не принесут (в большинстве случаев). Им лучше ограничиваться занятием в тылу новой укрепленной полосы, затыкающей образовавшуюся дыру. Иногда, не занимая полосы, они могут создать ряд опорных пунктов, которые задержат прорвавшегося, до подхода помощи более глубоких частей.

Словом, полосу, глубже ротной полосы, надо охарактеризовать, как пассивную и второстепенную, комбинирующую заплатки.

Отсюда вывод тот, что надо всеми силами углублять ротную полосу.

Этого можно достичь путем сокращения фронта ротного участка за счет глубоких резервов.

Разбирая сущность пассивной обороны, я не проповедую принципиальной пассивности резервов, а указываю, что нормально, по большей части, они ничем другим задаться не сумеют.

Я предвижу многочисленные возражения. Особенно выгодно указать на то, что де‘по моему, оборона заранее обрекается на гибель.

Что поделаешь!

Лучше сознаваться в действительности, чем закрывать на нее глаза. Да, обороной не победишь, но оборона является одним из важнейших элементов в общей системе смелого сражения.

Не было бы только активной тоги на нерешительном, вялом теле.

А когда пассивность рождается от избытка смелости, то это не опасно.

Ф Огородников.

Формы и суть современной тактики пехоты.

Можно без особой натяжки сказать, что в современной тактике пехоты формы построений и движений имеют больше значения, чем в тактике недавнего прошлого времени.

Современная техника значительно усилила пехотный огонь, т. е такие огневые средства, которые предназначены непосредственно сопровождать пехоту во всех боевых положениях. Сюда, кроме тяжелых, или, как их называет наше официальное руководство, станковых пулеметов, ныне надо отнести легкие пулеметы (с подставкой), автоматические ружья, минометы, гранатометы, специальную (переносную) пехотную артиллерию и, наконец, артиллерию сопровождения (возимую, но облегченного типа). Современный наступательный бой пехоты,— против неприятеля, вооруженного перечисленными огневыми средствами, применение которых не исключается какими-либо особыми условиями обстановки (ночь, непогода, закрытая местность) — это *сочетание огня и движения.*

Современный оборонительный бой—это такое применение огневых средств, которое затрудняет действие огневых средств наступающего, ослабляет его живую силу, нарушает его движение и, в то же время, освобождает достаточную живую силу для контр-атаки или встречного движения. Поэтому современная оборона—это тоже сочетание огня и движения. Уже этот основной признак современной тактики, требующий сочетания двух начал до некоторой степени исключающих друг друга, указывает на необходимость более обдуманных и выдержанных форм для расположения и движения пехоты, при которых огонь не отрывался бы от своей прямой задачи (поддержки своего движения или расстройства движения противника), а движение не закрывало бы огня.

Сила огня пулеметов, минометов и пехотных пушек, по сравнению с винтовками, создала определенно *огневые точки вместо огневых линий.*

Эти сильные огневые точки, в свою очередь, потребовали расчленения стрелковых взводов на *ударные группы,* как для удобства атаки и обороны огневых точек, так и для уменьшения потерь. Одновременно создалось *глубокое эшелонирование* огневых точек и ударных групп для того же уменьшения потерь и большего упорства боя. Наконец, *разнообразие баллистических свойств и способов размещения и передвижения различных видов нового пехотного оружия* вызвало необходимость сложной комбинации различных форм его применения.

Автоматы и легкие пулеметы не могут вести продолжительного огня и действовать через головы своей пехоты: дальность лег. пулеметов—не выше средних дистанций, дальность автоматов—еще меньше; их место в передовой линии или недалеко от нее, за достаточно широкими интервалами.

Тяжелые пулеметы могут вести более продолжительный огонь, на большие дистанции и действовать через головы своих войск; они с выгодой могут выдвигаться вперед в начале наступательного боя, но их рискованно выдвигать слишком близко к противнику; для их расположения нужны более маскированные позиции, для их движения—более скрытые подступы

При наступлении различные виды пехотной артиллерии могут потребоваться против более крепких огневых точек противника или таких, которые слишком трудно атаковать. В обороне—против лучше укрытых огневых точек наступающего или для обстрела навесным огнем некоторых подступов. Такие направления надо заранее предусмотреть, как со стороны атаки, так и со стороны обороны. Орудия пехотной артиллерии не могут действовать продолжительно или на широких секторах. Их продвижение в наступательном бою сопряжено с затруднением и не везде доступно.

Все огневые точки, какие-бы виды автоматического оружия или пехотной артиллерии на них ни находились — *имеют одно общее свойство*: огонь с каждой из них более действителен во *фланговом,* нежели во фронтальном направлении. Чем кучнее бой, тем резче вы-

ступает это свойство, которое неизбежно должно отражаться на всех формах расположения и движения. *Чем дальнобойнее* тот или другой вид нового пехотного орудия, тем *выгоднее* его *применять не только на своем, но и на соседних участках,* что также имеет большое значение для внешних форм атаки и обороны.

Здесь очерчены лишь главные особенности новейшего пехотного оружия, но не надо упускать из вида, что формы пехотного боя еще в большей степени зависят от свойств других родов оружия: артиллерии, авиации, бронесил.

Весь групповой бой пехоты, в сущности, создался под давлением современного артиллерийского огня. Его вызвали к жизни заградительный огонь, воронки, обстреливание площадей. Самое усиление огневых средств пехоты, которое так сильно отразилось на формах боя, создалось в противовес силе артиллерийского огня противника. Все интервалы и дистанции в боевых построениях пехоты определяются артиллерийским огнем противника*). Змейки вместо цепей, шахматный порядок—берут свое начало из того же источника.

Воздушные разведки и нападения также отразились на формах боя. Требуется иная маскировка, чем прежде. Массирование становится опасным даже на местности, укрытой от наземного наблюдения противника. Поражение сколько-нибудь крупных частей становится возможным на очень больших расстояниях.

Из бронесил выделились танки, которые все более приближаются к типу нового пехотного оружия, на-ряду с пехотной артиллерией. Они именно приспособлены к борьбе с сильными огневыми точками. Кроме своей артиллерии и своих танков, надо обеспечивать огневые точки особыми местными условиями или другими огневыми точками, приспособленными к внезапному открытию огня, и притом огня, способного поразить танк с его броневой защитой.

Изложенного здесь достаточно, чтобы видеть, насколько современные формы пехотного боя должны отличаться от прежних и насколько основательно они должны быть разработаны и изучены для приобретения навыков в их быстром применении в самой разнообразной боевой обстановке.

Итак, бесспорно, *формы* построения и движения пехоты имеют ныне еще более важное значение, чем прежде.

Можно приветствовать, что наша новейшая военная литература отводит видное место именно этому вопросу, тем более, что сущность всякого практического решения познается не иначе, как в различных внешних формах.

Но не пора ли предостеречь от слишком пристального внимания к внешним формам, насколько они оставляют в стороне сущность дела.

---

*) Интервалы и дистанции между частями взвода действительно определяются артиллерийским огнем противника, но основанием в определении интервалов между взводами боевой части ставится возможность огня из глубины, со стороны тяжелых пулеметов и легких пулеметов ротного резерва. *Примеч. Редакции.*

В старой армии, постоянно предостерегая от шаблонов, то-есть от формы, не связанной с определенным содержанием, мы на практике твердо держались шаблонов на каждом шагу.

Сейчас мы еще сильнее, чем прежде, не хотим шаблонов, но незаметно сбиваемся на них, как только дело доходит до тактики пехоты.

Сошлемся на несколько примеров.

В литературе по тактике пехоты мы имеем одну очень обстоятельную работу, в которой автор совершенно верно определяет сущность новой тактики и сочетания огня и движения, но затем все почти внимание сосредоточено на изучении свойств различных боевых построений.

Змейка у нас уже делается таким же фетишем или всесильным средством для победы над противником, каким в свое время была стрелковая цепь.

Мы останавливаем внимание на выгодах шахматного порядка. Мы учим, что в обороне надо располагать автоматы в шахматном порядке впереди легко-пулеметных гнезд, а „станковые пулеметы"—позади их.

Даже наше оффициальное руководство не совсем свободно от приверженности к шаблонам; в боевом порядке роты, в достаточно категорической форме, указываются интервалы и дистанции, но не говорится, почему именно надо брать такие расстояния, а не другие; формы построений не выводятся из задач и свойств оружия. Для „видоизменений" приложен просто чертеж № 6, повидимому для совершенно открытой местности, но однако об этом не сделано никакой оговорки. Условиям такой местности он не вполне удовлетворяет, да и вообще наступать с 6-7 верст по совершенно открытой местности придется лишь в виде исключения.

Не надо упускать из виду, что далеко не все признаки какой угодно формы имеют одинаковое значение; да и вообще форма лишь условно выражает суть дела.

Возьмем какую угодно машину. Будучи основана на одном и том же принципе, она может иметь самое разнообразное сочетание своих частей. Важное значение имеют не формы, а назначение (задачи), действующие силы и условия, в которых производится работа (например: трение, препятствие, рассеивание тепла и т. п.).

Возьмем самую простую машину, по немецки—тее-машине, а по русски—самовар. В каждом самоваре есть необходимые части, но сочетание их может быть весьма различное, в зависимости от источника тепла (уголь, керосин, электричество), его расположения, поверхности нагрева и т. п. Отсюда и формы могут оказаться весьма различные. Но было бы странно подражать этим формам, оставляя в стороне основные принципы устройства. Таким способом можно сделать машину—игрушку, но настоящей машины сделать нельзя.

Между тем, подобный ошибочный подход к сути дела уже замечается в наших работах по тактике пехоты. Каждая форма существует

не только для определенных задач и сил, но и для определенных условий их приложения.

Вот почему разные схематические чертежи имеют свою опасную сторону. Вот почему немцы в своих прежних уставах избегали всяких чертежей для боевых построений, а в новых уставах—дают их, по крайней мере, для определенной местности.

Задачи боевых форм, понятно, остаются без изменений: поражение противника с возможной экономией в силах и средствах.

В действующих силах, кстати сказать, мы особенно легко различаем: огонь, движущие силы новейших технических средств—танков, аэропланов.

Но важнейшая из сил—живая сила человеческих масс—в современных рассуждениях не всегда стоит на первом плане. Между тем, все остальные силы и средства нужны именно для того, чтобы наивыгоднейшим образом использовать живую силу масс. Это вовсе не означает отказа от современного принципа: сперва машина, потом человек. Но „потом" все таки нужен человек, и даже не „человек", а человеческие массы, которые ведут войну.

Мне могут, пожалуй, заметить, что применение масс—это уже дело не тактики, а стратегии. Но серьезный бой также имеет дело с массами бойцов, да и самое понятие о массе достаточно растяжимо. Под современным огнем одновременное движение сотни людей будет уже массовым движением. Для нас, с богатством живой силы, одушевленной массовым движением и с бедностью в технических средствах, эти замечания, как мне кажется, имеют особенно важное значение.

Чем меньше технических средств, тем рациональнее они должны быть использованы. Но не следует отказываться от незаменимых выгод массового порыва, если есть к тому возможности.

Различие в свойствах того или другого вида оружия уже было очерчено выше, а потому не будем к ним возвращаться. Но надо прямым путем стремиться к их наивыгоднейшему применению: тогда и построения получат наиболее правильные формы. Начинать же с приложения определенных форм, а затем изучать условия действия в них для разных видов оружия—значит итти очень кружным путем и, пожалуй, искать шаблонов.

Из условий приложения живой и не живой силы надо отметить условия места и времени. Рельеф местности, различные местные предметы, крупные и мелкие, узкие и широкие, длинные и короткие, равно как и время года, день и ночь, состояние погоды и пр., — все имеет значение, как для действий живой силы, так и для применения технических средств.

Но каждое техническое средство способно только к определенному ряду действий в определенных условиях. Живая же сила, будучи наиболее дорогим средством и не обладая специальными способностями ни одной из машин, шире и свободнее применяется ко всем условиям боевой обстановки.

Это опять, именно для нас, имеет особую важность. То, что в прежнее время считалось исключительными условиями для действий (ночь, непогода, леса и болота), то для нас, в современных условиях, должно обратиться в правило.

Само собой понятно, что все формы построений и действий должны всецело подчиняться этим условиям.

В нашем оффициальном руководстве особенности боя ночью в густой туман и в лесу сведены в одну рубрику: „условия затрудненного обзора и обстрела". Такое обобщение можно считать правильным лишь до известной степени.

Обстрел в лесу может быть затруднен, но ночью и в туман может быть затруднен только обзор. К тому же, при современных технических средствах, ночь в нужную минуту может быть обращена в день, а туман естественный, а, в особенности, искусственный, представляет лишь временное явление, которое может быстро прерваться.

Эти различия не могут не отражаться на формах боя.

Наконец, еще больше различий должны внести те условия, которые уже в Петровских уставах назывались „обращениями противника" то-есть—его свойства и способы действий.

Не будем считать правилом для современного боя те условия, которые были в наших гражданских или полу-гражданских, полунациональных (для протявника) войнах. Но, с другой стороны, нет основания считать, что в ближайшее время нам придется иметь дело с таким же напряжением и с таким же нагромождением средств, которое было в последнюю империалистическую войну на Западном фронте, где народилась новая тактика пехоты. Могут быть участки такого же напряжения. Надо к этому приготовиться. Но могут быть и другие, в которых слепое повторение всех мелочей новой тактики было бы неуместным.

Итак—изучение форм современной тактики не должно заслонять ее сущности, которая лежит на задачах, действующих силах и условиях их приложения.

В этом вопросе можно даже согласиться с теми, которые утверждают, что найти на местности один порядочный подступ легче, чем шесть (по числу звеньев во взводе).

Попробуем теперь с этим масштабом подойти к некоторым частностям, в которых формальные указания по тактике пехоты особенно легко могут оказаться в противоречии с существом дела.

Возьмем построение по звеньям.

Под ружейным и пулеметным огнем, на местности с мелкими закрытиями, оно вполне законно.

Но допустим, что на тех же дистанциях есть участки без всяких закрытий, но, зато, есть и один-два закрытых подступа, хотя бы с перерывами.

Ясно, что при таких условиях шаблонный переход всей роты в строй по звеньям был бы неуместен.

С точки зрения требований, вызываемых массовым применением живой силы, строй по звеньям лучше отвечает внутренней организованности массы, чем прежние стрелковые цепи.

Но основные требования этой организованности—это прочное управление и прочная связь. Ясно, что как то, так и другое, легче организовать в строю по взводно или даже по ротно, не разбрасывая всей роты по звеньям, если в этом нет действительной надобности.

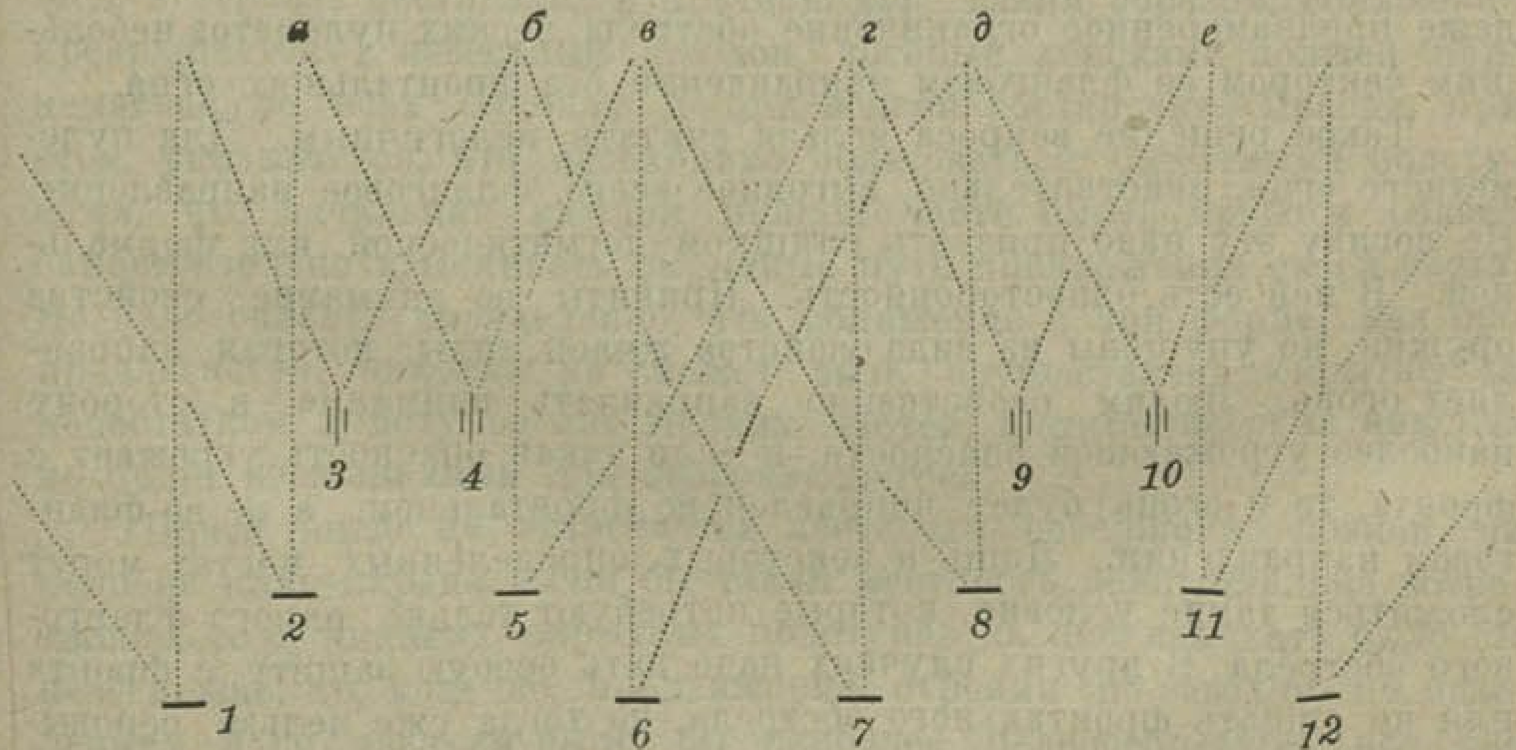
Наиболее простым и верным может казаться решение: переходить в строй по взводно под дальним артиллерийским огнем, в строй по отделениям—под действительным артиллерийским огнем и в строй по звеньям—с дистанций дальнего пулеметного огня ($2^1/_2$ вер.). Все дальнейшие передвижения с этих дистанций производить в строю по звеньям.

Но именно такое решение представляется слишком шаблонным: воздушные атаки противника могут вынудить перейти в строй по звеньям, даже на дистанциях самого дальнего артиллерийского огня, а закрытые подступы могут вполне оправдать движение змейками (с увеличенными дистанциями) по взводно и даже по ротно.

Указанное же выше решение ничем не лучше старого, шаблонного правила—ускорять и укорачивать перебежки по мере сближения с противником, не считаясь ни с его огнем, ни с местными условиями.

Возьмем другой пример:

Может казаться, что наиболее выгодным для атаки должен быть уступной порядок, в котором легко-пулеметное отделение идет впереди, а стрелковые—уступами назад, справа и слева. Таким способом можно соединить движение с наиболее сильным огнем.

Получается, правда, очень стройный и красивый чертеж. Но окажется ли он таким стройным в действительности, притом—в движении.

Прежде всего, для его осуществления нужна такая ровная местность, которую трудно найти и которую, конечно, не будут искать для атаки. При современной настильности огня, к тому же остроконечной пулей, пехота будет находить для себя укрытия на местности,

которая кажется совершенно ровной. В то же время всегда найдутся более выгодные и менее выгодные стрелковые позиции, сочетание которых будет важнее, чем соблюдение одного и того же построения. Направление огня противника будет также иметь очень важное значение. Представим себе, что в точках а, б, д, е находятся сильные огневые точки противника, с которых он может взять под фланговый огонь направления 1—3, 4—6, 7—9, 10—12. Пока эти точки не ослаблены, выстраиваться в подобных направлениях было бы невыгодно. Наконец, вся схема годится вообще только для близких расстояний, когда может быть открыт общий ружейный огонь и, притом, для таких случаев, когда по ходу боя этот общий ружейный огонь может заметно усилить огонь легких пулеметов, не вызывая слишком больших потерь. Если мы примем, что в стрелковых звеньях будут действовать только автоматы, то стрелков незачем развертывать и весь чертеж должен получить другой вид.

Остановимся еще на одной схеме для обороняющегося.

В журнале „Техника и снабжение Красной армии", а затем и в „Военном Вестнике" появился ряд очень интересных статей т. Радолацкого о „гнездах" и вообще о современном укреплении полевых позиций.

Здесь не место подробно останавливаться на их разборе. Заметим лишь, что многие построения автора относятся более к позиционной войне, в которой схема вообще более применима, чем в маневренной, а потому и к выводам его надо относиться с большой осторожностью. Заслуживает особенного внимания предложение автора основывать всю оборону на фланговом огне. Повидимому, он считает выгодным даже преднамеренное ограничение обстрела легких пулеметов небольшим сектором во фланговом направлении, без фронтального огня.

Такое решение вопроса нельзя считать нелогичным. Для пулеметного огня, действительно, выгоднее всего, фланговое направление. Но логику эту надо признать слишком догматической или формальной. В ней есть односторонность. Приняты во внимание свойства оружия, но упущены из вида свойства живой силы, которая направляет огонь. Людям свойственно направлять внимание в сторону наиболее угрожающей опасности, и если такая опасность угрожает с фронта, то и огонь будет направлен во фронтальном, а не во фланговом направлении. Лишь в некоторых определённых местах могут сложиться такие условия, которые потребуют только одного флангового обстрела. В других случаях надо дать особую защиту с фронта или не лишать фронтального обстрела, но тогда уже нельзя основывать всю оборону на фланговом огне.

Кстати сказать, французское боевое наставление смотрит на этот вопрос совершенно так же, как и автор этих строк.

Во французской справочной книжке для унтер-офицеров, изложенной в „Огневой роте", говорится буквально следующее:

„При постановке главных задач надо иметь в виду, что у ведущих бой всегда наблюдается тенденция обращать внимание на про-

странство, лежащее перед ними, и пренебрегать своей задачей фланкирования, если им угрожают с фронта, особенно на коротких дистанциях. Поэтому схема заградительного огня, расчитанная исключительно на взаимное фланкирование соседей, рискует оставить во время боя много необстреливаемых участков“.

Этих примеров, вероятно, достаточно, чтобы раз'яснить и подкрепить основную мысль настоящей статьи, о том, что, изучая формы современной тактики, не надо упускать из вида ее сущности. Сущность эта—в действующих силах и условиях их применения.

С этого и надо начинать, а формы „приложатся“ сами собой.

М. Тухачевский.

Сближение.

Из всех периодов наступления пехоты наименее разработанным остается сближение. Во взглядах, установившихся, как в тактике, так и в оффициальных руководствах—сближение в полосе обстрела артиллерийским огнем обыкновенно рисуется в виде мелких пехотных частей, двигающихся по-ротно, по-взводно, по отделениям и по звеньям. Предполагается, что такое боевое построение войск наилучшим образом обеспечит их от больших потерь со стороны артиллерийского огня противника и, вместе с тем, позволит осуществить быстрое продвижение вперед, вплоть до того района, где им придется вступить в огневое состязание с противником. Таким образом, сближение превращается в известный шаблон, который войсками должен применяться во всех случаях и при всякой обстановке. Правда, при этом указывается, что необходимо пользоваться скрытными подступами, что начальник каждой мелкой части имеет право и обязан самостоятельно изыскивать скрытные пути продвижения своей части. Но надо сказать определенно, что сближение в той форме, как оно предлагается, никогда не сможет быть осуществлено скрытно за недостатком подступов для мелких частей, и открытие огня никогда не будет неожиданным для обороняющегося.

Почти нигде не встречается местности совершенно ровной, на подобие плац-парада. Если бы такая местность действительно встретилась, если никаких скрытных подступов на ней изыскать было бы невозможно, то, конечно, продвижение строями по-взводно, по отделениям и по звеньям было бы наиболее целесообразным, ибо оно мало уязвимо со стороны артиллерии противника на далеких дистанциях. Однако, надо сейчас же добавить, что в империалистскую войну, в 1914 году наши войска очень скоро бросили этот порядок и перешли к сближению в построениях волнами. Но об этом разговор будет дальше.

Обычно местность бывает настолько пересечена, что на участке каждой роты всегда встретится хороший скрытный подступ для

того, чтобы совершенно незаметно подойти до рубежа, с которого будет начато огневое состязание с противником. Во всяком случае, такой скрытный подступ всегда найдется на участке баталиона. Таким образом, сближение, т. е. продвижение пехоты в полосе артиллерийского огня, вплоть до завязки пехотного огневого боя, почти всегда может быть произведено по скрытным подступам, совершенно не обнаруживая себя перед противником, но для этого придется не расчленяться, а, наоборот, продвигаться крупными частями.

Кроме значения внезапности, достигаемого при подобного рода сближении, необходимо еще учитывать и силу современного артиллерийского огня. Конечно, очень трудно пристреляться по отдельным маленьким пехотным единицам. Но зато обстрел площади, занятой строями по-взводно и по отделениям, даст гораздо больший % попадания и % пораженных фигур, чем при движении рассыпными строями. Вот почему с самого начала войны 1914 года пехота старой армии очень скоро бросила построение по-взводно и перешла к движению или по скрытным подступам, или волнами. В последнем строю взвод, рассыпанный цепью, двигался за другим взводом шагах в 50—100 и т. д. В таких построениях, пехота, чувствуя себя крепкой и могущественной силой, не предавалась панике. Каждая часть двигалась, поддаваясь общей инерции и, в общем, достигала самых положительных результатов.

Я помню случай, когда 11 октября 14 года наш батальон должен был выдвинуться из резерва, из скрытно расположенного места, поближе к атакующим частям, так как назревал момент атаки. Дело это было близ села Гневашево, южнее Ивангорода. Батальону необходимо было пройти совершенно ровное и открытое пространство, протяжением до полуторы версты, на глазах у противника. Было очевидно, что он подвергнется атаке дальнего ружейного и пулеметного огня и огня артиллерии. Было решено продвигаться накапливанием. Для избежания вызова артиллерийского огня, каждый взвод должен был рассыпаться с интервалами между стрелками не менее, как в 25 шагов. Когда наступающий взвод дойдет до места назначения и заляжет, тогда должен был начинать движение следующий взвод и т. д. Времени на такое движение было достаточно и можно было рассчитывать, что столь редкая цепочка вряд ли вызовет на себя сильный артиллерийский огонь противника и вряд ли понесет большие потери от дальнего ружейного и пулеметного огня. Однако, дальнейшие события сложились совсем иначе. Когда двинулся первый взвод, с интервалами между стрелками не более, как в 10 шагов, за ним неожиданно, шагов на 50 дистанции, двинулся следующий взвод, за этим—3-й, и весь батальон вытянулся в глубокую колонну в 12 цепей (одна рота отсутствовала). Произошло это совершенно неожиданно для командования батальоном, в полном смысле слова—стихийно. Огонь по наступающему батальону был открыт ураганный—пулеметный, ружейный и артиллерийский. Казалось, что батальон будет, в большей своей части, истреблен. Однако, исход был совершенно неожиданный:

батальон потерял всего только 25 человек ранеными и убитыми. Сосредоточение произошло чрезвычайно быстро и произвело сильнейшее моральное впечатление на противника. В этот вечер мы не поспели произвести атаки, отложив ее на рассвет, но противник отступил сам, не дожидаясь ее.

Этот пример доказывает, что движение волнами под артиллерийским и дальним пулеметным и ружейным огнем является вполне закономерным, конечно, не в такой преувеличенно развязной форме, как это было в описанном случае. Часть чувствует себя сплоченной, крепкой и развивает громадную инерцию движения. Выдержка направления—ясна и легка. Потери от огня противника незначительны.

После этого случая я не помню ни одного случая применения строя по-взводно. Мы всегда ходили волнами, если на участке батальона не находилось скрытных подступов.

Почти всегда местность благоприятствует сближению и оно может быть произведено совершенно незаметно для противника. Если на участке батальона встречается всего только один скрытный подступ, то этим смущаться не стоит. Лучше потерять несколько времени на изводящем, медлительном движении гуськом, чем поставить свои войска под обстрел, который всегда производит самое тяжелое впечатление, ибо войска чувствуют себя совершенно беззащитными. Такой обстрел вносит всегда беспорядок, нервность, которые в конечном счете отнимают много времени на успокоение и упорядочение больше, чем его займет движение гуськом.

Иногда может случиться, что скрытный подступ все-таки будет прерван в каком-либо месте перевалами, холмом и т. п. Батальону или роте придется волей—неволей открыто перейти его. Но и тут движение гуськом прерывать не следует. На другой день после описанного выше боевого случая, тот же самый батальон, преследуя австрийцев, должен был перейти совершенно открытый холм, на котором неминуемо подвергся бы артиллерийскому огню противника, а, может-быть, и дальнему пулеметному. Решено было перейти это препятствие в строю гусем, на дистанции 25—50 шагов стрелок от стрелка, что и было выполнено. Противник дал несколько неуверенных очередей по нашему редкому гусю, но скоро затих, ибо огонь был бесцелен. Весь батальон, не потеряв ни одного человека, втянулся в имевшийся дальше скрытный подступ, по которому подошел почти вплотную к оборонительной позиции противника.

Таким образом, движение по скрытным подступам чаще всего будет производиться гусем, сгущенность которого зависит от обстановки. В отдельных случаях возможно продвижение и в сомкнутых строях, но, вообще говоря, этого следует избегать, ибо всегда может быть открыт противником огонь по подступу стрельбой по площадям. Как показывает опыт войны, на местности средней неровности пехота может подойти к противнику, незамеченная им, метров на 600—800. Таким образом, огневое состязание пехоты обыкновенно начнется не дальше этого расстояния от противника.

Дойдя по скрытному подступу до рубежа огневого состязания, ротный командир дает боевые задачи своим взводам, и командиры последних разводят их по своим направлениям. Более мелкие части скрытными подступами почти никогда не могут пользоваться самостоятельно, ибо занимают слишком незначительные фронты, на которых почти никогда не находится подходящих подступов. Они сразу занимают боевое расположение и дальнейшее свое продвижение основывают не столько на складках местности, сколько на подавлении огня противника, как огнем своих пулеметов, так и артиллерии.

Впереди двигающихся по подступам частей идет разведка от каждой отдельно двигающейся части.

Вот те несколько замечаний, которые, мне кажется, необходимо сделать по вопросу сближения пехоты. Здесь всячески нужно избегать шаблона. Экономия времени, достигаемая при открытом движении, сводится на нет потерею такового на приведение в порядок и устройство расстроенных обстрелом частей. На движение по-ротно, по-взводно и т. д. нужно смотреть, как на неизбежное зло при движении на совершенно ровной местности. При этом надо признать, по меньшей мере, равноценным движение в таких случаях волнами. Обыкновенно же, с того момента, как войска не могут продвигаться по дорогам, они разбиваются по подступам и продвигаются по таковым вплоть до первого огневого рубежа. Опять-таки, повторяю, что на местности средне-всхолмленной батальон всегда найдет для себя скрытный подступ, а обыкновенно таковые будут иметься и на каждую роту. Открывать огонь, т. е. прекращать движение по подступам, обычно придется не далее 600—800 метров от противника.

Я пишу это на основании моего боевого опыта в должности младшего пехотного командира, проверенного многочисленными полевыми занятиями с нашими стрелковыми частями. В этом духе необходимо воспитывать нашу пехоту, ибо в этом кроется залог силы и внезапности ее удара.

Чернавин.

Изображение огня на двухсторонних ученьях и маневрах.

В наступательном бою задачею пехоты является: добраться до позиции противника с наименьшими потерями, с тем, чтобы уничтожить его сопротивление штыком и гранатой.

Могущественным средством для проталкивания пехоты вперед будет, прежде всего, артиллерийский огонь, силою которого атакующий должен с наименьшею кровью подойти к тому рубежу, откуда возможно будет пустить в действие свои пехотные огневые средства: станковые и легкие пулеметы, автоматы, ружья и гранатометы.

В оборонительном бою все усилия обороняющегося сводятся к тому, чтобы выводом из рядов атакующего наибольшего количества бойцов сделать его малоспособным к нанесению штыкового удара.

Исполнение и этой задачи ложится на огонь артиллерии, пулеметов и автоматов, причем на дальних дистанциях роль истребителя наступающей пехоты берет на себя целиком артиллерия обороняющегося.

Отсюда вытекает, что наступающий искусным лавированием на боевом поле должен выскальзывать из площадей, поражаемых сосредоточенным артиллерийским огнем обороняющегося, это с одной стороны, а с другой—парализовать своим огнем огонь защитников атакуемой позиции, преимущественно пулеметный, составляющий главную преграду продвижения вперед в период наступления.

Следовательно, наступающая пехота в выборе способов маневрирования должна учитывать свой огонь, а вместе с тем—считаться и с огнем противника.

Для того, чтобы подготовить пехоту к такому *сознательному* маневрированию мелких ее частей, необходимо на всех полевых ученьях и маневрах, как односторонних, так и двухсторонних, вводить изображение артиллерийского и пехотного огня, как важную и неотъемлемую принадлежность всякого тактического занятия, причем обозначение огня должно *видимым* способом указывать точную площадь обстрела.

Изображение артиллерийского огня.

Употребление на маневрах и ученьях пехоты с артиллерией учебных (холостых) снарядов для обозначения огня—не достигает своей цели, так как маневрирующие и занимающие полосу сопротивления части будут слышать только звук пушечных выстрелов, но не будут знать, какая же часть наступающего или какой участок обороняющегося в данный момент находится под артиллерийским обстрелом.

Практиковавшееся до мировой войны на маневрах выставление обширных полотнищ с облепляющими их значками, так называемых „петрушек", тоже не достигало этой цели, так как пехотные начальники без особых приспособлений не в состоянии были расшифровать изображаемые на полотнищах азимуты и дистанции до поражаемой цели.

Вследствие этого обстоятельства, сплошь и рядом обстреливаемые части приговаривались посредниками на более или менее продолжительное время к бездействию за непринятие начальниками спешных мер к выводу этих частей из зоны огня, между тем, как никто из этих провинившихся начальников и не подозревал, что выставленная на возвышенном пункте „петрушка" служила показателем, что в данный момент подчиненные им части и служат об'ектом действий артиллерийского огня противной стороны.

Не спорю, что указанный способ изображения артиллерийского огня в старой армии был хорош для артиллерии, но весьма мало был пригоден для пехотных и, тем более—кавалерийских частей.

Поэтому в настоящее время от такого способа обозначения огня придется отказаться и изыскать новый.

Как я выше упомянул, на всех ученьях существенно важно показывать точно площадь, поражаемую неприятельской батареей.

Изображение поражаемого пространства не представляет особых затруднений, и площадь огня одной батареи может наглядно обозначаться четырьмя большими красными указками, поставленными в расположении обстреливаемых частей в две линии, по две указки в каждой линии, причем передняя линия указок расставляется на интервале 60—80 метров, а задние указки ставятся в затылок передним на дистанции 150—200 метров (чертеж № 1).

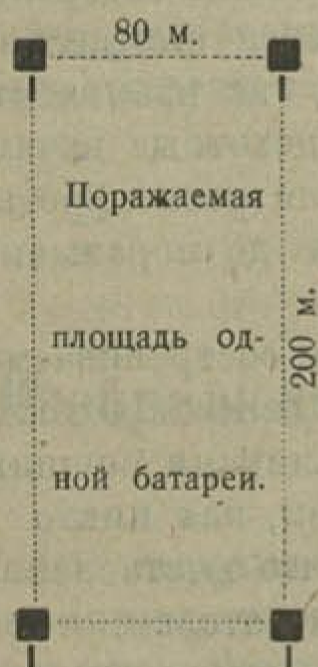
Артиллерийские указки делаются квадратной формы из фанеры, окрашенной в красный цвет (сторона квадрата $1^1/_2$ метра) и прикрепляются к стойкам в 3—4 метра высотою. При неимении фанеры, она может быть заменена деревянной рамой, обтянутой красной материей.

Полезно для большей наглядности присоединить к этому зрительному способу изображения огня и звуковой—помощью петард-бросаемых носителями указок.

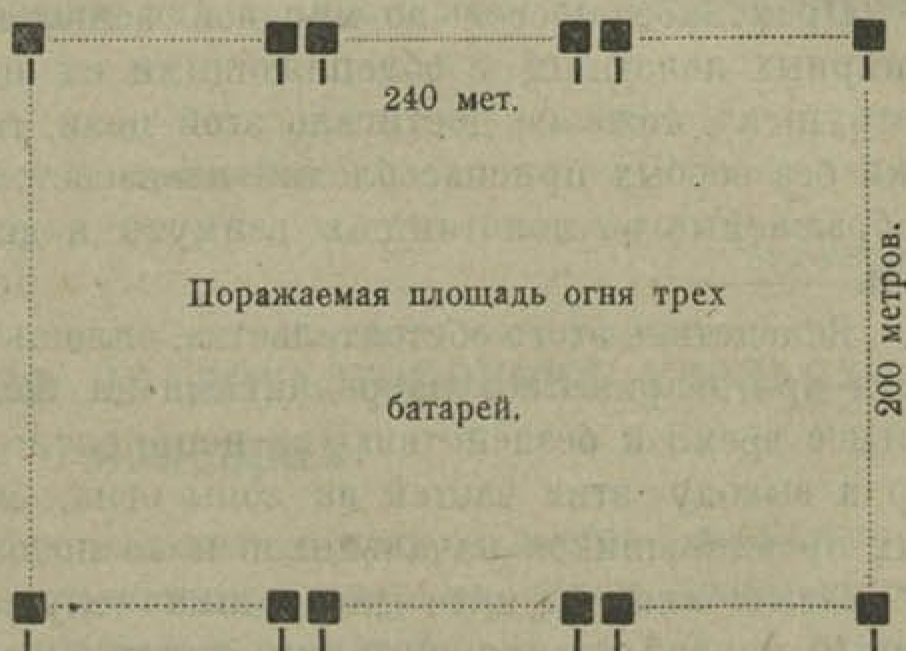
При сосредоточении огня двух и нескольких батарей в одно место, площадь поражения может быть или расширена, или удлинена, при этом, соответственно числу стреляющих батарей, увеличивается и количество указок.

При расширении поражаемого пространства, указки артиллерийского огня становятся также в две линии, но по 4, 6 и более указок в каждой линии, смотря по числу батарей. В этом случае площадь обстрела одной батареи как бы прикладывается по ширине к другой (чертеж № 2).

Чертеж № 1.

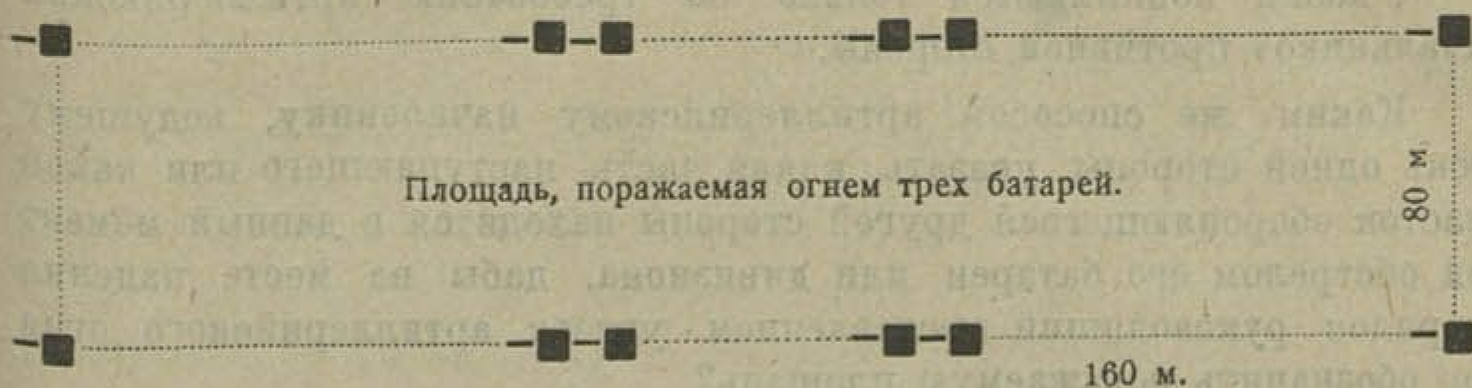
Чертеж № 2.

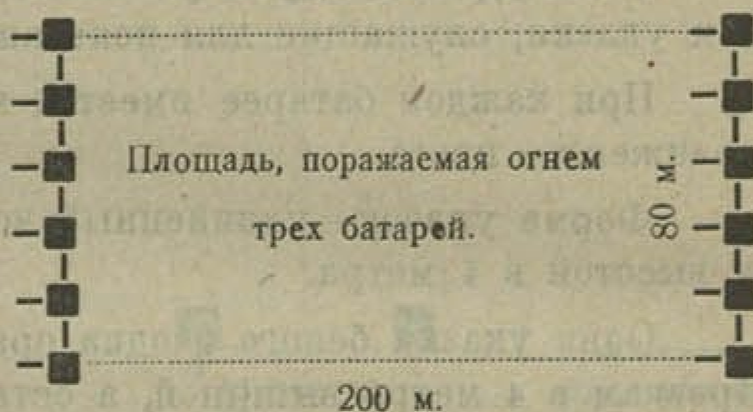
При удлинении обстреливаемого пространства огнем нескольких батарей—указки выставляются в 4, 6 и т. д. линий, т. е. площадь огня одной батареи прикладывается к задней стороне другой (чертеж № 3).

Если же явится надобность обозначить огонь нескольких батарей, не увеличивая поражаемого пространства, то указки располагаются в две линии на площади обстрела одной батареи, на коротких интервалах (15 - 20 метров) одна за другой (чертеж № 4).

Чертеж № 3.

Чертеж № 4.

Так как изображение указанным способом огня нескольких батарей потребовало бы сосредоточения большого количества указок в одно место, то для определения уширения или удлинения площади поражения можно ограничиться и четырьмя указками, расставляя их на интервалы и дистанции, соответствующие ширине и глубине обстреливаемого пространства, т. е. обозначая только углы площади.

Я должен оговориться, что при обозначении указанным способом площади обстрела я имею в виду исключительно компактный артиллерийский огонь, наносящий существенные потери, а не редкие выстрелы, которые не могут ни задержать продвижение наступающего, ни заставить пехоту обороняющегося прекратить действие своих огневых машин; поэтому в изображении редкого огня на двухсторонних ученьях не будет и надобности.

При предлагаемом мною способе обозначения артиллерийского огня каждому командиру мелкой пехотной части будет ясно, находится ли вверенная ему часть в площади поражения или вне ее.

И, смотря по тому, в какой мере эта площадь захватывает попавшую под огонь часть наступающего, начальнику не трудно будет прийти к быстрому и правильному решению, как выскользнуть из зоны неприятельского огня: перебежкой-ли вперед, или броском в сторону, или переждать прекращение огня, лежа на месте.

Появление же указок артиллерийского огня в районе оборонительной позиции противника дает каждому начальнику мелкой единицы наступающей пехоты отчетливое представление, по каким именно участкам сосредоточен огонь своих батарей, а, следовательно, этот огонь и будет точным указателем, каким частям боевого порядка наступающего надлежит в данный момент безудержно ринуться вперед.

При каждом взводе пехоты и эскадроне кавалерии должно быть не менее 4 указок артиллерийского огня.

Носка указок поручается красноармейцам, под общим управлением старшего, назначаемого взводным или эскадронным командиром.

Указки поднимаются только по требованию артиллерийских начальникоз противной стороны.

Каким же способом артиллерийскому начальнику, ведущему огонь одной стороны, указать, какая часть наступающего или какой участок обороняющегося другой стороны находится в данный момент под обстрелом его батареи или дивизиона, дабы на месте падения снарядов руководящий выставлением указок артиллерийского огня мог обозначить поражаемую площадь?

Очень просто: двумя указками, но иного цвета и иной формы, чем указки, служащие для показания обстреливаемой площади.

При каждой батарее имеется четыре указки, две белого и две оранжевого цвета.

Форма указок—удлиненный четырехугольник, шириной в 2 метра и высотой в 4 метра.

Одна указка белого и одна оранжевого цвета прикрепляются к древкам в 4 метра вышиной, а остальные две указки имеют стойки, высотой в 8 метров.

Для указания поражаемой площади артиллерийский начальник пользуется створом двух из своих указок, поставленных в направлении средней траектории веера батареи.

Указки обращаются в сторону обстреливаемого участка и ставятся одна за другой (впереди—с коротким древком, сзади—с длинным) на дистанции 30—40 метров так, чтобы продолжение линии, соединяющей эти указки, проходило через середину поражаемой цели.

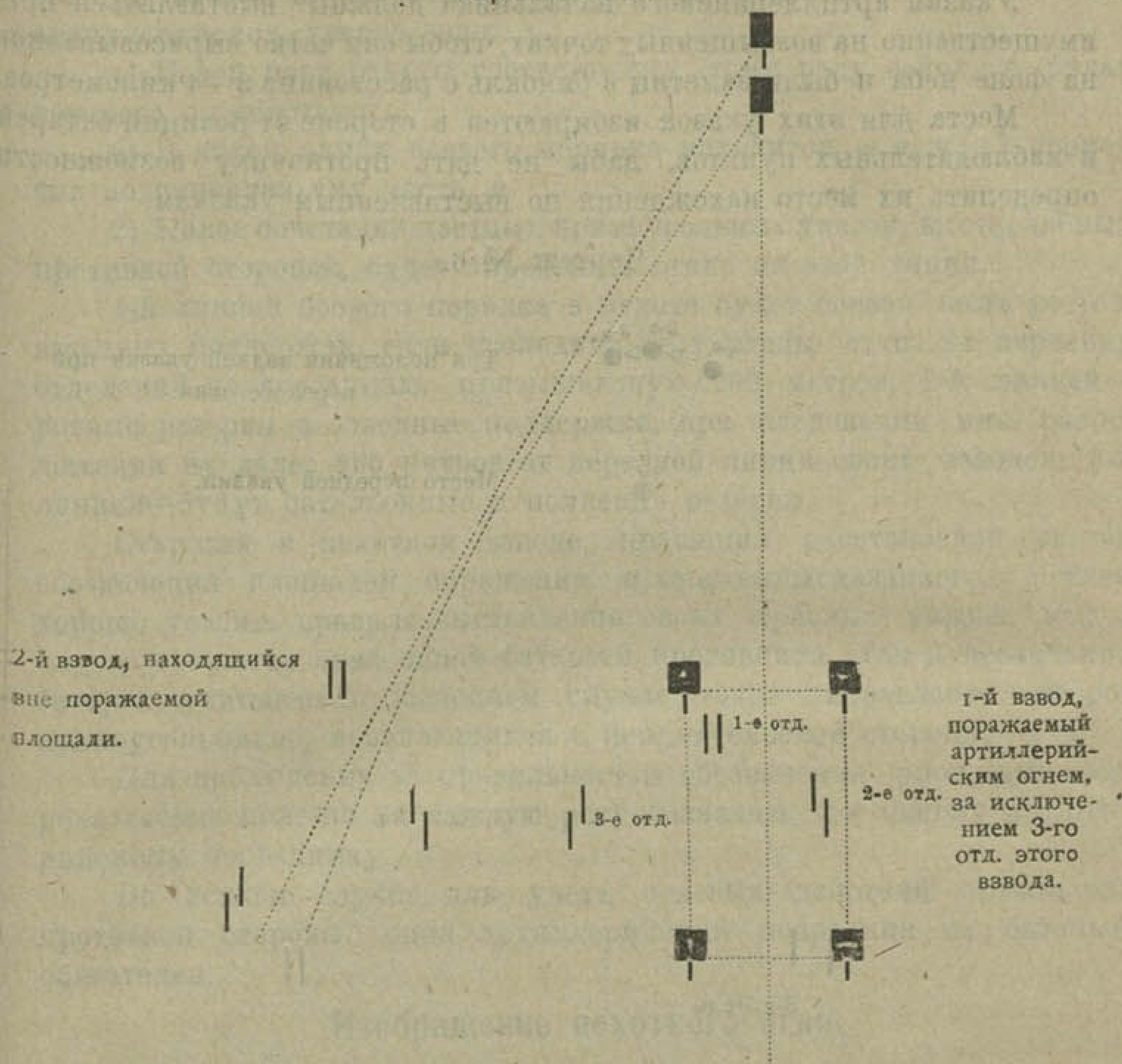
Таким образом старшему, ведающему во взводе выставлением артиллерийских указок для изображения площади поражения, будет не трудно определить, находится-ли в данный момент взвод под неприятельским артиллерийским огнем или вне его, а потому надо-ли выставлять свои указки или нет.

Так, если со стороны какого-либо взвода видимы два прямоугольника указок артиллерийского начальника один над другим, то это означает, что батарея противника бьет именно по этому взводу; если-же прямоугольники видны со стороны взвода не на одной вертикали, то неприятельская батарея избрала себе другую цель (чертеж № 5).

В первом случае старший из носителей указок выставляет свои передние красные указки вправо и влево на 30—40 метров от линии, образуемой створом прямоугольных указок артиллерийского начальника, задние же красные указки ставит в затылок передним на дистанции 150—200 метров (чертеж № 5).

Взводы, видящие прямоугольники противной стороны не на одной вертикальной линии, своих указок не поднимают (чертеж № 5).

Чертеж № 5.

Итак, створ прямоугольных указок дает возможность безошибочно определять направление огня, но точно не указывает, по какой именно цели в этом направлении производится стрельба, так как в одном направлении могут находиться две или три пехотных цели, расположенные или двигающиеся на разных дистанциях от стреляющей батареи.

Для этого с успехом может служить комбинация цветов прямоугольных указок, а именно: для обозначения заградительного огня перед первой линией боевой части пехоты выставляются два белых прямоугольника, поражение частей первой неприятельской линии изображается задней—белой и передней—оранжевой указкой, огонь по 2-й линии задней—оранжевой и передней—белой, указкой и, наконец, поражение целей 3-й линии противника—двумя оранжевыми прямоугольниками.

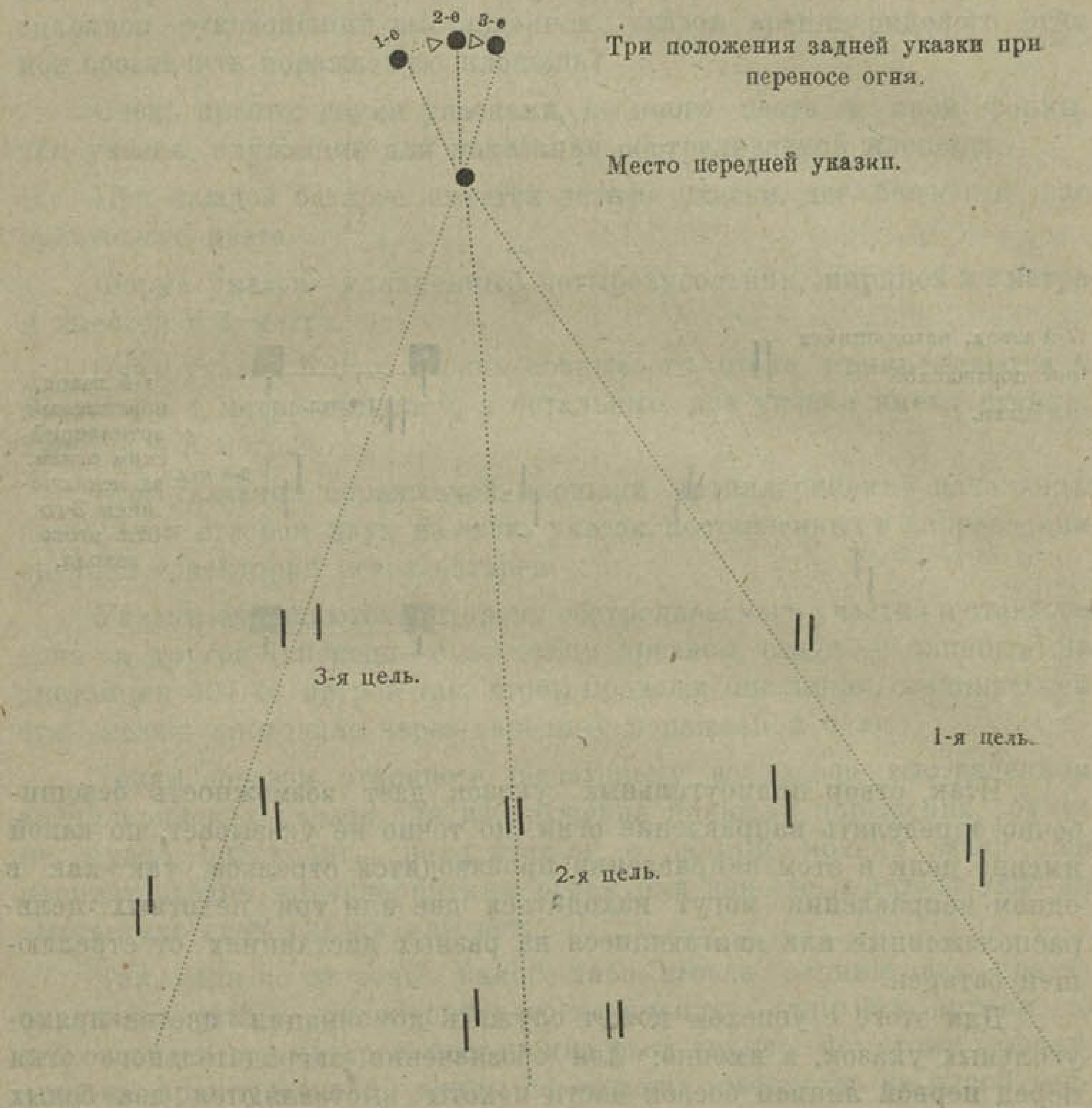
Для указания, по какому роду войск производится артиллерийская стрельба, кроме выставления прямоугольных указок, выбрасываются

ракеты: белая, обозначающая огонь по пехоте, красная—по артиллерии, зеленая или синяя—по кавалерии.

Указки артиллерийского начальника должны выставляться преимущественно на возвышенных точках, чтобы они четко вырисовывались на фоне неба и были заметны в бинокль с расстояния 3—4 километров.

Места для этих указок избираются в стороне от позиций батарей и наблюдательных пунктов, дабы не дать противнику возможности определить их место нахождения по выставленным указкам.

Чертеж № 6.

При переносе огня на новую цель передняя указка, не двигаясь с места, поворачивается в направлении этой последней, а задняя—ставится на продолжение прямой, соединяющей переднюю указку с серединой нового обстреливаемого участка (чертеж № 6), причем, если новая цель находится не в одной боевой линии с первоначальной целью, то первые указки заменяются другими, соответствующих цветов, как было сказано выше.

Непременным условием того, чтобы изображение изложенным способом артиллерийского огня достигало своей цели, требуется, чтобы каждый начальник мелкой единицы, пехотной, кавалерийской или артиллерийской, твердо знал:

1) Какой цвет ракеты соответствует тому роду войск, в рядах которого он действует.

2) В какой линии боевого порядка находится в каждый период боя подчиненная ему часть, и

3) Какое сочетание цветных прямоугольных указок, выставляемых противной стороной, будет определять огонь по этой линии.

1-й линией боевого порядка в пехоте будет боевая часть роты и взводных поддержек, если последние не удалены от своих передних отделений на дистанцию, превышающую 200 метров, 2-й линией—ротные резервы и взводные поддержки, при следовании или расположении их далее 200 метров от передней линии своих взводов, 3-й линией—будут батальонные и полковые резервы

Старший в пехотном взводе, правящий расстановкой указок обозначения площадей поражения, кроме вышесказанного, должен хорошо усвоить правила выставления своих красных указок, как в случае открытия огня одной батареей противника, так и нескольких батарей, учитывая в последнем случае точно направление створов прямоугольников, появляющихся с неприятельской стороны.

Для наблюдения за правильностью обозначения площадей обстрела весьма полезно на каждую роту назначать по одному артиллерийскому посреднику.

Во всяком случае, для учета огневых действий артиллерии противной стороны, один артиллерийский посредник на батальон обязателен.

Изображение пехотного огня.

Изображение огня тяжелых и легких пулеметов производится на тех-же основаниях, как и изображение артиллерийского огня, только без обозначения площадей поражения.

Огонь тяжелых пулеметов обозначается тремя треугольными указками, выставляемыми со стороны стреляющих пулеметов.

Указки окрашиваются одна—в оранжевый цвет и две—в белый (зимой—в красный).

Оранжевая указка ставится сзади, в интервале между двумя белыми, причем белые указки выдвигаются на 20—25 метров впереди оранжевой, и расстояние между белыми указками должно соответствовать естественному рассеиванию пулеметного огня (2—3 метра).

Этот способ обозначения огня тяжелых пулеметов дает возможность не только командиру каждой мелкой части, но и каждому стрелку легко определить, находится-ли его часть под огнем тяжелых пулеметов противной стороны или этот огонь направлен на другой участок.

Так. если стрелки звена или отделения видят оранжевую указку между белыми, значит это звено или отделение поражается огнем

тяжелых пулеметов противника, если же оранжевая указка видна сбоку белых или в створе одной из них, то сноп неприятельского пулеметного огня проходит вправо или влево от этой части.

Перенос огня тяжелых пулеметов делается поворотом передних белых треугольников в направлении новой цели и перемещением задняго треугольника вправо или влево так, чтобы прямая, проведенная от него к обстреливаемой цели, проходила через середину интервала между передними указками.

Огневые пулеметные указки должны быть таких размеров, чтобы быть хорошо различаемыми с расстояния 2-х километров, т. е. сторона треугольника указки—около 2½ метров.

Каждый взвод тяжелых пулеметов должен быть снабжен двумя комплектами таких указок, по 3 указки на каждый станковый пулемет.

Если огонь всего пулеметного взвода направляется в одну цель, то интервалы между указками каждого пулемета должны быть не менее 20—30 метров.

Огонь легких пулеметов изображается таким же образом, как огонь батареи, т. е. створом двух указок.

Указки для обозначения огня легких пулеметов делаются треугольной формы, оранжевого цвета, но несколько меньших размеров, чем указки, изображающие огонь тяжелых пулеметов (пол метра каждая сторона треугольника) и прикрепляются к стойкам разной вышины: задняя 2½ метра, передняя 1½ метра.

Перенос огня легких пулеметов на новую цель изображается поворотом передней указки и соответствующим перемещением задней, как это указано при обозначении артиллерийского огня.

Рассеивание огня легких пулеметов по фронту обстреливаемой цели обозначается постепенным незначительным передвижением задней указки вправо и влево, с расчетом, чтобы продолжение прямой, соединяющей обе указки, не выходило из пределов поражаемой цели.

Огневые указки, как тяжелых, так и легких пулеметов, появляются по команде пулеметных начальников „огонь" и держатся поднятыми не более того времени, которое потребуется для стрельбы короткой вспышкой.

Так как пулеметные огневые указки имеют целью показать направление огня, а не место расположения пулеметов, указки должны подниматься в стороне от пункта нахождения пулеметов.

Не будет излишним присоединить к зрительному обозначению огня и звуковое—трещетками.

В указывании ракетами или иными способами рода войск, по которым производится пулеметный огонь, нет особой надобности, так как всякая часть, будь она пехотная, кавалерийская или артиллерийская, попадающая в створ указок при огне легких пулеметов или видящая оранжевую указку между белыми при стрельбе из станковых пулеметов, будет отлично знать, что именно она в данный момент и является целью неприятельского огня.

Было бы целесообразным показывать боевую линию (1-ю, 2-ю. или 3-ю), в которой находится обстреливаемая часть, как это обозначается артиллерийскими указками, так как в одном створе могут очутиться две цели, притом, в большинстве случаев, обе пехотные, действующие в разреженных боевых строях.

Но, во избежание перегрузки разного цвета указками мелких пехотных единиц, придется отказаться от такого уточнения положения целей, во-первых потому, что наступающие части в задних боевых линиях очень редко будут располагаться или двигаться в затылок передним, а во-вторых, пулеметы обороняющегося, естественно, будут открывать огонь по части, находящейся в движении, как представляющей в это время более заманчивую и крупную цель, чем по хорошо примененной к местности, неподвижно лежащей цели, а потому очевидно, что из двух целей, находящихся в одном створе, пулеметный огонь будет направлен по перебегающей части, но не по лежачей.

Обозначение огня по окопам обороняющегося также не нуждается в указании линии обстреливаемых участков, так как задние пункты будут располагаться по интервалам между передними, и створ указок может быть нацелен в них, минуя окопы первой линии.

Несколько иное изображение огня тяжелых и легких пулеметов вызвано тем, чтобы не только посредник, находящийся при роте, но и каждый начальник мелкой пехотной единицы мог знать, каким оружием неприятель действует против его частей и учитывать, в состоянии-ли он своими огневыми средствами побороть огонь противника или нет.

Автоматный и ружейный огонь обозначается совершенно так же, как и огонь легких пулеметов, но с прибавлением частой (автоматный огонь) и редкой (ружейный огонь) стрельбы холостыми патронами.

Указок для обозначения пулеметного, автоматного и ружейного огня понадобится по две на каждое звено, т. е. 12 указок на взвод. Меньшим числом указок невозможно будет определить направление огня каждого отделения и каждого пулемета, что существенно необходимо, так как не только взвод, но и отделение часто должно рассредоточивать огонь своих пулеметов и автоматов по разным точкам неприятельского расположения.

В период непосредственно предшествующий атаке, в условия современного боя потребуется широкое пользование дымовыми завесами при помощи дымовых гранат, выпускаемых из ружей—гранатометов

Для указания места падения дымовых гранат будут с успехом служить небольшие флажки красного или черного цвета, выставляемые в пункте разрыва гранат.

Флажки эти выставляются распоряжением командиров стрелковых звеньев.

Флажки в данном случае имеют преимущество перед указками в том отношении, что они, кроме обозначения места разрыва дымовых гранат, будут показывать приблизительно силу и направление ветра,

и таким образом дадут возможность посреднику судить о правильности избранных пунктов, где должны разрываться дымовые гранаты.

Еще лучшим средством будут служить для этой цели небольшие дымовые шашки, поджигаемые в местах взрыва дымовых гранат.

Изложенный мною способ изображения огня несколько приблизит двухстороннее ученье и маневры к условиям боевой обстановки, заставит стороны учитывать огонь противника и согласовать свой огонь с движением, гася сосредоточенным огнем огневые очаги противника.

Без обозначения огня, розыгрыш боя на маневрах и двухсторонних ученьях, как акт, сводящийся к бесполезной трате времени и средств, недопустим, если не имеется ввиду выявить чисто декоративную сторону боя, как эффектного зрелища для народных масс.

Макаров.

Эвакуация раненых в огневой роте. *)

Как известно, огневая рота имеет свои организационно-технические особенности, которые заключаются: 1) в тактической самостоятельности взвода, 2) в образовании глубины фронта при боевом построении с плацдармом около 1000 кв. шагов, 3) в техническом усилении и механическом усовершенствовании вооружения, 4) в более существенном значении группы, нежели одиночного бойца, 5) в отказе от борьбы стрелковыми цепями и переходе к организации группового боя, 6) и весьма важном тактическом значении звеньевых командиров. Отмеченные обстоятельства дают возможность исключительного использования местности, чрезвычайной гибкости строя и полной маневренной свободы при технической механизации вооружения.

Таким образом, рота является, в своем роде, легкоподвижной машиной и потому требует математической точности в работе со стороны лиц, ее обслуживающих; последним во время боя необходимо иметь точную, рассудительную, холодную расчетливость и твердое знание дела; элементам сентиментальности, аффектированной, неосознанной удали не должно быть места: все должны быть сурово-выдержанными, уверенными машинистами, без страха и колебаний. Отмеченные личные качества имеют значение не только в отношении активных бойцов, но и лиц подсобных организаций и, в частности, медсанперсонала, который в особенности должен быть тверд духом, т. к. на его обязанности лежит труднейшая задача эвакуации раненых.

*) Статья т. Макарова заслуживает внимания, т. к. дает схему организации эвакуации раненых на поле боя, но автор, к сожалению, умалчивает о весьма важном обстоятельстве, как производить замену убывающих за ранением санитаров, между тем, как такая убыль неминуема при переноске раненых в зоне огня легких пулеметов.

В условиях же современного боя возможны тяжелые случаи газоотравления с различными обезображиваниями и симптомами тягчайших мучений, что может способствовать образованию паники среди лиц окружающих и срыву твердости духа среди активных бойцов, поэтому своевременная и быстрая эвакуация таких раненых тактически чрезвычайно необходима; с другой стороны, число ранений причиняемых артиллерийскими снарядами, бомбами с аэропланов, ручными гранатами, минами и снарядами скорострельных орудий малого калибра (орудия Маклена 37 м. м.) должно увеличиться, что также даст большое число обезображивающих ранений. Поэтому очистка поля сражения от тяжело раненых и отравленных, в условиях утонченного, механизированного боя, является задачей весьма трудной и заслуживающей серьезного внимания. Для схематического представления возможных путей эвакуации в огневой роте мы пользуемся схемой т. Каменева, приложенной к статье его „Огневая рота“, упростив эту схему и видоизменив, согласно требуемого случая. Картина наступательного боя, как это видно из прилагаемой схемы, слагается из семи фаз или положений, с соответствующим расположением боевых групп и огня.

Положение I: Сфера артиллерийского огня. Построение роты в колонне по отделениям *); 2 отделение взвода управления следует при последнем. Кроме того, при взводе управления следует одна санитарная двуколка, приданная от батальонного перевязочного пункта или же полкового перевотряда, для дальней эвакуации из роты. Полковой же или баталионный перевязочный пункт м. б. расположен в 2—3 верстах. Санитарная двуколка сможет принять за один раз 4 сидячих раненых или 2—3 лежачих; максимальный суточный перегон ее не должен превышать 25 верст, со скоростью движения в час: порожняком 6 верст и с нагрузкой 3 версты. Таким образом, одна сандвуколка может сделать (располагаясь в 2 верстах) 5 рейсов, проделав при этом 20 верст и затратив на работу движения с нагрузкой 3 часа и порожняком 2 часа, т. е. всего 5 часов. Остающиеся 5 верст максимального суточного перегона м. б. использованы для передвижения, вследствие возможных новых перегруппировок.

Проделанными 5 рейсами одна двуколка сможет вывезти 20 сидячих тяжело раненых или 15 лежачих. 5 часов сандвуколкой затрачивается на вывозку больраненых, 2 часа для возможных перегруппировок и 3—4 часа необходимо полагать на погрузку раненых. Таким образом, сандвуколка имеет движение в сутки 25—30 верст, транспортирует 20 человек сидячих или 15 лежачих и затрачивает на эту работу 11—12 часов.

При указанной сандвуколке необходимо наличие лекпома, снабженного достаточным количеством перевязочного материала и надлежащих медикаментов, особенно имея в виду газоотравление. Отдельком 2 взвода управления ведет непосредственное наблюдение за эва-

*) При вступлении в сферу артилл. огня рота принимает „строй повзводно“. Оффициальное руководство „Бой пехоты“ Прим. редакции.

куацией больраненых в роте и передает в сопровождающую сандвуколку только тех, которые не могут следовать пешком. Все же больные и раненые могущие следовать пешком,—должны обязательно регистрироваться у отделькома 2 взвода управления; на указанное обстоятельство следует обратить сугубое внимание, дабы: 1) активные бойцы не имели возможности самовольно покидать боевые участки, ссылаясь на болезнь, 2) дабы иметь учет и предупреждение симулятивных повреждений (самострелы) и 3) дабы командир роты мог иметь точное сведение об убыли и потерях, для чего отдельком 2 взвода управления о каждом поступлении раненых или больных немедленно доносит комвзводу.

Положение II: Сфера артиллерийского огня. Построение роты повзводно. Месторасположение сандвуколки—при взводе управления. Для обслуживания 1—2 взводов выделяется по 2 носильщика, которые передают доставляемых раненых, через соответствующих командиров звеньев, для дальн. эвакуации.

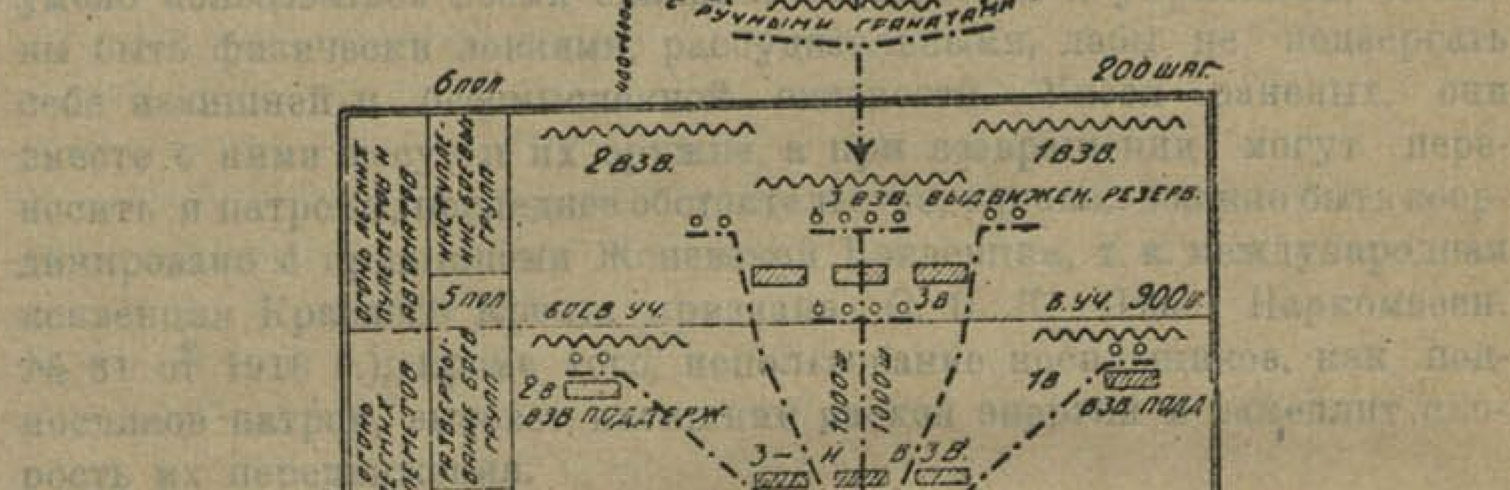
Положение III: Рота в разомкнутом строю *). Сфера огня тяжелых пулеметов. Сандвуколка располагается при взводе управления, занимая здесь центрально-тактическое положечие и вперед не подвигаясь, она образует как бы ротный перевязочный пункт, поддерживая постоянную связь с командиром роты или взвода управления. Обслуживание 1 и 2 взвода производится 4 носильщиками (два из них—сборщики оружия).

Положение IV: Сфера огня легких пулеметов; развертывание боевых групп; 1 и 2 взводы занимают боевые участки, с выделением взводной поддержки; 3 взвод в резерве.

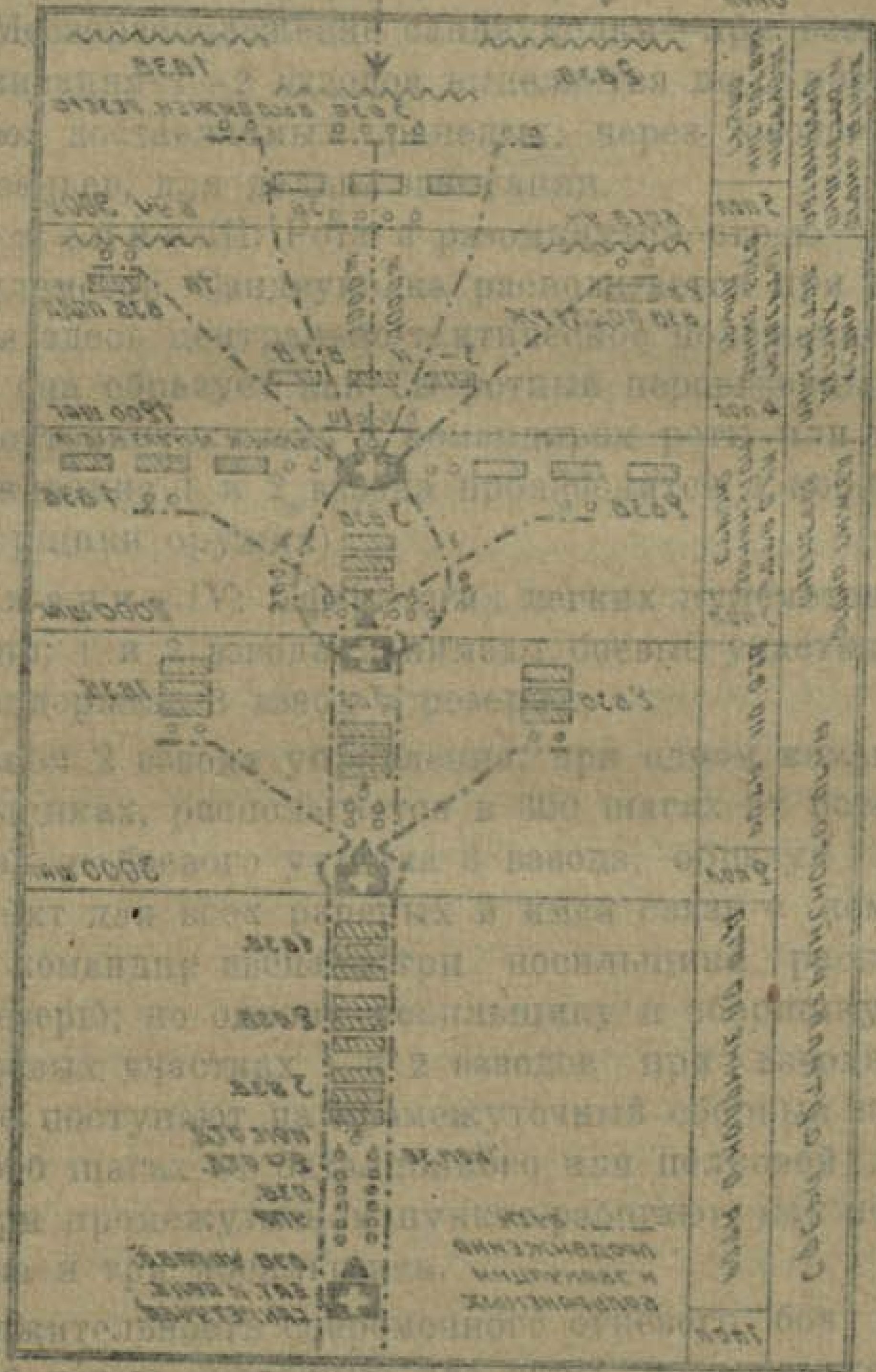
Отделько м 2 взвода управления, при одном командире звена и трех носильщиках, располагается в 300 шагах от ротного резерва и в 1000 шагах от боевого участка 3 взвода, образуя промежуточный сборный пункт для всех раненых и имея связь с комвзвода и комроты. Один командир звена и три носильщика располагаются при 3 взводе (резерв); по одному носильщику и сборщику оружия находятся на боевых участках 1 и 2 взводов при взводной поддержке. Все раненые поступают на промежуточный сборный пункт, расположенный в 500 шагах от баталионного или полковой летучки (сандвуколка); при промежуточном пункте работают, как носильщики—командир звена и три носильщика.

Продолжительность современного огневого боя возможно принять за 6—8 часов; указанные две пары носильщиков, проделав 8 рейсов, сделают 8000 шагов или 16 верст, полагая скорость их движения по 4 версты, они затрачивают для этого 4 часа; два часа им предоставляется на погрузку раненых, отдых в пути и непредвиденные задержки; при таких условиях они вынесут 16 человек тяжелобольраненых. Таким образом, через 6 часов больраненые будут в

*) В сфере огня тяжелых пулеметов рота переходит в строй по звеньям. Прим. редакции.

СХЕМА ЭВАК. РАНЕНЫХ В ОГНЕВОЙ РОТЕ.
НЕПРИЯТЕЛЬ
АТАКА С РУЧНЫМИ ГРАНАТАМИ И ШТЫК.
200 ШАГ.
6 пол.
2 взв.
1 взв.
3 взв. выдвижен. резерв.
5 пол.
боев. уч.
в. уч. 900 ш.
2 в взв поддерж.
1 в взв. подд.
1000 ш
1000 ш
3 - и в. 3 в.
4 пол.
1200 шаг.
2 взв.
1 взв.
3 взв.
500
500
3 пол.
2000 шаг.
2 взв.
1 взв.
2 пол.
3000 шаг.
1 взв.
2 взв.
3 взв.
ком. отд.
2 отд.
взв.
упр.
ком. зв.
взв. управл.
бат. и полк.
сан. летучки
пути продвижения и эвакуации больраненых
1 пол.
Огонь легких пулеметов и автоматов
Наступле- ние боевых групп
Огонь легких пулеметов
Развертывание боев. групп
Огонь тяжел. пулеметов
Рота в развернутом строю
Сфера артиллерийского огня
Рота по взв.
Рота в колонне по отд.

кадицей больраненых в роте и передает в сопровождающую сан-двуколку только тех, которые не могут следовать пешком. Все же больные и раненые могущие следовать пешком — должны обязательно регистрироваться у отделькома 2 взвода управления; на указанное обстоятельство следует обратить сугубое внимание, дабы: 1) активные бойцы не имели возможности самовольно покидать боевые участки, ссылаясь на болезнь; 2) дабы иметь учёт и предупреждение симулятивных [illegible] 3) дабы командир роты мог иметь точное сведение об убитых и потерях, для чего отделком 2 взвода управления [illegible] раненых или больных немедленно доносит ком[illegible]

Положение II. Сфера артиллерийского огня. Построение роты повзводно. [illegible] взводе управления. Для обслуживания [illegible] 2 взводов выделяется [illegible] носильщика, которые пересылают [illegible] раненых, через [illegible] соответствующих командиров [illegible]

Положение III. Рота в расчленённом [illegible] Сфера огня ружейных пулеметов [illegible] располагается во взводе управления, [illegible] и вперед не полагаясь [illegible] образует [illegible] перевязочный пункт, поддерживая [illegible] роты или взвода управления, обслуживающ[illegible] 1 и 2 [illegible] носильщикам (два из них — [illegible] оружия).

Положение IV. [illegible] легких [illegible] развёртывание боевых групп 1 и 2 [illegible] боевых участках, с выделением взводной [illegible] в [illegible] резерв.

Отделком 2 взвода управления при [illegible] явка в трех носильщиках, располагается в 300 шагах от [illegible] резерва и в 1500 шагах [illegible] 3 взвода, образуя промежуточный сборный пункт для всех раненых и имея связь с комвзвода и комротой. Один командир звена и три носильщика располагаются при 3 взводе (резерв); по одному носильщику и [illegible] оружия находятся на боевых участках [illegible] 2 взводов при [illegible] подразделе[illegible]. Все раненые поступают на промежуточный сборный пункт, расположенный в 500 шагах [illegible] или полковой летучки (сани[illegible] при промежуточном пункте [illegible] носильщики — командир звена и [illegible]

Продолжительность [illegible] боя возможно принять за 6—8 часов; [illegible] носильщиков, проделав 8 рейсов, сделают 8000 шагов или 16 верст, полагая скорость их движения по 4 версты, они затрачивают для этого 4 часа; два часа им предоставляется на погрузку раненых, отдых в пути и непредвиденные задержки, при таких условиях они вынесут 16 человек тяжелобольраненых. Таким образом, через 8 часов больраненые будут в

*) В сфере огня тяжелых пулеметов рота переходит в строй по звеньям. Прим. редакции.

батлетучке, откуда должны быть направлены для дальнейшей эвакуации.

Положение V: Сфера огня легких пулеметов и автоматов. Фаза—наступления боевых групп. В раесстоянии 400—600 шагов от неприятеля и в 1000 шагах от промеж. сборного пункта работают, как носильщики: один командир звена, пять носильщиков и два сборщика оружия, т. е. 4 пары носильщиков; сделав 4 рейса в промежуточный сборный пункт, они проделают 8000 шагов или 16 вер. и вынесут за это время 16 человек тяжело-больраненых, которые поступают для дальнейшей эвакуации. Указанные носильщики должны умело пользоваться всеми складками местности и укрытиями, должны быть физически ловкими, рассудительными, дабы не подвергать себя излишней и бессмысленной опасности. Унося раненых, они вместе с ними несут и их оружие, а при возвращении могут переносить и патроны, последнее обстоятельство, однако, должно быть координировано с принципами Женевской Конвенции, т. к. международная конвенция Красного Креста признана С. Н. К. (Изв. Наркомвоен. № 31 от 1918 г.); кроме того, использование носильщиков, как подносчиков патрон, вызовет излишний расход энергии и замедлит скорость их передвижения.

Положение VI: Атака, сфера действия ручными гранатами и штыками. Тяжело раненые, из зоны отстоящей на 400—600 шагов от неприятеля, не могут подбираться носильщиками и судьба их решается исходом атаки, все же могущие следовать пешком или ползком, подвигаются в направлении промежуточного пункта или возможной встречи с носильщиками, работающими в пространстве далее 400—600 шагов от неприятеля. Таким образом, суточная эвакуационная мощность (без форсировки) лечебно-санитарного аппарата роты для тяжело больраненых выражается в 16 человек, численный же состав роты (прик. Главкома от 25 окт. 22 г. № 28) 222 человека, отсюда, однако, для расчета потерь возможно исключить I и III отделения взвода управления (32 чел., считая комвзвода и газового инструктора), т. к. последние не могут иметь таких же потерь, как I, II и III боевые взводы, т. е. можно расчет потерь производить на 190 человек. Так как, предположительно допускается, что в ближайшем к линии боя районе 50% раненых будут в состоянии итти пешком, из 50% перевозимых,—половина (25%) будут перевозиться сидя, а половина—лежа (25%), то делая отсюда расчеты из наших данных (16) мы получим следующие потери для взятой схематизированной поступательной операции: 16 тяж. раненых—16 раненых, могущих следовать пешком—т. е. всего 32 человека, без потерь убитыми: потерю же убитыми допустимо определить числом 20, принимая во внимание губительность и меткость огня (оптические прицелы, лучшие стрелки на автоматах); следовательно, общие потери данного наступательного боя выразятся цифрою в 52 человека. Тяжело раненые будут эвакуированы, могущие следовать пешком—подвинутся самостоятельно, убитые останутся на поле сражения.

Как было выше сказано, все раненые могущие следовать пешком, должны проходить через промежуточный перевязочный пункт, где они регистрируются у отделькома 2 и получают дополнительную помощь. Первую повязку раненые накладывают сами себе (конечно, кто в силах) индивидуальными пакетами, которыми в роте должны быть снабжены все, следовательно от каждого бойца должно требоваться уменье пользоваться индивидуальными пакетами, а от санитарной части полка—строгий контроль за наличием индивидуальных пакетов у бойцов и обучение пользованию ими.

Тяжело раненые, находящиеся в сфере действительного и губительного огня, и не могущие следовать пешком или ползком, должны оставаться на месте ранения, до изменения фазы боя в более благоприятную. Самоотверженность носильщиков в данном случае, вывела бы последних из строя, и таким образом подломила бы организованность эвакуационного аппарата. Первый же удобный момент (затишье, наступление ночной темноты) носильщики должны своевременно использовать, что зависит от ловкости, сообразительности и рассудительности командира звена, а также и носильщиков. На обязанность второго отделения взвода управления необходимо также возложить уборку трупов по окончании удачного наступательного боя.

Затем следует заметить что через санлетучки должно происходить питание перевязочными средствами и медикаментами, а также и людьми, на случай выбытия из строя лиц второго отделения взвода управления. Как санлетучки, так и сборный, промежуточный пункт, должны быть тщательно маскированы.

При ведении оборонительного боя существенных перемен в эвакуации больраненых не произойдет и таковая будет происходить обычным типовым порядком. Однако, при отступлении—картина может резко измениться, т. к. большая часть тяжело раненых 6 и 5 зон остается в руках неприятеля, каковому и надлежит озаботиться оказанием надлежащей помощи и эвакуации, эвакуация же остальных раненых пойдет тем же порядком, что и при наступлении, но с видоизменениями, применительно к обратному движению.

На основании вышеизложенного и в целях дальнейшего изучения вопроса об эвакуации раненых в огневой роте, допустимо сделать нижеследующие заключения:

1. Санитарным частям полков надлежит принять надлежащие меры к ознакомлению комсостава и кр-цев с применением индивидуальных пакетов и их значением, особое внимание уделив огневым ротам.

2. Санитарным частям полков надлежит приступить к подготовке командира второго отделения взвода управления, имея в виду, что он (лекпом) должен быть человеком вполне сведующим в оказании первой помощи и организации эвакуации; поэтому на отделении необходимо иметь школьного лекпома, знакомого со строевой службой и тактикой действия роты, он должен быть снабжен фельдшерской сумкой, со всеми необходимыми медикаментами, учитывая воз-

можность оказания помощи газоотравленным (амп. морфиума с атропином).

3. Санитарным частям полков обратить должное внимание на обучение командиров звеньев и носильщиков, которые, кроме специального, технического знания приемов переноски, должны обладать дисциплинированной ритмичностью движений, в целях достижения безболезненной переноски раненых; также производить с ними гимнастические занятия, сопряженные с преодолением различных препятствий и упражнениями, в целях приспособления к условиям местности. Носильщики безусловно должны быть людьми крепкими телосложением, здоровыми и сообразительными.

4. Во время боевых действий необходимо при роте иметь санлетучку, выделенную из полкового переотряда, ввиду того, что на огневую роту передается значение баталиона.

5. Существующие санитарные линейки, в целях маскировки, должны укрываться летом брезентами зеленого цвета, а зимою—белого.

В. Микулин.

Пеший бой конницы в эпоху огневых рот.

Какие выводы должна сделать для себя конница из факта оффициального признания новых течений в методике ведения пехотой стрелкового боя?

Или, быть может, конники и не должны вовсе задумываться над этим явлением, а могут игнорировать его с тем великолепным презрением, которое в глазах многих „природных рубак“ является еще и по сию пору признаком хорошего профессионального тона в тех случаях, когда речь заходит о действиях конницы иначе, как на коне?

Необходимость руководящего ответа на эти вопросы несомненно назрела, в интересах проведения при обучении единой твердой линии, чуждой персональных уклонов отдельных начальников, в зависимости от принадлежности их к той или иной идейной группировке.

К текущему летнему периоду с этим делом, конечно, запоздали. Но все же лучше поздно, чем никогда, почему мы и попытаемся, в ожидании оффициального разрешения вопроса, вынести хотя дискуссию по нему на страницы печати.

Сущность дела сводится конкретно к следующему: что именно из новшеств нашего времени должно быть позаимствовано конницей у пехоты, почему именно, и каковы будут практические формы применения заимствованного в обстановке боевой работы конницы, как таковой.

Какая-либо иная формулировка кажется нам невозможной, хотя бы уже по одному тому, что пехота перешла к новым методам не зря, а была *вынуждена* к этому действительностью средств поражения в наши дни—с одной стороны, и обилием их и сложностью использо-

вания их и управления ими—с другой. Поскольку же и то, и другое в данный частный момент—величины вполне определенные, постольку с ними приходится одинаково считаться *всем*, решившим или вынужденным добиваться решения своей задачи огнем.

Таким образом, очевидно, как будто, что и коннице не избежать позаимствовать что то от новых огневых теорий, хотя бы это и привело к тому, что от нее „запахнет" пехотой.

Уместно вспомнить, что последнее никогда не ставилось в упрек спешенной коннице, скорее наоборот. Так, в любом из общеизвестных учебников тактики можно найти фразу о том, что от действий хорошей конницы в огневом бою не должно „пахнуть" конницей, т. е. должно, очевидно, пахнуть пехотой, поскольку только эти рода войск и призваны вести пеший бой.

Эта образная формулировка, принадлежащая известному в свое время профессору генералу Михневичу, не исчерпывает, конечно, ряда практических подробностей, связанных с ведением конницей пешего боя. Но она дает зато исчерпывающее определение той активности и упорства, которые ожидаются от спешенной конницы; поскольку же самая возможность проявления того и другого зависит от методов ведения боя, постольку становится очевидной и необходимость какой то общности этих методов у конницы с пехотой, как главной носительницей идеи активности и упорства в огневом бою.

Однако, эта точка зрения может оспариваться во имя оригинальности действий спешенной конницы и *принципиального* стремления отгородить ее от всякого „пехотного" влияния.

Не разбираясь отвлеченно в серьезности такой постановки вопроса, проследим на одном из примеров ее, к чему она приводит.

Пример этот дает нам совсем еще свежий (этого года) труд Б. Верховского „Пеший бой конницы в современных условиях".

Решительно отмежевываясь от старого и беря за основу то, несомненно дискуссионное, положение, что пеший бой конницы есть лишь средство для подготовки конной атаки, а не решение боя—автор решительно утверждает, что „от действий конницы ни в пешем, ни в комбинированном бою не должно пахнуть пехотой", и рекомендует коннице „вести пеший бой своими методами, вытекающими из основных свойств кавалерии, как рода войск, в общих условиях ее боевой работы".

Конкретное понимание автором сущности этих „своих" методов находит свое отражение в его проэкте построений и действий эскадрона, вооруженного автоматами.

Мы воздержимся от критики, как этого проэта, так и всего труда Б. Верховского в целом, и ограничимся ссылкой на более авторитетную рецензию Б. Шапошникова в 12 № „Военного Вестника", что не представит затруднений, ввиду распространенности этого журнала. Под этой рецензией остается лишь расписаться.

От себя скажем лишь, что не приходится особенно удивляться тому повороту на 180°, который изобразил в своих исканиях Б. Вер-

ховский, возвращаясь, незаметно быть может для самого себя, к стрелковым цепям далекого прошлого. Это—естественный результат стремления прежде всего обособиться, и поскольку выбор методов стрелкового боя ограничен всего двумя формами его ведения—действия группами и действия цепями — постольку логическим последствием уклонения от современного пехотного „запаха“ мог быть только возврат к цепям, хотя и затушеванный не только в изложении автора, но, надо полагать, и в его собственном понимании вопроса.

Иначе трудно понять, как можно было рискнуть выступать с попыткой новшества, не прикинув ее предварительно ко всем возможным случаям, в том числе и к весьма заурядному случаю боя спешенной конницы с пехотой, в освещении которого „поворот“ Б. Верховского и несостоятельность его проэкта становятся особенно очевидными, как это отмечает и Б. Шапошников.

Исключая эту маленькую деталь, автор последователен до конца и встретит, надо полагать, полное сочувствие „природных“ кавалеристов, разделяющих с автором его нетерпимость ко всему пехотному, начиная с запаха и кончая практическими приемами работы, хотя бы и выработанными боевым опытом.

Таким образом клубок, в который сплетаются в наши дни идейные взаимоотношения действий пехоты и спешенной конницы, оказывается довольно таки запутанным, что, за отсутствием пока руководящих указаний сверху, может крайне неблагоприятно отразиться на обучении конницы пешему бою, в чем нельзя не видеть весьма серьезной опасности.

Попытаемся расплести этот клубок в порядке совершенно об‘ективного анализа имеющихся формальных данных.

Начнем с пехоты.

В чем, в сущности, квинтэссенция учения об огневой роте нашего времени?

Беря за основу инструкцию, приложенную к приказу Главкома № 28, можно проследить следующие основные положения: (*

1. Решительный и подчеркнутый отказ от линейности расположения и продвижения.

2. Действия группами, расположенными на фронте значительной ширины, но в условиях взаимной связи.

3. Значительное, по сравнению с прежним, эшелонирование боевого порядка в глубину.

4. Абсолютное использование местности.

5. Богатство и разнообразие вооружения, влекущее за собой об‘единение тактического управления и управления огнем в одном приеме управления различно вооруженными группами.

6. Особая организация, соответствующая удобству применения этого приема.

---

*) Автором упущено из виду, что в настоящее время инструкция, приложенная к приказу Главкома № 28, заменена руководством „Бой пехоты“. *Прим. ред.*

Этими несколькими пунктами сущность понятия об огневой роте расшифровывается в мере, достаточной для наших целей.

Посмотрим теперь, в каком соотношении находятся ко всему этому те положения о действиях спешенной конницы, которые известны из действующих уставов и т. п. оффициальных изданий.

Обращаясь к последним, мы найдем в III-ей главе, III-ей части („Бой“) Стр. Кав. Устава РККА 1920 года статью 62, целиком посвященную интересующему нас вопросу, почему и приводим ее дословно:

„62. *) Действия конницы в спешенном порядке отличаются от способов ведения боя пехотою.

Сравнительно слабая численность конницы и ограниченность огнестрельных припасов не позволяют ей вести продолжительного боя. Поэтому, спешенная конница должна стремиться атаковать внезапно, *с небольших дистанций*, а при обороне, за исключением особых случаев, остановить противника издалека, вводя в дело сразу, на фронте большого протяжения, все силы и средства поражения, которыми она обладает.

Спешенная конница может занимать *позиции шире пехоты, расположение ее будет зачастую прерывчатое*—**группами**; эшелонирование в глубину (частные поддержки, пеший резерв) будет применяться в редких случаях, преимущественно в наступательном бою.

Пользуясь подвижностью, конница способна применять широко охватывающее действие, а при обороне, прекратив бой на известных дистанциях от противника, быстро перебрасывать части в другие места и в иных направлениях и возобновлять бой“.

При этом не следует забывать, что устав этот, хотя и издан в 1920 г., но представляет из себя, в сущности, ничто иное, как переиздание такого же устава старой армии 1912 года; таким образом принципиальные положения приведенной статьи и некоторых других**) имеют уже сравнительную почтенную давность.

Рассмотрим эти положения под углом зрения тех упомянутых 6-ти пунктов, которые определяют сущность понятия о действиях огневой роты.

1. *Линейность*. Открытой проповеди ее мы не встречаем, скорее наоборот, если учесть некоторые указания ст. ст. 351 и 365 II-ой части Устава.

Однако, С. Каменев в своей статье „Огневая рота“ пишет, что „к сожалению, никакие раз‘яснения, требования и проч. не могли уничтожить линейность, порожденную стрелковыми цепями“—очевидно, что и упомянутые указания не смогли этому способствовать.

Это становится, впрочем, вполне понятным, если вспомнить, что при продвижении боевого порядка эскадрона (также, как и роты) требовалось в те времена „назначение направляющего взвода“ (ст. 370) и „сообразование прочими взводами своих действий с направляющим“,

*) Курсив наш.

**) Определяющих приемы управления частями боевого порядка и их огнем.

который должен был „сохранять данное ему направление" (ст. 389). При такой геометрической организации движения боевого порядка оно не могло не вылиться, в конечном итоге, в подравнивание цепей всех взводов по цепи направляющего взвода, т. е. в самую ярко выраженную линейность боевого порядка всего эскадрона; совершенно ясно, что никакими раз'яснениями здесь горю помочь нельзя было.

Следовательно, в этом смысле, указания устава ныне неприемлемы, ибо признание вреда линейности в огневом бою, хотя и не проникло еще, к сожалению, в кавалерийский устав, но распространяется, как мы уже указывали вначале, не только на пехоту, но и на конницу, которой предстоит таким образом обсудить форму перехода к групповым действиям, по образцу пехоты (либо искать „своих" методов действий, возвращаясь, по стопам Б. Верховского, к тем же цепям).

2. *Группы.* Оказывается, что необходимость широко пользоваться *группами* при действиях спешенной конницы прямо подчеркнута ст. 62 III-ей части устава.

Правда, группы, подразумеваемые уставом, предполагались им несомненно большими, нежели теперешние группки—звенья из 7—8 человек; надо думать, что имелись ввиду *взводные* группы, поскольку ведение огня допускалось принципиально только *взводами* (ст. 372), а сам огонь был исключительно винтовочным и не знал разновидностей, вызывающих необходимость дальнейшего организационного дробления.

Но принципиальная сущность дела от этого не меняется, и как ни парадоксально, пусть даже нелепо, *но огневая группа была известна в коннице еще тогда, когда пехота о ней и не помышляла.*

Поскольку же от добра—добра не ищут, постольку нужно, бросив поиски „новых методов", сделать еще один шаг, чтобы придать своим старым методам современный лоск—остается выявить, в соответствии с современным вооружением конницы, и группки—звенья с той долей самостоятельности, которая вытекает из их роли в обстановке современного огневого боя.

Вообще же, всем искателям—новаторам не мешает почаще вспоминать о том, что новым оказывается иногда и хорошо забытое старое.

3. *Глубина боевого порядка.* Здесь указания устава резко расходятся с указаниями инструкции к приказу № 28, подчеркивающей необходимость и значение этого эшелонирования во *всех* случаях боевой деятельности пехоты в то время, как 62 ст. Стр. Кав. Устава указывает на редкость случаев такого эшелонирования, главным образом—при наступлении, и на полное отсутствие его при обороне спешенной конницы. Однако, это расхождение легко согласовывается, если вспомнить, что оно обусловлено как раз теми „основными свойствами кавалерии, как рода войск", в силу которых широкие наступательные действия спешенной конницы будут скорее редким явлением, тогда как в пехоте типичным окажется именно этот образ действий.

Таким образом указания устава, не взирая на их давность, не теряют своего значения и на фоне инструкции о действиях огневой роты, и сохранят это значение, очевидно, до тех пор, пока конница будет конницей, а не ездящей пехотой.

Отсутствие же глубины расположения спешенной конницы при обороне определяется способностью конницы „прекратив бой на известных дистанциях от противника, быстро перебрасывать части в другие места и в иных направлениях и возобновлять бой“ (ст. 62).

Эта способность также останется на все время существования конницы характерной для последней; в общем же и целом, согласование по этому пункту достигается полное на основе оценки тактических особенностей обоих родов войск.

4. *Применение к местности.* С выявлением звеньевых групп применение к местности частей боевого порядка спешенной конницы будет такое же, как и в современной пехоте; сейчас оно хуже, поскольку взводные группы слишком велики для полного использования местности.

Таким образом необходимость самоопределения звена подчеркивается еще раз в новой плоскости.

5. *Богатство и разнообразие вооружения:* Огневая рота имеет 7 видов оружия огневого боя (тяжелый пулемет, легкий пулемет, ружье-автомат, винтовку, гранатомет, ручную гранату и револьвер).

Современная конница располагает в настоящее время пятью из этих разновидностей (тяжелый пулемет, легкий пулемет, винтовка, ручная граната и револьвер) и ожидает вооружения 6-ой—автоматической винтовкой.

Таким образом разница лишь в гранатометах, мало или вовсе не нужных в коннице, ввиду редкости для нее тех чисто фронтальных затяжных действий в пешем строю, где эти гранатометы нашли бы себе применение.

В недалеком же прошлом конница имела лишь винтовку (и револьвер), а случаи придачи эскадрону тяжелых пулеметов были настолько редки, что даже устав упоминает об этой возможности условно (ст. 371—„*если* при эскадроне находятся пулеметы и т. д.“).

В наши дни придача этих пулеметов спешенному эскадрону будет правилом; легкие же пулеметы уже имеются по штату, в количестве 4-х на эскадрон (по 1 на каждый взвод); предусмотрено и снабжение ручными гранатами. Следовательно, совершенно ясно, что использование всего этого арсенала, почти столь же разнообразного в коннице, как и в пехоте, мыслимо для конницы лишь „по пехотному“, ибо как либо иначе оно вообще невозможно.

Это означает практически, что управление огнем так, как это понимает Стр. Кав. Устав (ст.ст. 372—386—подача команд, указание точек прицеливания и т. п.), переходит от командира взвода всецело к начальнику звена, получающему и значительную долю инициативы этих действий. Командиру же взвода придется уже управлять огнем так, как это делает командир взвода в пехоте, т. е. руководить

тактическими действиями звеньев (в пехоте—отделений) с различным вооружением.

Что касается командира эскадрона, то перечисление его обязанностей по ст. 387 *) сохраняет свою силу и ныне, с той лишь разницей, что вместо указания направляющего взвода (ст. 376 и 389), командиру эскадрона придется при наступлении делать то же, что и командиру роты—по указанию взводам тех участков, которые они должны занять на первой огневой линии, дать каждому из них направление на определенный участок расположения противника и регулировать дальнейшее продвижение боевого порядка, последовательно намечая ряд местных предметов, которые должны постепенно заниматься огневыми группами, т. е. намечать для последних ряд точек, к которым они должны передвинуться или полосы наступления.

Короче говоря, управление всеми своими средствами огневого поражения современной коннице нужно *целиком* заимствовать у пехоты; отсюда неизбежно вытекает еще раз необходимость выявления звена.

Последнее, хотя и предусмотрено в кавалерии по расчету взвода, но имело до сего времени при действиях в пешем строю неопределенное значение; **) во всяком случае, устав прямо говорит (ст. 372), что стрельба ведется *взводами*, а огонь открывается лишь *по команде* к-ров взводов (ст. 374); в другом месте (ст. 351) указывается, что в рассыпном строю взвода звенья располагаются „рядом“.

Все это достаточно ясно подчеркивает, что звено не имело, как таковое, того *самостоятельного* значения, которое оно должно получить теперь в порядке слияния (*уже* в масштабе взвода) тактического управления и управления огнем.

Суммируем теперь все сказанное, прежде чем перейти к вопросу об организационных формах.

Мы полагаем возможным утверждать, что Стр. Кав. Устав значительно опередил дух своего времени и проводит современные идеи группового боя, но, правда, лишь в масштабе эскадрона (взводные группы). Принимая во внимание однообразие вооружения того времени, этого было уже достаточно, и на взводные группы дальнейшее углубление идеи группового боя таким образом не распространилось; звено в огневом бою осталось невыявленным, а приемы управления огнем взвода—прежними и отдельными от тактического управления ими.

Следовательно, указания Строевого Кавал. Устава являются весьма подходящей основой для восприятия современных течений, которые являются лишь развитием и уточнением того, что было давно известно в коннице, и обусловлены с одной стороны — действительностью средств поражения в наши дни (стремление к уменьшению потерь), а с другой—обилием и разнообразием их и необходимостью найти формы их всестороннего использования (управление огнем).

*) 387 (текст).

**) Единственно, где самостоятельное значение звена, как такового, оттенено уставом — это в указаниях о действии лавой.

И то и другое достигается расчленением боевого порядка до основных единиц—звеньев с одновременным присвоением последним *самостоятельного и вполне определенного значения, в зависимости от того, чем звено вооружено.*.

Проведя это расчленение, *конница, по своим приемам управления спешенными частями и их огнем, будет несомненно пахнуть пехотой*—и должна ею пахнуть.

По особенностям же тактического применения спешенных частей и по своей *организации она останется конницей* с присущим ей „букетом“ маневренности и подвижности.

С этой точки зрения вся глава VI II-й ч. Стр. Кав. Устава (определяющая *технику* действий спешенных частей) подлежит полной переработке, включая и порядок перехода эскадрона к спешенным действиям, т. к. выстраивание людей после спешивания непосредственно у первой огневой линии и последующая процедура расхождения едва ли целесообразна и необходима; казалось бы, что правильнее будет спешиваться всегда из линии колонн по три, разведенной на „шрапнельные“ интервалы между взводами (не менее 40 шагов) *) или еще шире, смотря по протяжению участка эскадрона на первой огневой линии.

Это позволит взводам *сразу же* выдвигаться на свои участки на первой огневой линии, указанные им командиром эскадрона еще раньше, во время движения к последней; одновременно будет механически достигнуто и рассредоточение коноводов, рекомендуемое ст. 68 III-й части Устава, и выигрыш времени.

Что же касается ст. 62 и, в частности, первых ее двух строчек, то они сохраняют и сохранят, конечно, полностью свое значение и впредь.

Авось хоть это удовлетворит сторонников Б. Верховского и его самого. В остальном остается все же непонятным, почему последний обобщает тактические и технические методы ведения огневого боя; поскольку первые не могут не быть „своими“ в коннице, как вытекающие „из основных свойств кавалерии, как рода войск“ (доказывать это—значит попросту ломиться в открытую дверь), постольку вторые не могут не быть едины, как определяемые исключительно эволюцией вооружения и силы огня, и поиски каких то особых „своих“ *технических* методов действий для спешенной конницы не имеют никаких оснований и не могут быть оправданы с чисто деловой точки зрения.

Обратимся теперь к необходимым организационным поправкам.

6. Организация. Последняя, естественно, должна соответствовать в коннице прежде всего условиям ведения *конного* боя—на этот счет

*) Интервалы между взводами должны быть около 100 метров, дабы дать возможность более широкого маневрирования взводов и безопасной поддержки движения одного взвода косоприцельным огнем другого и огнем тяжелых пулеметов из глубины. Интервалы же между звеньями—„шрапнельные“—*Прим. редакции.*

двух мнений быть не может, и французские воззрения на этот вопрос, конечно, абсолютно неприемлемы, какие бы широкие огневые перспективы они ни открывали. Считается, что существующая у нас организация конницы, в указанном смысле, удовлетворительна. Остается, следовательно, посмотреть, как она должна быть использована (отнюдь не исковеркана) для необходимого выявления звена при действиях в спешенном порядке. Всякая погоня за непосредственным копированием пехотной организации будет при этом не уместна и только вредна, так как здесь должен быть заимствован лишь принцип, как таковой.

Это достигается весьма просто, без какой-либо ломки существующей организации и даже расчета взвода.

Достаточно лишь поставить легкий пулемет в своем специальном вьюке-кабуре и обслуживающих его людей на правом фланге 1-го звена*) каждого взвода в задней шеренге, сделав расчет так, чтобы вся прислуга пулемета (2 наводчика, 1 наблюдатель и 2 подносчика патронов) стояла бы 1 и 3 №№ (пулеметный начальник—командир звена).

Тогда спешенный взвод даст огневую группу из двух звеньев, из коих первое—пулеметное, а второе—стрелковое, на вооружение коего, по мере выдачи его в части конницы, поступит и ружье-автомат (за счет 2-х стрелков**).

Ручные гранаты, если они будут, раздаются каждому стрелку, вооруженному винтовкой.

Спешенный эскадрон даст четыре таких огневых группы с придачей им двух—четырех тяжелых пулеметов за счет пулеметного эскадрона полка и сможет занять (при наступлении) по фронту шагов 200—275, из расчета разведения 3-х групп на интервалы до 140 шагов (протяжение по фронту шрапнельной *очереди 4-х орудийной батареи*), при одной группе в поддержке, примерно шагах в 250 сзади.

Возможность такого рассредоточения определяется более широкими возможностями, имеющимися у командира эскадрона в смысле управления (см. ниже) сравнительно с к-ром пехотного взвода из 4-х отделений таковой же структуры (например, польский взвод из 4-х двухзвеньевых „дружин“ (отделений). Таким образом интервалы между отделениями в пехотном взводе всегда будут меньшими, чем в спешенном эскадроне между взводами при предлагаемой нами организации, хотя эти взводы, по существу дела—те же отделения.

Желательность же такого рассредоточения—очевидна и подсказывается, помимо соображений об уменьшении потерь еще и тем, что

*) Звено предусмотрено при расчете конного взвода (ст. 76 ч. III Ст. Кав. Уст.).

**) При ком. взвода—его помощник и один посыльный (от 2-го звена); в спешенных звеньях: в первом—начзвена 1, наводчиков 2, наблюд. пулеметный—1 и стрелков 6, из них 2 подносчика патрон; легкий пулемет 1, винтовок 8. Во втором—начзвена 1, стрел. 8, винтовок 9 (по мере выдачи автоматов—начзвена 1, автоматчик 1, стрелков 7, из них 1 подносчик патрон: автомат один, винтовок восемь)

эти интервалы будут крайне полезны для использования огня тяжелых пулеметов, притом в количестве от 2-х до 4-х, из чего следует, что более узкие промежутки, при невозможности стрельбы через головы своих, сильно ограничили бы употребление этих пулеметов.

В пехоте же, при существующей у нас организации ее, интервалы между отделениями во взводах едва ли смогут быть когда-либо больше 100 шагов и будут практически даже меньше (считая взвод действующим, согласно инструкции, на фронте до 200 шагов)*.

Сравнивая предложенную организацию с принятой у нас в пехоте, нельзя не признать, что она особенно выгодно отличается от последней—*полной огневой самостоятельностью боевых групп* (легкий пулемет и стрелки в каждой), чего нельзя сказать про наше пехотное отделение**) с его одинаковыми 2-мя звеньями. Огневая группа спешенного эскадрона очень похожа при этом на огневую группу (отделение) французского пехотного взвода (2 звена—пулеметное и „вольтижерское"—стрелковое) с той лишь разницей, что там звенья меньшей численности (звено—6 человек с к-ром звена). Таким образом и насыщение пулеметами, сравнительно с числом стрелков, не является чрезмерным, как не доходящее до предела, выработанного французским опытом, наиболее, пожалуй, авторитетным в данном вопросе.

В общем и целом, конница, *ничего не теряя от своей подвижности и способности к бою на коне и ничем не нарушая свою организацию*, оказывается в состоянии легко перейти к современным способам ведения огневого боя, который может быть веден ею *с успехом не только против спешенной конницы противника, но и против его пехоты*, что совершенно необходимо, как обеспечение возможности самостоятельной оперативной работы конницы.

Действительно, в пределах известного соотношения сил, каковым (в условиях чисто пешего боя) надо считать эскадрон конницы на взвод пехоты, полк конницы—на огневую роту, все преимущества явно на стороне конницы. Последняя располагает в пределах этого соотношения значительным превосходством в тяжелых пулеметах и несколько меньшим, но все же весьма ощутимым—в легких пулеметах и винтовках. Кроме того, патронные рессурсы (число патронных двуколок) в пределах этого же соотношения—опять таки в пользу конницы.

Наконец, большая рассредоточенность частей боевого порядка конницы (см. выше) уменьшает вероятность потерь и создает возможность охвата противника.

*) Хотя в инструкции к приказу № 28 и не указано точно, какое именно из подразделений огневой роты считается основной огневой *группой*, но надо полагать, что имеется в виду отделение.

**) В пехоте широкие интервалы между отделениями во взводе мало приемлемы, так как они суживают на ротном участке интервал между взводами, имеющий громадное значение для огня из глубины боевого порядка со стороны взводных поддержек и ротного резерва. *Примеч. редакции.*

Таким образом, об'ективно судя, выгоды на стороне конницы, причем они еще умножаются возможностью использовать и действия на коне, в порядке ведения комбинированного боя.

С точки зрения всего изложенного, прорыв полком конницы сторожевого охранения противника или действия разведывательного эскадрона против отдельной пехотной заставы или партии пеших разведчиков должны рассматриваться как предприятия вполне выполнимые. Даже устойчивость отдельного раз'езда силою во взвод—и та значительно повышается, благодаря законченности этого взвода, как огневой *единицы* и способности его к *самостоятельному* решению соответствующих его силе огневых задач, характерных для разведывательной службы.

Остается коснуться еще вкратце вопроса об аппарате управления.

В пехоте он оформлен созданием особого взвода управления. Это для конницы неприемлемо уже постольку, поскольку в этом нет надобности.

Действительно, самое большое отделение взвода управления в пехоте—первое, боевое, из 20 человек (пешие разведчики, наблюдатели и сигналисты). Припомним, что рота по инструкции может занимать фронт 300—400 шагов, взвод—200 шагов. Таким образом протяжение фронта спешенного эскадрона будет приближаться к протяжению фронта пехотного взвода, командир же взвода в пехоте управляется на этом фронте при помощи 1 наблюдателя и 2 посыльных, имея 3 подразделения (отделения). Командир спешенного эскадрона будет иметь этих подразделений 4 (взводы), причем каждое из них будет не больше пехотного отделения и, можно думать, что, в случае придачи ему 2 наблюдателей и 3—4 посыльных, он управится вполне.

Что касается пеших разведчиков, то они вовсе не нужны, во первых потому, что конница сближение, вплоть до первой огневой линии, будет проделывать обычно в конном строю, в линии колонн по три, предшествуемая дозорами и боевыми раз'ездами, почему пешие разведчики ей в это время нужны не будут. При необходимости же в высылке пешей разведки с 1-й огневой линии или, вообще, при каких бы то ни было обстоятельствах, это всегда может быть сделано через посредство высылки в нужном количестве эскадронных разведчиков, имеющих специальную подготовку и положенных в каждом эскадроне в более, чем достаточном числе (24 чел., уравненные во взводах).

Следовательно, в распоряжение к-ра эскадрона необходимо дать всего 2 наблюдателей—специалистов и 3—4 связных (посыльных)—и вопрос об аппарате управления будет исчерпан; при этом проделывать это за счет взводов нежелательно, во первых, в силу их малочисленности, во вторых—в силу необходимости некоторой специализации указанных лиц, каковому условию бойцы из эскадрона удовлетворить не могут.

Проще всего создать на левом фланге эскадрона одно трехрядное отделение вне общего расчета, причем спешивалось бы оно всегда

по принципу усиленного спешивания, давая таким образом 5 человек (2 набл. и коновод—в передней шеренге, 3 посыльных—в задней шеренге).

Штатный трубач при спешивании исполнял бы обязанности 4-го посыльного—и вопрос был бы исчерпан.

На походе это отделение шло бы в замке эскадрона, а при развертывании для действий в конном строю—оно пристраивалось бы на левый фланг 4 взвода, усиливая число его конных рядов. В лаве это отделение усиливало бы маяк, где несло бы службу по своей специальности (наблюдение и передача приказаний). Что касается лиц, входящих в пехоте в состав 2 и 3 отделения взвода управления, то необходимости их организационного об'единения в коннице, на наш взгляд, нет никакой—в порядке спешивания они механически окажутся в тылу расположения эскадрона, где и будут нести свои специальные обязанности.

Единственно, что было бы, пожалуй, полезно—это ввести в штат эскадрона оружейного каптенармуса, как починщика мелких поломок легкого пулемета, снаряжателя обойм к ним и вообще лица, присутствие которого было бы только полезно.

Наконец последнее—питание огнеприпасами.

Вопрос этот надо признать не разрешенным даже в пехоте, где фигурирует одна патронная двуколка на роту; практические детали техники питания вообще обойдены в инструкции к пр. № 28 и вызовут несомненно ряд затруднений, способы устранения коих и служат сейчас предметом усиленных исканий в печати. (*

Конница будет в лучшем положении, ибо эскадрон, располагая той же патронной двуколкой, будет иметь меньше винтовок и легких пулеметов, не будет иметь гранатометов—вообще нагрузка патронной двуколки, как источника питания, будет меньшая.

Из этого не следует, однако, что этой двуколки хватит на удовлетворение потребностей эскадрона.

Следует вспомнить, что двуколка того же типа существовала при эскадронах тогда, когда о легком пулемете и понятия не имели.

Это одно уже говорит за то, что удовлетворительно обслужить тот же эскадрон, с придачей ему 4-х легких пулеметов, двуколка уже не сможет.

Выход из положения труден, так-как, помимо всего, нужно еще озаботиться и тем еще, чтобы то или иное решение не привело к обеспеченности эскадрона огнеприпасами, за счет утраты им его подвижности и маневренной гибкости.

Решение, повидимому, впереди; поскольку оно должно быть найдено—оно найдено и будет.—Во всяком случае, этот вопрос относится к разряду чисто организационных и является лишь производной от рассмотренных нами принципиальных положений.—Поэтому мы не

---

*) По руководству „Бой пехоты“ в каждой роте имеется не одна, а три патронных двуколки и организация питания патронами переработана заново. *Прим. ред.*

касаемся его здесь подробнее, намереваясь осветить его особо в одном из ближайших номеров журнала.

На этом мы и закончим предпринятое нами исследование.

Нам кажется, что если оно и не исчерпывает всего затронутого вопроса, то намечает, во всяком случае, те пути, идя по которым конница легко и безболезненно выравняется по современному уровню в деле своего обучения в спешенном порядке.

Что касается „запаха", который будет от нее при этом исходить, то эта деталь может иметь значение разве что для впечатлительной восприимчивости отдельных „природных" кавалеристов, воспитанных на понятиях, к счастью, уже отжившего прошлого.

Н. Пуц.

Принципы связи.*)

Введение. В области службы связи или, вернее, ее организации понятия о принципе, правиле, порядке смешались настолько, что нет никакой возможности точно установить, что же наконец подразумевается под этими понятиями. Относятся ли они к сущности организации связи, или к техническим правилам использования сил и средств связи, или же к области управления войск во время операций и сражений. Кроме того, все рекомендуемые, и якобы установившиеся, принципы построены только на исторических, мало достоверных фактах из области службы связи эпохи гражданской войны 1917—18 г., т. е. времени, когда служба связи базировалась исключительно на постоянных проводах, не эксплоатируя мелких войсковых средств связи. Несмотря на явную несостоятельность, эти принципы и правила приняты службой связи без всяких комментарий и дискуссий, как основы чего то верного, ненарушимого. Базироваться на событиях гражданской войны лишь для того, чтобы искать в них ответа на те вопросы, которые должны послужить основой деятельности службы в период военных действий, крайне рисковано и не рационально. Только всестороннее изучение работы службы связи, действий сил и средств связи в событиях только что минувшей всемирной войны, может дать богатый материал для этой цели, могущий послужить базой построения твердых и определенно ясных основ на применение сил и средств связи во время марш-маневров войск,—которые неспособны

*) Вопросы организации связи в боевые периоды являются чрезвычайно важными. Им в нашей военной литературе уделяется мало внимания. Помещая данную статью, как дискуссионную, редакция считает нужным прибавить, что, по ее мнению, критика принципа „сверху вниз"—неосновательна и мало убедительна, тем более, что автор, резко нападая на этот принцип, сам в конце концов предлагает его же: (См. стр. 106): „каждый начальник должен стремиться к установлению связи с младшим начальником, при том это стремление должно быть обоюдным".

Редакция.

будут завести в область утопий и химер. Разве можно уверять, да и наврядли кто-нибудь станет оспаривать, что служба связи в эпоху гражданской войны протекала правильно и безотказно. Обычное непрохождение, бездействие в нужных моментах, отсутствие скорости устройства, неуверенность в доставке—делали службу связи мало применимой для целей управления, вследствие чего командование относилось всегда подозрительно, боясь доверить службе связи автономию в области обеспечения управления и передачи воли войскам. К такому отрицательному отношению командования еще присоединилось смешение понятий—управление и связь, под которым подразумевалась служба связи, как рассыльный при соответствующем штабе, что еще больше усугубило неясность и роли задач, которые должна преследовать служба связи на войне. Такое понятие даже не изжито до настоящего времени, по которому служба связи и управление войсками торжественны. Наконец, неподготовленность персонала, отсутствие технической подготовки (а если таковая была, то односторонняя), оторванность от области науки, не дало возможности широко развить и применить другие средства связи, помимо проволочного телеграфа. Радио-телеграф, оптический телеграф, голубиная почта, связь собаками, пиротехническая сигнализация, возможность применения земли, как проводника, сигнализация невидимыми волнами света,—все было предано забвению, и даже в настоящий момент нет никакой надежды на их возрождение, несмотря на то, что в области науки в этих вопросах имеется громадный материал. Эти средства, при умелом их применении и усовершенствовании на достижениях науки, могут вполне заменить проволочный телеграф там, где по условиям обстановки действие проволочного телеграфа невозможно и, благодаря кратковременности событий, нежелательно, как вызывающее лишний расход средств и сил. Конечно, после такой однобокости и однообразия, опыт создался только на проволочном телеграфе и телефоне и его аттрибутов—строительных, эксплоатационных и громоздких для полей сражения шестовых рот, на основании этого появились принципы или понятия, определяющие связь, как „нерв армии", „труднейшую область военного дела", „путь к победе", т. е. отражающие лозунги дня, не имеющие внутреннего значения. Но почему нельзя признать железные, шоссейные дороги нервом, почему снабжение современной армии провиантом, артиллерийским снаряжением не труднейшая область, почему наличие современных усовершенствованных средств истребления, моральное состояние—не путь к победе. Значит „нервов", „труднейших областей", „путей к победе" современная война насчитывает несколько и отрицать их права на это первенство не приходится. Такое определение не дает ровно ничего, как и определение, что „война—жестокая потрясающая драма". Еще больше, это пустая фраза, не дающая никаких указаний на то, как же быть, какие же законы ввести и применить, чтобы иметь прочную, непрерывную, подвижную сеть связи). В настоящее время задолго до войны можно определить и наметить территорию, на которой будут

разыгрываться военные действия, а в лучшем случае—даже заставить противника вести действия там, где нам удобней, знать экономическое состояние противника, его сопротивление и т. д. Теперь каждая воюющая сторона имеет дело не с „тремя неизвестными", а с известными всех формул, которые нам придется решать в будущем и которые, при известных условиях, могут быть решены задолго до в йны. Если раньше совершался поход в полной неизвестности, то теперь тот же поход совершится при ясной, отчетливой обстановке. Раз это известно для области стратегии, так зачем же еще в области службы связи, имеющей основой технику, надумывать какие-то принципы, когда в этой области существуют определенные расчеты, как материальных, так и живых сил при эксплоатации. Когда говорят о необходимости установления принципа, по которому бы вооруженная сила должна двигаться к экономическим, промышленным центрам и пунктам, охваченным восстанием, вполне понятно, но когда говорят о выдвижении „оперпункта", как спутника движения войск и средств связи за продвигающейся армией, как способствующего правильной организации связи, становится неясным и непонятным: что может дать оперпункт для службы связи и какую пользу может извлечь служба связи из оперпункта? Будет ли это орган командования или орган связи? Следует ли вообще заставлять мысли застывать и соглашаться с тем, что существует и что дальше и лучше оперпункта в области связи ничего не существует. Конечно, нет. В войну мы вступили с одними средствами, а из войны вышли с другими. Только эта эволюция не совершалась в области связи и ее средств, конечно, не касаясь иностранных армий. Существовала организация связи при помощи головной станции, конца тяжелого провода только, без распорядителя, к которой велись линии полевыми войсками; стал „оперпункт" с распорядителем, с той только разницей, что оперпункт ведет линию связи к полевым войскам, т. е. низшим штабам. Был в вагоне радио-телеграф, лежало в складах оптическое имущество, средства которого считались непригодными для полевой войны, исключая крепостной, не находили надобности в голубиной почте, не предполагали и не допускали возможности усовершенствования средств связи; впрочем, и сейчас этому мало уделяется внимания. Сейчас находят вполне достаточным для действия войск старые „испытанные средства", обладающие скоростью установок, как то: шестовые роты с 30—50 двуколками лошадиной тяги с нагруженными шестами, которые, по мнению других, вполне пригодны к маневренной войне, ибо телеграфная линия, построенная этой ротой на протяжении 100 километров в течение ½ суток (такую скорость показывают на смотрах) при 3 м/м. проводе будет действовать, а если не будет надежности и прочности, за то есть скорость установки, но и последнее довольно сомнительно. Стоит только вспомнить русско-турецкую войну 1875—1876 г.г. и работу шестовых рот, входящих в состав тогдашних телеграфных парков, как несостоятельность их работы вполне станет ясной и не требующей никаких комментарий и доказательств. Стоит ли вообще,

по мнению защитников „испытанных средств“ (сомнительных в полевой войне), вводить новые средства, требующие для своего усовершенствования много дней кропотливой работы и напряжения ума. Может быть, для них не стоит, но положение со службой связи в войсках, ее несостоятельность, властно требует такого напряжения творческой мысли. Только творческая мысль, мысль, наводящая на размышление—может сдвинуть застывшую мысль в службе связи и принести успех в этой области. Только при таком подходе, при детальном изучении событий всей минувшей войны, изучении достижений науки и техники в области сношений, можно будет построить более или менее правильные принципы и правила в отношении действия сил и средств связи. Здесь, в этой области, мало практики, опирающейся на почву событий гражданской войны, здесь уже нужно что нибудь более твердое и реальное, а именно, знания, при помощи которых можно заглянуть в будущее (мысль, наводящая на размышления, может принести больше пользы, чем застывшая в метафизических формах с верой в их непогрешимость. Впрочем, ново то, что хорошо забыто. В данном то случае те принципы, которые выдвигаются, как что-то новое, вытекшее из событий войны, не новы для старой службы связи. Они не новы для персонала теперешней службы связи, не имеющего достаточной подготовки и не могущего, вследствие узости своих знаний, разобраться в источниках, по которым они разбросаны. Партизанский метод мышления о значении службы связи в войне—до войны не находил себе сторонников, следствием чего большинство взглядов на службу связи мало знакомо новому персоналу, который свои знания строит на опыте, но не на изучении имеющегося материала).

Служба связи в современном военном деле. Какая бы ни была операция—с расчетом сил для большого пространства или для малого пространства, с массовыми силами и средствами или же средства и силы будут не велики, она должна протекать в согласованности действий всех участвующих сил. Всем достаточно известна история развития службы связи, без которой не может протекать ни управление событиями фронта, ни управление действиями войск, так как без управления не происходит ни одного явления на фронте и поле сражений. Какие бы события ни проходили бы, как бы они ни отражались на процессе действий, личное присутствие начальника в войсках для руководства действиями утеряло всякое значение. Служба связи с ее средствами заставила начальника находиться, по выражению *Шлиффена*, „на удобном стуле, пред широким столом принимать донесения армий и корпусов“, имея своим спутником службу связи для обеспечения непрерывности своего управления. До сих пор еще нет твердых основ, по которым, или вернее, опираясь на которые, можно бы было построить такую подвижную сеть связи, которая могла бы двигаться за удаляющимися от центра войсками. Наш устав, подчеркивая необходимость управления со стороны старшего начальника действиями младшего, узаконил это в правиле

„связь сверху вниз". Но как действовать в этом случае средствам и силам связи, устав не указал. Он дал расплывчатые указания на службу, ибо значения ее устав в операциях не дооценил. Благодаря разбору различного рода этюдов, статей и другого материала о действии средств и сил связи, дается полная возможность установления правила, как должны быть использованы средства и силы связи для обеспечения непрерывного управления войсками. Разбор этих источников, подкрепляемый историческими фактами из событий времен войн прошлых эпох, а также событий всемирной и, отчасти, гражданской войны позволяют определить и вывести правило, по которому должна идти организация связи. Не сверху вниз—гласит это правило—должны двигаться средства и силы связи, а снизу вверх, к тем головным пунктам, которые далеко выдвинуты вперед от оси связи центральштабом. Средства и силы связи должны двигаться по тем осям, которые им определены планом связи. Все же не входящее в состав оси—должно свертываться и выдвигаться вперед, для новой организации. Скорость движения средств и сил связи всецело будет зависить от того, какую форму примет операция. Если это будет маневр, то быстрота устройства и свертывания средств связи будет увеличиваться, если это будет операция на полуустановившемся фронте, темп их движения и гибкость будет медленней и, наконец, совершенно установившийся фронт, для движения средств и сил связи, не требует быстроты, здесь же выступает прочность и все усилия должны обращаться на правильную эксплоатацию, обслуживание сети связи и ее надежность. Отсюда следует, что движение сил и средств связи, их распределение будет всецело зависить от темпа движения войск и возглавляющих их штабов. Движение штаба совершается обыкновенно по прямой линии, с некоторым уклоном к пункту, который указан, как конечная цель операции на первый период. Таким образом, если представить себе путь движения штабов, то они за время операции описывают прямую линию, без всяких отскоков, причем высший штаб почти всегда двигается по линии движения одного из подчиненных штабов. Задачей службы связи является в данный момент, за промежуток времени движения войск, построить ось связи с таким расчетом, чтобы она была всегда готова к услугам двигающихся вперед низших войсковых штабов. Благодаря такой системе организации сетй связи—за продвигающимися войсками, на территории военных действий получается ряд узких квадратных полос, стороны которых служат осями связи и к которым проводятся кабельные и шестовые, сигнальные и радиотелеграфные линии низшими штабами. Эти все линии, в течение равного промежутка времени, построенного на расчете движения штабов, заменяются одной осью, армейской или корпусной, смотря по тому, какую сеть хотят создать. Освобожденные же силы и средства связи выдвигаются, по мере их освобождения, на все время вперед, к непосредственно действующим частям. Для того, чтобы не ослабить стремления выдвижения частей связи вперед, ось связи выдвигается как можно ближе к передовым частям, путем уста-

новок на концах ее головных станций эксплоатационных рот. Главный путь или главная ось связи должна быть постоянна, то же самое можно выдвинуть и по отношению армейской оси. Замена шестовых, кабельных линий постоянными, широкое использование местных постоянных телеграфных линий, должно служить прочной базой для организации сети связи на театре военных действий, вплоть до боевой линии передовых частей. В полковом же районе сеть связи будет представлена в виде многочисленных сетей каждого рода войск и средств связи, в виде опять-таки узких пространств, напоминающих неправильные квадраты, в вершинах которых расположены центральные станции, к которым и ведут свои линии части связи, приданные передовым частям боевой линии. На период же атак можно выдвигать сборные пункты донесений как можно ближе к атакующим частям. Задача этих пунктов заключается в обеспечении управления атакующими частями и своевременной доставки донесений от атакующих частей командованию. Эти пункты есть более чувствительный глаз командующего. Причем нужно указать, что пункты донесений ничего общего не имеют с намечающейся у нас системой линейных органов связи или так называемых „оперпунктов", хотя такое название их назначению совершенно не соответствует. Их следовало бы просто назвать „головной станцией тяжелого постоянного провода". Это основное требование организации связи должно быть еще дополнено одним требованием, а именно—действием всех средств связи одновременно, независимо от того, встречается ли необходимость в их действии в данный момент или нет. Таким образом сеть связи и ось ее должны представлять сочетания действия телеграфа, радиотелеграфа, оптического телеграфа, движения механических средств связи, голубей, собак, телеграфа чрез землю, пиротехнического телеграфа, акустических приборов и приборов сигнализации невидимыми лучами. Конечно, введение в действие всех средств связи будет зависить от переменных функций обстановки действия войск и условий местности и атмосферы. Применение же, в подходящей для их действия обстановке и условиях, этих средств связи, при одновременном употреблении—даст прочную, безотказную и надежную сеть связи. Надежность и прочность действия связи важнее, чем скорость установки ее, так как установленные наскоро, без соблюдения технических правил, средства связи не дают надежного и прочного управления войсками.

Важной заслугой вообще службы связи, как всемирной войны, так и гражданской, является то, что ей, ценою невероятных усилий, удалось добиться автономии и сломить среди командного состава небрежное к ней отношение. Благодаря порой жестоким урокам, отражающимся на событиях войны, подробности которых упускаются, службе связи удалось установить, что она является неизбежным спутником одного единственного закона, плана операции. Согласно этому закону все действующие группы сил и средств связи должны иметь согласованность своих действий. Чем шире операция, чем длительней процесс ее, чем упорнее сопротивление врага, тем необ-

ходимее является нужда в сети связи. Так как этот закон не только важен для операции и ее надежности, но также является необходимым для самой службы связи, только благодаря наличию такого плана достигается возможность согласованности действия всех сил и средств связи. Этот план предусматривает не только распределение действий главных сил и средств связи, их движение, но еще предусматривает роль вспомогательных средств связи. Он направляет и регулирует:

а) Общую организацию сетей связи и их главную ось.

б) Распределяет технические характеристики различных радиотелеграфных станций (длина волн, тон, часы работы), меры против подслушивания, намечает ориентировочные станции для ориентирования аэропланов, танков и станций радио-телеграфов, которые служат для наводки орудий.

в) Организацию оптической и акустической связи (их позывные).

г) Различные коды пиротехнической сигнализации и связи полотнами.

д) Организацию связи голубями, собаками.

е) Расписание движения фельд'егерей, отличительные знаки аэропланов для связи и способы их связи с землей.

ж) Регулирует почтовые движения.

з) Пункты головных станций, к которым должны подводиться линии продвигающимися частями, пункты донесений во время атак и сети связи разных родов оружия.

и) Указывает меры против разрушающего действия газов на средства связи и персонал их обслуживающий, порядок применения средств связи в дымовых завесах, артиллерийских обстрелах завесой и т. д.

Таким образом нет ни одного средства, нет ни одной технической силы, которая бы не предусматривалась планом связи. Таким образом план скрепляет и позволяет иметь согласованность и точность действия введенных в дело средств и сил связи. Ясно, какое значение для средств связи должно иметь установление определенного, точного взгляда на действие средств и сил связи. Но этого то взгляда или, вернее, принципа до сих пор служба связи не установила. Она слепо подчинялась принципу, относящемуся к управлению. Если же в настоящее время выдвигается принцип так называемых „оперпунктов“, от назначения которых уже сами творцы отказываются и которые, к сожалению, нельзя признать правильными для организации связи, никто не станет совершенно отрицать их необходимость в прошлом, ибо в надлежащей для них обстановке, они может быть и сыграли роль, но теперь они изжиты, как пережиток хаоса, недоговоренности или, вернее, компромисса коллективного творчества в управлении войсками. Всем известно, что место штаба там, где удобнее всего управление продвигающимися вперед войсками. Обыкновенно принято, местом избирать центральный пункт по пути

двигающихся штабов. Расстояние от этого пункта до штабов нужно покрыть сетью связи для того, чтобы иметь управление. Вот в этом стремлении к организации сети связи, для согласования принципа сверху вниз, нам преподнесли „оперпункты" в местах стоянки тех же низших штабов или на концах выдвинутых вперед линий связи. Таким образом получается целая сеть линий, примерно, для фронта, если считать 4 армии, то четыре линии по принципу треугольника (я не знаю, может ли иметь треугольник четыре линии, очевидно их два), и для 4 армий, считая в каждой по 3 корпуса и по одной кавдивизии на корпус, то получится 15 линий, а сколько треугольников—я уже не могу решить. Процесс хода операции показывает, что в конце концов, все эти линии должны прийтти к незначительному числу линий или так называемой оси, т. е. главной магистрали связи. Если с понятием оси связать представление об экономии сил и удобство ее обслуживания, то явится вполне очевидным ее преимущество против многочисленности линий и „оперпунктов". Вся служба связи до войны и после войны держится на такой точке зрения. И минувшая война значительных изменений в эту область не внесла, за исключением пункта сбора донесений, выдвигаемого по линии атакующих частей. Но этот пункт нужно признать не пунктом связи, а скорее пунктом командования, помогающим ему управлением атакующими частями и служащего посредником между ними и командованием. Средства же связи ему придаются, как необходимый аттрибут надежного управления. Существенным дополнением к ней явился принцип о взаимодействии всех средств связи. Согласно этой точки зрения, средства связи должны действовать все сразу, независимо от того, является ли действие одного из них необходимым. Если мы имеем несколько видов средств связи разных конструкций и их заставляем действовать в одиночку, заменяя на случай повреждений или отказа одно — другим, то мы никогда не получим точности и надежности передачи и скорости установки средств связи. Преодолеть все затруднения, которые представляет для средств связи обстановка и ее условия, напр. действия в одиночку, или, вернее, партизанским способом, не так легко. Наоборот, только строгая концентрация всех средств и сил связи дает возможность получения прочности и надежности действия. В этих случаях не важно будет, что порвется проволока, ее заменит радиотелеграф, оптическая сигнализация, выпуск голубя, полет аэроплана, движение курьера на мотоцикле, а в нужных моментах—и танка. Результатом же дробного применения средств связи никогда не добиться такой надежности действия, так как ни одно средство не обладает безупречностью в отношении прочности, надежности, ибо в отдельности взятое средство связи представляет стул на трех ножках, который, к сожалению, никак не может считаться стулом. Другими словами, мы службу связи должны рассматривать, как ряд средств, обладающих различными свойствами, но действующими всегда одновременно. И действительно, новейшие инструкции о службе связи

на войне, привели к этому заключению, сделав его основным и первым принципом службы связи. Наконец, маневренный характер войны и исследования в области действия средств во время походных движений войск, привели к отрицательному взгляду на необходимость организации связи во время походных движений или же, в крайних случаях, связь во время этих движений возлагается на младших начальников связи. Кажется в этом отношении и наш устав особенно не подчеркивает важности связи при походных движениях. Кроме того, все части связи, согласно опыта недавно минувших военных событий, должны проявлять свою деятельность только при встрече с противником, когда обстановка ясна и принято определенное решение, при котором не может произойти случайных отклонений штабов от их линии движения. Вообще, в этих случаях все инструкции о службе связи особенно подчеркивают осторожность расхода сил и средств связи и рекомендуют их экономию. Распыление же сил и средств связи, т. е. до момента, когда не выяснена обстановка—не должно иметь места. Казалось бы, что в результате такого проверенного опытом материала, стремление службы связи Красной Армии должно бы иметь тяготение к этому, при соответствующем критическом разборе выдвинутых войной положений. Но у нас, наоборот, происходит проповедь распыления и не экономного расходования сил и средств, а к некоторым видам связи отношение даже отрицательное. В этом стремлении вырисовывается—свести всю совокупность действия сил и средств связи к разбросанности, к рассеянности, к переподчинению другим. И в таком распылении, разбросанности сил хотят найти гармонию, как будто в лишней административной организации она заключается. На основании вышеизложенного, в основу принципа связи должны быть положены сосредоточенность и экономия сил и средств связи и введение их в действие только при ясно вырисовывающемся положении, а не в положении с отскоками. Конечно, построить на новых началах службу связи не так легко и мы нисколько не закрываем на это глаз, но мы должны это сделать, хотя бы нам пришлось и переучиваться. Вот в кратких чертах обрисовка службы связи в современном военном деле. Сомневаться в правильности этих взглядов и их выводах—равносильно отказу от всякого опытного знания.

Основные принципы службы связи. Каждый устав должен заключать в себе формы, способы, методы, средства, с которыми приходится оперировать во время боевой обстановки, в то же время давать некоторую расплывчатость своих выводов. За этими определениями обыкновенно следуют более или менее удачные и понятные формулировки, этих понятий. В нашем уставе, в главе „управление", мы находим собственно две формулировки в отношении службы связи, а именно:

1. Связь сверху вниз.
2. Справа налево.

И еще третью, уже надуманную и не зафиксированную формулировку, введенную неизвестно кем, кажется, чуть-ли, если не ошибаюсь, „Наставлением об организации связи в полку“: *„связь треугольниками“*. Но можно ли их признать основными принципами? Всякое правило, которое претендует и хочет быть аксиомой, не должно нуждаться в доказательстве. Но эти три утверждения нуждаются в доказательстве.

Они нуждаются в этом лишь только потому, что их существование и проявление мало или совсем незаметно в окружающей обстановке военных действий, особенно организации службы связи; если не позволить выразить сомнения в их непогрешимости, то этим мы не только пожертвуем элементарным смыслом, но и в дальнейшем обречем службу связи на бездействие или действие хаотического характера.

Если говорят о связи „сверху вниз“, то уж тут никак нельзя доказать верность этой формулы.

Может быть этим принципом хотят указать и подчеркнуть, что он заставляет и обязывает всегда все силы и средства связи выдвигать далеко вперед, к боевым линиям и этим предоставляет возможность передовым частям пользоваться связью, не трогая своих средств. Но представим, что это так и на основании этого все силы и средства выдвинуты вперед, а противник совершает обход, противник начал охват, значит выдвинутые вперед средства связи должны в таких случаях постоянно возвращаться обратно и снова, с переменой успеха, опять выдвигаться вперед. Таким образом получается не помощь, а катание средств и сил связи „вперед и назад“ ибо части не успеют навести линию, установить средства, как обстановка резко изменится не в нашу пользу. А в маневренной войне-то и больше всего места для обходов и охватов на полях сражений. Значит, этот принцип уже для таких случаев не годится. Таким образом базироваться на таком принципе рискованно, ибо в один прекрасный момент может хорошо задуманный план неизбежно развалиться и своим развалом погубить операцию, так как служба связи не будет функционировать. В этом случае в разгар операции спасения не найти, ибо самый лучший персонал, в смысле подготовки и снабженности средствами, не в силах найти исхода для спасения. Примером такового развала организации связи служит отсутствие связи Штаба Западного Фронта с 15—4 Армиями в период отступления от линии реки Вислы, когда выдвинутые средства и силы связи сматывались, а не устанавливали связи. Младшие же начальники связи, действующие на точном основании принципа „сверху вниз“, ждали, что связь их отступающих штабов будет обеспечена силами и средствами старшего начальника связи, т. е. начальника связи фронта. Отсюда вывод, что при отступлении, о пригодности такого принципа уж не приходится говорить. При такой шаткости этого принципа

неудивительно, что неоднократно предпринимались попытки оспаривать этот принцип, с одной стороны, и совершенного из'ятия его из области организации связи—с другой стороны. И вот, сторонники спасения этого принципа вывели новое учреждение „оперпункт", формулировав его, как линейный орган связи, и то под напором критических замечаний. Исходя из определения, что каждый войсковой штаб движется по одному направлению, они выдвинули на конец, где кончается постоянный телеграфный провод, головной пункт или, по их определению оперпункт, который при передвижении штаба должен организовать связь с каждым младшим штабом. Таким образом, если взять армию, в состав которой входят 3 корпуса, нужно 3 армейских оперпункта, которые должны быть выдвинуты далеко вперед по каждому направлению, в противном же случае они утеряют свое значение. Из этого следует, что средства и силы связи Скарма должны находиться в районе корпуса, корпуса—в районе дивизии, дивизии—в районе полка и т. д. Значит, уже на территории трех корпусов является фактическим хозяином и распорядителем Скарм, Скакор в дивизии и т. ц. Кроме этого каждый начальник связи отвечает не за одно направление, а за все три направления. При другом же расположении сил и средств связи принцип „сверху вниз" нарушится. Вот почему необходимо, прежде чем вводить какой-либо принцип, поставить его введение на реальную почву, а действия войск связи и средств, как имеющих дело с преодолением известных для нас причин,—на более точную и верную плоскость. Чтобы ознакомить с основами, на которых должны базироваться принципы, необходимо проследить несложный пример: штабы корпусов двигаются по направлению пунктов А, Б, В, штаб армии находится на центральном направлении, т. е. на линии Б. Что же должен делать Скарм? Выдвинуть ли свои средства вперед, в район корпусов или же оставить на местах, или же эксплоатировать части Связи корпусов. По принципу связи „сверху вниз" он обязан во время передвижения устраивать связь с корпусами до тех пор, пока те, в силу каких-либо причин, не остановятся. Но если один из корпусов замедлил движение и стал отходить назад, значит и части связи Скарма, выдвинутые вперед, должны отходить. По всей вероятности, в таком случае, когда совершается обход противником одного из корпусов, мало одного выдвижения частей вперед, тут нужно что то другое. Такое решение может последовать только в угоду принципа связи „сверху вниз", и безусловно будет неправильно. Кроме требования расхода больших сил и средств связи, растраты их, которая не может дать никакой реальной помощи младшему Ска, находящемуся в трудных условиях, ввиду непрочности обстановки, такое решение пользы не принесет. В действительности, как требует обстановка и как показал неоднократный опыт из прошлых войн, Скарм должен действовать следующим образом. Он выбирает одно главное направление, которое выдвигает как можно ближе к корпусам, где и устанавливает свой головной пункт, к которому корпуса наводят свои

линии,—это первый день организации связи. На второй день корпусные линии, смотря по важности, или снимаются совершенно, или же заменяются постоянными силами и средствами Начальника Связи, который снова выдвигает на главном направлении головной пункт до тех пор, пока корпуса не остановятся. Средства же связи и силы корпусов, по мере освобожденья, стремятся вперед. Таким образом, какова бы ни была обстановка, связь всегда обеспечена, ибо каждый знает, за что несет ответственность. При таком положении достигается полная экономия сил, их сосредоточенность, каждый управляет действиями своих войск, каждый несет ответственность за одну только определенную линию. Преимущество такой организации настолько очевидно, что его нет надобности подкреплять доказательствами, что примененный в минувшей войне он дал благоприятные результаты. То же самое вполне применимо в стратегическом и тактическом масштабе. Каждая часть на своем месте, каждый знает, что он делает и что ему делать, тем более, что план связи это уже задолго определил. Таким образом, утверждение в непогрешимости и самостоятельности принципа „связь сверху вниз" отпадает и мировая война, при организации связи, выдвинула новый принцип, более жизненный и резонный, как вытекающий из опыта. Этот принцип не противоречит действительности, что и было указано в примере, приведенном выше. Таким образом на место принципа *„связь сверху вниз"* выдвинут мировой войной новый принцип, который можно формулировать таким образом: *„каждый начальник должен стремиться к установлению связи с младшим начальником, причем это стремление должно быть обоюдным"*. Это в отношении управления, а в отношении организации связи—обязанность организации связи до головных пунктов, выдвинутых старшим штабом, лежит на младшем начальнике; старший же, при продвижении вперед частей, должен заменять линии наведенные младшим начальником, чтобы дать возможность силам связи младшего начальника быть всегда впереди. Из этих линий и создается сеть связи, направления которой в глубину носят название осей связи. К концам осей и должны быть направлены все усилия для получения нужной связи. На время атак, по направлению атакующих частей, можно выдвигать особые головные пункты командования. На этих то основах и должна быть построена вся служба связи, это ее фундамент, исходя из которого можно будет вывести прочные стены. Такое выражение сущности организации связи на театре военных действий нашло место во всех инструкциях службы связи, оно стало законом, нарушение которого ведет к нежелательным последствиям, ибо без знания их не может быть и речи о руководстве в области организации связи. Здесь выражается действие средств связи, независимо от форм, какие примут операции, будь то стремительное движение, или движение замедленное, или же состояние покоя надолго установившегося фронта. Пора, наконец, к такой технической отрасли, какую из себя представляет служба связи, подойти с точными расчетами, и к ее организации применить имею-

щиеся законы науки. Метафизику и гносеологию нужно отбросить, ибо мы имеем дело с такими принципами, которые легко укладываются в рамки закона. Если пойти по пути „святых", „ненарушимых" истин, установленных людьми, мало знакомыми с организацией связи, то можно будет, пожалуй, притти к тому проекту, к которому в 1865 году пришли французы, выдвинувшие вопрос о снабжении корпусов 250—300 кил. кабеля, т. е., примерно, на 10 переходов. Между тем, у тех же французов в минувшей мировой войне 4-я Армия при атаке на Chemin de Dames имела только 3000 чел. и 80 повозок. Да, впрочем, если считать „оперпункты", как нечто необходимое для организации связи, то можно допустить, что на каждый корпус будет 300 кил шестовой и кабельной линии. В каких же условиях будет происходить организация связи, при наших дорогах, конной тяге. Введение же механической тяги еще далеко и возможность ее еще мало оценена.

В отношении принципа „справа налево" нет единства в уставах, принятых различными государствами. Наш устав устанавливает „справа налево", т. е. правая часть должна держать связь с левым соседом. Немецкий же устав считает за правило: „с правым соседом" и прибавляет, „если нужно, с конечным пунктом, устанавливаемым средствами корпуса". Вообще же, немцы придерживаются взгляда: с частями, входящими в состав походных колонн, совершенно не держать связи. Польский же устав говорит, что каждый командир обязан устанавливать связь с соседними командирами. Обязанность эта—обоюдосторонняя. Техническая связь с соседями (телеграф и телефон) устанавливается всегда „справа", и далее, при отходах—„влево по отношению марша отступления". Далее, этот же устав говорит: „ни в коем случае боевая (фронтальная) связь не должна в своем выполнении стеснять себя свободой действия". Затем идет замечание, почти похожее на замечание немецкого устава, которое указывает, что „большие перерывы связи между совместно действующими войсковыми единицами не являются слишком грозными, поскольку единицы эти энергично стремятся к достижению в бою общей цели". Французская инструкция связи всех родов войск определенно указывает, как должен действовать начальник связи и совершенно умалчивает о каких либо принципах. Она дает прямые и точные указания о действии сил и средств связи. Более подробно об организации связи в иностранных армиях остановимся в следующих статьях. Таким образом, в вопросе о фронтальной связи, единства во взглядах устава различных армий—не существует. Да и странным является, почему именно „справа налево" и „слева направо", какое отношение это имеет к организации связи и действию сил и средств связи. Может быть в этом отношении скрыт какой-нибудь магический смысл для лиц, имеющих опыт, но для службы связи он не представляет никакого значения, поэтому оспаривать его нет большой необходимости, так как не все ли равно, кто будет нести ответственность за фронтальную связь, правый ли СКА, или же левый, или же СКА, который нахо-

дится в центре, лишь бы для этого были средства в распоряжении того, кто несет ответственность за фронтальную связь. Вот почему на этом вопросе долго останавливаться нет большой надобности. По моему мнению, этот принцип нужно детально разобрать для того, чтобы выяснить, кому легче и удобнее поддерживать связь и в каких случаях боевой обстановки. Во всяком случае, здесь принцип должен быть смешанный, т. е. обоюдный, ибо одно дело—марш фланговый, другое дело—прорыв и обход. В общем, нужно определенно указать, что организация фронтальной связи должна лежать на частях пассивных, дабы не задерживать продвижения частей активных.

Что же касается принципа организации связи „треугольниками“, то такого указания в уставе совершенно нет. При каких случаях и когда он родился, трудно сказать. Явилось ли это последствием боязни лишиться связи по одному направлению, ввиду неблагонадежности окружающего населения в период гражданской войны, или же телеграфно-телефонные магистрали благоприятствовали организации связи по такому принципу,—трудно сказать. Кто то, когда то в одной брошюре привел схему организации связи полка, нарисовал эту схему в виде треугольников и установил третий день творения организации связи—„треугольник“. Но действительная схема связи полкового района, с ее сетями связи командования, артиллерии, воздухфлота, наблюдательными пунктами, пулеметными гнездами, трудно поддается определению, где и в каких случаях будет „треугольник“ да еще замкнутый. И эта брошюра во втором издании принята без критики и дискуссии, как некогда принципы непогрешимой библии. Но этот принцип, как непосредственно относящийся к организации связи, подробно разберем отдельно.

Теперь скажем несколько слов о том, как следует понимать и что подразумевать под принципами связи. На первых же порах нам станут говорить, что эти принципы в области службы связи существуют, как идея в отношении связи, т. е., вернее—принцип „сверху вниз“. Это означает руководство старшего СКА действиями младшего, почему отсюда прямой вывод, что и организацию связи нужно производить сверху вниз. Все это верно в отношении управления и руководства связи, но когда эти принципы переносят в область тактического и технического применения войск и средств связи, то становится сомнительным. Раз этот принцип переносится в эту область, раз даже в отношении его начинают подстраиваться и находить средства, которые бы продлили его жизненность в этой области, то вопрос становится довольно неясным и ведет к путанице. Управление войсками—это одна область, служба связи—другая. Даже вопросы и исследования в этой области различны. Служба связи есть шуба управления, она охраняет его, она закрепляет его. Но как произвести это охранение, как доставить своевременно директиву распоряжения—это дело связи. И в этой области нет надобности стеснять ее принципами, относящимися к управлению войсками. Все средства и силы в руках службы связи—инструменты, при помощи которых органи-

зуется техническая сторона управления. И если в этой области командование нашло нужным службе связи дать эти инструменты, если оно нашло нужным поручить выполнить техническую сторону этой отрасли, т. е. отрасли управления, то и выполнение ее предоставьте службе связи. Если вы находите нужным закрепить за собой право старшего начальника в управлении действиями младшего, мы не протестуем и говорим, что только старший может руководить действиями и это оставляем и в отношении руководства службы связи. Но тактическое и техническое применение войск и средств связи должно идти и быть подчинено другому принципу, более основательному. В этой области служба связи должна быть автономной. Тактическая и техническая сторона должна быть разбита применительно к действиям, при которых протекает операция. Командованию безразлично, будет ли донесение получено через армейский головной пункт армии, до которого оно дошло по линии наведенной корпусом или же по линиям старшего начальника связи. Командованию нужна обеспеченная надежная связь, не допускающая ни перехватов, ни подслушивания, ни перерывов, ни остановок, а как это будет организовано—ему безразлично. Наша задача—создать ряд подвижных сетей, способных открывать действие по окончании марш-маневров войск. Наша задача—доказать командованию, что его управление при автономной службе связи, снабженной многочисленными средствами связи различных видов, никогда не утеряет руководства. Этого же можно будет достичь, когда мы научимся управлять своими собственными войсками связи, управления которыми, к сожалению, как ни странно, даже при фанатичной приверженности к идейному принципу связи „сверху вниз", не было. Сама служба связи больше всего нуждалась в связи своих собственных сил. Не было этого управления только потому, что каждый,—не знал, за что же собственно ему отвечать, за сеть ли армии, сеть ли корпусов или сеть дивизии. Войска старшего впереди, младшего в тылу и, в конце концов, не разберешь, где начинается деятельность других. Высшего же руководства не замечалось, разве только если признать, как исключение, за руководство—несложные директивы: „связь держать по таким то проводам, №№ такие то". К правильному руководству службой связи мы пришли слишком поздно. Так, например, переброска 3-го корпуса в район Западного фронта уже проходила под руководством, для чего пришлось тронуть силы Скакора 3, чего, согласно принципа „сверху вниз", мы не имели права, но зато получили надежную связь во время передвижения этого корпуса. В будущем нужно раз навсегда установить твердое руководство, а вместе с ним—правильное использование всех сил и средств связи, которые не подчинять принципам, мало соприкасающимся с принципами организации связи Устанавливая связь до армий, Скафронта теряет руководство силами и средствами армии. Он может разработать план только в отношении своих сил, но в отношении армии он предоставляет его Скарму, что и не дает прочной связи,—согласованности дей-

ствий и ведет к неправильному использованию сил, следствием чего нет экономии, а происходит распыление сил и средств. Постройка многочисленных „треугольников“ и других аналогичных соединений—не дает прочной связи. Экономия, сохранение сил, правильное руководство, меньше треугольников, а больше действия всех средств связи, одно обеспеченное, оборудованное направление—вот канва, по которой должна проходить операция связи. Тогда каждый будет знать, что ему делать и за что отвечать.

Система треугольников. Мы уже отметили, что движения войск связи на фронте должны быть сведены к определенным принципам, согласно которых силы и средства войск связи двигались бы. Невольно возникает вопрос, каким же образом должна производиться организация связи и как установить принцип их распределения, сосредоточения и движения? Безусловно это вопрос довольно сложный и не так прост, как полагают. Ответ, что связь должна организовываться „треугольниками“ не является окончательным и бесспорным. Только детальное проанализирование его может дать окончательный ответ, который придется принять за основу организации связи и движения войск. Но, прежде всего, мы поставим простой вопрос: на основании чего с уверенностью утверждают, что связь должна быть организована „треугольниками“? Чтобы еще более сделать вопрос простым, какими положительными сторонами обладает этот принцип? Ответ на этот вопрос ясный, что связь треугольниками более прочна по сравнению с другими, так как дает возможность замены одного направления другим. Но что эта сеть должна с течением времени измениться, ибо место расположения штабов не постоянно, этого, при организации связи треугольниками, не принимается во внимание. Если мы представим, что штабы армий расположены в В.-Луках, Витебске, Орше, Могилеве и Бобруйске, а Штаб Фронта, допустим, находится в Смоленске, то по принципу треугольников силы и средства должны расположиться от Смоленска на Витебск—один треугольник, Смоленск—В.-Луки—другой, но, к сожалению, его уже на местности нет, также на местности не выходят и другие треугольники. Один единственный треугольник—Витебск, а остальные—уже прямые линии, с главной осью на Оршу и от нее на Могилев—Бобруйск. Из этого положения кажется немного странным, из каких же это „практических“ данных исходят защитники этого принципа, когда существующая магистраль говорит против этого. Какая же надежность связи, ведь все равно же магистраль то главная будет Орша—Смоленск, но не со стороны магистралей вышеуказанных пунктов, которых в действительности нет. Если эта магистраль будет повреждена, то связи не будет. Нам скажут, что можно держать обходную связь по запасным магистралям, так ведь эти же пути существуют и при осях связи квадратной сети или другом каком-либо аналогичном виде сети. Теперь перейдем дальше, армия переходит на линию Минска, как же вы потянете к ним треугольники из Смоленска, какими это средствами и силами? Но допустим, что вы успели построить,

что армии проследовали дальше и стали своими штабами на линию Брест и т. д. Значит, бросай треугольники и наводи снова. Итак никакого расчета, никакой системы, и с каждым переходом сеть становится все запутанней и сложнее. Силы и средства разбросаны, нет согласованности действий, нет руководства, нет ни одного пространства на фронте, которое бы было хорошо защищено сетью связи. Где прочность и надежность связи, где экономия сил и средств связи? Это настолько очевидно, что оспаривать никто не будет. А случись, паче чаяния, неудача и наши части, быстро двигающиеся вперед, станут откатываться, то тут совершенно не будет никакой связи, что и было с 15-ой Армией в польскую кампанию, благодаря постоянным „треугольникам". Может быть нам скажут, что если корпуса устроят треугольники или „оперпункты", то места стоянок корпусов, за исключением центральных, не совпадут с линией движения Штарма, а оперпункт—орган линейный, он не должен находиться в углу или на вершине треугольника, он должен быть выдвинут на каждое направление. Значит, уже принцип треугольников, до некоторой степени, находится в противоречии с принципом оперпунктов. Если вы из области стратегической перенесетесь в область тактическую, то там совершенно принцип „треугольников" не жизненен и не может быть, ибо в этой области нужна сеть связи командования, артиллерии, привязных шаров, наблюдательных пунктов и пунктов, выдвинутых для руководства отступающими частями. Может ли служба связи построить эту сеть с помощью „треугольников" в такой обстановке? Безусловно, нет. Здесь нужна система центральных станций, далеко выдвинутых вперед, к которым и прикрепляются низшие войсковые соединения. А если высчитать расход средств и сил связи при сети треугольников, то станет очевидным их несостоятельность перед другим видом сети, о которой будем говорить ниже. Таким образом пресловутая система „треугольников" совершенно отпадает, так как отрицательной стороной ее служит отсутствие:

а) Экономии сил и средств.

б) Правильной и систематической обстройки магистралями театра военных действий.

в) Определенных осей связи, защищенных другими видами связи.

г) Ответственности за одно направление и

д) Возможности действия одновременно одних средств связи по одному направлению.

Таким образом, становится очевидной вся несостоятельность принципа „треугольников", от которых безусловно в практическом применении службы связи придется отказаться.

(Продолжение в следующем №).

(Продолжение в следующем №).

Т. Усов.

Пушка или гаубица?

Современные массовые армии стремятся в большинстве случаев базироваться на укрепленные позиции, борьба с которыми возможна при сочетании разных калибров и систем артиллерийских орудий.

К полевой артиллерии пред'является требование большой подвижности и силы огня, достаточной для разрушения полевых укреплений, с одной стороны, и уничтожения живой силы противника,—с другой. Удовлетворить этим противуположным требованиям оказалось возможным только введением в полевой артиллерии нескольких систем орудий, образцы которых можно всегда подвести к двум основным типам—пушка и гаубица.

Для полевой артиллерии в бою могут представиться либо живые, либо мертвые цели; первые—в виде наступающих пехотных цепей, звеньев и групп, передвигающейся конницы, артиллерии, танков и пролетающих самолетов; вторые—в виде окопов, блиндажей, козырьков и прочих фортификационных построек и сооружений, в которых находит себе укрытие и защиту противник.

Живые цели характеризуются обыкновенно своею подвижностью, благодаря которой они сплошь и рядом являются скоропроходящими. Для поражения таких целей нужна быстрая пристрелка и переход на поражение; для получения действительных результатов снаряд должен иметь большую начальную скорость и давать возможно большее количество мелких осколков или пуль, которыми можно было-бы с большей вероятностью захватить цель и нанести ей быстрое и наибольшее поражение.

Мертвые цели, по своей природе, неподвижны, прикреплены к месту и представляют собой либо тонкие линии окопов, либо небольших размеров прочные фортификационные постройки.

Для поражения этих целей нужна совершенно точная пристрелка, поскольку таковую допускает данный образец артиллерийского орудия, и методичный обстрел самой цели с наблюдением результатов каждого отдельного выстрела. Прочные фортификационные постройки и земляные укрепления можно уничтожить только фугасными, достаточной мощности, снарядами.

Из природы и свойств представляющихся в боевой обстановке целей и вытекает явная необходимость иметь на вооружении армии два рода орудий—пушки и гаубицы.

Только сравнением баллистических свойств тех и других можно получить известные определенные выводы и заключения о способах целесообразного использования каждого образца орудий.

У нас почему-то принято считать, что чем большую начальную скорость имеет орудие, тем оно обладает большей меткостью стрельбы. Это мнение—одностороннe и ошибочно; происходит оно от того, что некоторые артиллеристы не отличают меткости орудия от меткости стрельбы: результатом путаницы понятий является неправильное пользование орудиями.

Меткость стрельбы зависит от свойств цели; она будет меняться с изменением цели; но меткость орудия есть свойство постоянное для каждого орудия.

Для наглядного примера сравним цыфровые данные, вычисленные по таблицам стрельбы и выражающие меткость стрельбы двух типичных орудий одного и того же калибра—6 дм. пушки 120 пуд. и 6 дм. пушки Канэ; первое из них представляет тип гаубицы, второе—пушки.

Начальные скорости этих орудий разнятся почти вдвое, а относительная длина—в полтора раза.

6 дм. пушка 120 п. —— нач. скор. $V_0 = 1400'$

6 дм. пушка Канэ —— нач. скор. $V_0 = 2600'$

Вычисленная по таблицам меткость стрельбы

	для 6 дм. 120 пуд.	для 6 дм. Канэ.
М. С. по вертик. цели	= 0,56	2,2
М. С. по горизонт. цели	= 0,09	0,08

Сравнивая вычисленные величины, видим, что при стрельбе по цели вертикальной орудие Канэ почти в четыре раза выгоднее 6 дм. пушки в 120 пуд. (2,2 : 0,56).

Меткость стрельбы по горизонтальной плоскости у обоих орудий почти одинакова (0,08 и 0,09).

Если же сравнить меткость стрельбы обоих орудий по узкой и длинной горизонтальной площади (окоп), когда боковое отклонение не имеет значения, то сравнительная меткость стрельбы по такой цели определится следующим отношением:

$\frac{\text{6 дм. пушки 120 п.}}{\text{Пушки Канэ}} = \frac{1/4}{1/8,2} = 2,05$, т. е. меткость стрельбы по окопам из 6 дм. пушки 120 пуд. будет в 2 раза больше, чем из пушки Канэ.

Следовательно, при стрельбе по вертикальным целям выгодно пользоваться орудием Канэ; при стрельбе по узким длинным целям на горизонтальной плоскости (окоп в виде канавы) гораздо выгоднее пользоваться 6 дм. пушкой 120 пуд.

Меткость любого орудия выражается в малых отклонениях траекторий отдельных снарядов от средней траектории.

Вычисленные по табличным данным:
меткость 6 дм. орудия 120 пуд. = 0,56,
меткость орудия Канэ . . . . . = 1,7.

Орудие Канэ втрое метче 6 дм. пушки в 120 п., за то последняя почти втрое легче орудия Канэ; кроме того, 6 дм. пушка 120 п. дает меткость стрельбы по окопам в 2 раза большую, чем орудие Канэ.

Разобранный пример выясняет разницу между пушкой и гаубицей при ударной стрельбе по окопам и вертикальным целям.

Чем настильнее траектория, т. е. чем больше скорость шрапнели в момент разрыва, тем больше глубина поражения ее пуль. Так как расчитывать на вполне точную пристрелку не всегда возможно, то глубина поражения, которая является следствием настильности, играет при стрельбе шрапнелью важную роль.

Пехота, учитывая большую настильность современных полевых пушек, принуждена была отказаться от прежних глубоких строев и перейти к тонким линиям, параллельным и перпендикулярным фронту, эшелонируя их в глубину на достаточное расстояние друг от друга, чтобы шрапнельные пули легкой пушки, смертоносность которых свыше 100 саж. от точки разрыва шрапнели, поражающие первую линию, не наносили поражения следующей.

Отличительное свойство гаубичной траектории—небольшая, в сравнении с пушкой, начальная скорость и, как прямое следствие этого, более крутой угол падения, чем у пушки.

Гаубичная шрапнель обладает меньшей настильностью, пули ее меньшей поступательной скоростью, меньшим поэтому разлетом в дальности и значительно большим углом падения, с величиной наклона до $^1/_1$.

При одном и том же весе с пушкой, гаубица имеет калибр значительно больший, чем пушка, так как относительная длина ее, выражающаяся числом калибров, значительно меньше длины пушки. Раз калибр орудия больше, значит внутри бомбы можно поместить больше взрывчатого вещества и внутри шрапнели—больше пуль.

Так как траектория гаубицы менее настильна, чем траектория пушки, и наклон крайних пуль снопа более крут, то и самая площадь рассеивания пуль в глубину раза в 2—3 меньше, чем у пушки; в добавок к этому, на меньшую площадь, осыпаемую снопом шрапнельных пуль, ложится большее количество пуль, так как гаубичная шрапнель имеет пуль вдвое больше, чем пушечная. Насыщенность площади, на которой ложатся шрапнельные пули и вероятность поражения тонкой цели, по которой направлен шарапнельный огонь гаубицы, ввиду этого несомненно возрастут.

В пересечении с поверхностью земли конус разлета пуль дает подобие эллипса, сильно вытянутого по направлению стрельбы. Размер эллипса A_1B_1 зависит главным образом от наклона траектории; чем круче наклон траектория (48 лин. гаубица), тем размер эллипса меньше.

Внутри эллипса пули распределяются неравномерно: $^1/_2$ пуль в небольшом участке A_1ДЕ и вторая половина—в значительно большем

участке ДВ₁Е; за пределом прямой СС₁ (предел смертоносности) пули надо считать уже безвредными (см. чер. 1).

Цифры, характеризующие наклон нижних пуль, дают возможность судить о протяжении безопасного от шрапнельных пуль пространства при данной высоте закрытия.

Напр., наклон нижних пуль на дист. 1500 саж. для 3 дм. пушки=$^{1}/_{4}$, для 48 лин. гаубицы—$^{1}/_{1,5}$; таким образом, закрытие высотой в 2 фт. дает безопасное пространство от шрапнели:

3 дм. скорострельной пушки—2'×4=8'.

48''' гауб. при заряде в 5 пучков—2'×1,5=3', т. е. лежащий за таким закрытием стрелок находится в полной безопасности лишь от шрапнельных пуль 3 дм. полевой скорострельной пушки (см. черт. 2).

Шрапнельный огонь по скату местности, обращенному к противнику, наклон которого равен наклону средней траектории, будет наиболее действителен; разнообразие горения трубок будет отзываться только на интервалах разрывов. Если наклон ската больше наклона средней траектории, то разрывы, по мере их удаления от гребня, т. е. удлинения трубки, будут получаться все более и более высокими.

Пушки, как орудия стреляющие одним зарядом, т. е. имеющие одну отлогую траекторию, могут обстреливать скат только до определенного небольшого угла его наклона и, чем меньше дистанция, тем наклон ската, который пушки могут обстреливать, будет меньше.

Гаубица может обстреливать скаты разного наклона до 30°, независимо от дистанции, для чего придется только менять величину заряда.

Если, положим, на дистанцию 1500° желаем получить более крутую траекторию, уменьшим для этого боевой заряд. Уменьшение заряда, при условии оставления прежнего угла возвышения, вызовет уменьшение дальности; чтобы восстановить прежнюю дальность—1500° необходимо увеличить угол возвышения, а с увеличением последнего увеличивается и угол падения снаряда, т. е. наклон траектории.

Таким образом, шрапнельный огонь гаубицы выгоден в гористой местности, для обстрела крутых скатов, за которыми неприятель может держать поддержки и резервы (черт. 3), когда шрапнель легкой пушки совершенно бессильна.

Если бы неприятель не делал окопов с блиндажами, не старался укрыться в складках местности, за крутыми скатами и не строил бетонных фортов, то полевые пушки удовлетворили-бы всем требованиям, пред'являемым артиллерии, погоня за большим калибром и снарядами с сильным фугасным действием была-бы совершенно излишня.

Но меры, предпринимаемые неприятелем для обеспечения от огня пушек, вызвали необходимость увеличения калибров и введения фугасных снарядов.

Если войска прикрыты спереди насыпью или козырьком, то шрапнельный огонь, даже гаубиц, будет мало действителен; чтобы сделать его более действительным, надо сначала уничтожить закрытия.

Гаубица должна сперва разбить закрытия фугасными снарядами, открывая войска, и дать этим возможность поражать их шрапнельным огнем. Шрапнельный огонь полевые гаубицы ведут в редких случаях, главный снаряд их—фугасная бомба—85% боевого комплекта.

Разрушительная сила фугасных снарядов зависит не только от количества взрыввещества, в них заключающегося, но в значительной степени и от угла падения самого снаряда; для хорошего действия этих снарядов угол падения должен быть 30° и более.

Полевая пушка, обладающая большой скоростью, не в состоянии дать такого угла падения, при котором ее фугасный снаряд (граната) мог бы достаточно углубиться в землю, не говоря уже о том, что количество тротила, мелинита или другого взрыввещества, заполняющего внутренность гранаты, недостаточно для производства желательного фугасного эффекта. Воронка 3 дм. гранаты в среднем грунте не превышает 1½′ в диаметре и 1′ в глубину.

48 лин. бомба весом 56 фн., падающая под углом около 30°, проникает в среду, которую встречает на своем пути на значительную глубину и, благодаря достаточному количеству тротила внутри, производит огромное разрушительное действие.

Воронка от 48‴ бомбы в среднем грунте земли достигает 5—6 фт. в диаметре и 4—4½ фт. глубины. Кирпичные покрытия до 4′ толщиной пробиваются 48‴ бомбой без труда, и фотификационные сооружения полевого типа 48‴ бомбами могут быть уничтожены, при условии ведения точной пристрелки и методичной стрельбы.

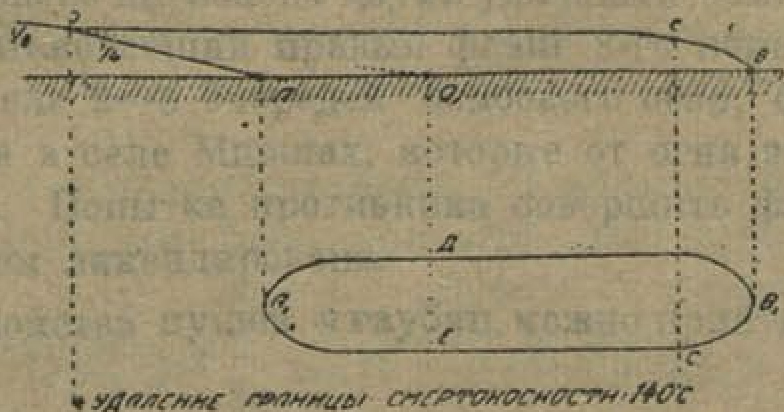
Эффект разрыва 48‴ тротиловой бомбы производит на пехоту противника огромное моральное впечатление. 26 августа 1914 г. у дер. Вишня, верстах в 25 западнее Львова, австрийцы повели настойчивые атаки на наши окопы. Несмотря на жестокий шрапнельный огонь 8 орудийной легкой батареи, австрийцам удалось выбить нашу пехоту из окопов. Цепи противника, захватив линию наших окопов, продолжали быстрое движение вперед, в направлении на поддерживавшую губительный шрапнельный огонь легкую батарею.

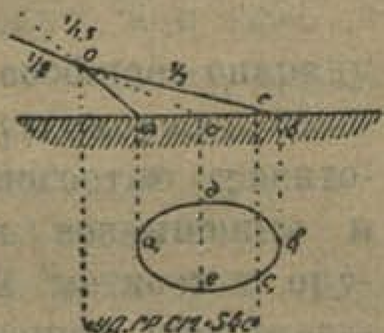
Наша пехота открыла фронт перед своей батареей; сильные потери от шрапнельного огня легкой батареи, продолжавшей стрельбу с маскированной позиции на дистанцию 400—500 саж., не в состоянии были остановить энергичного наступления противника. Частичный успех его грозил принять значительные размеры и превратиться в тактический прорыв, с потерей, быть может, артиллерии захваченного противником участка.

Командир гаубичной батареи, занимавшей позицию в 200 с. левее легкой батареи, открыл огонь по наступающим цепям австрийцев бомбой.

Австрийцы, перед которыми неожиданно с оглушительным треском стали разрываться полуторапудовые 48‴ тротиловые бомбы,

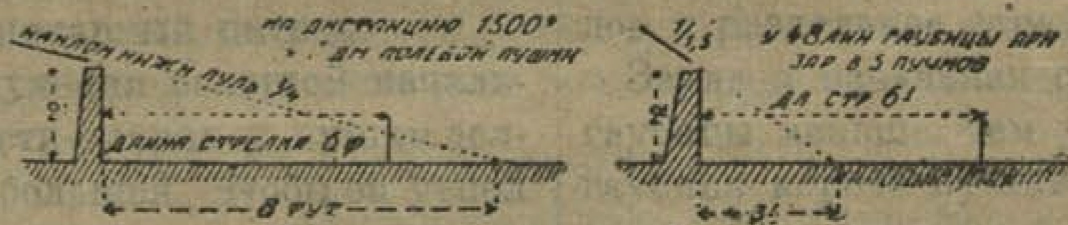
Приложение к стр. 115.

ЧЕРТЕЖ №.

ВИД СБОКУ.

ЧЕРТЕЖ 2.

не выдержали и моментально повернули назад, ища спасения в ближайшем лесу. Двенадцатью гаубичными бомбами удалось восстановить положение.

В тех же боях, в стыке 8 и 12 корпусов у сел. Мшаны, гаубичная батарея 12 мортирного дивизиона двумя удачными бомбами остановила целый батальон, атаковавший правый фланг 8-го корпуса. Батальон залег, а затем, после 2—3 очередей бомбового огня, был обращен в бегство и скрылся в селе Мшанах, которые от огня этой же батареи вскоре загорелись. Попытка противника совершить фланговый охват была таким образом ликвидирована.

Сравнивая свойства пушек и гаубиц, можно прийти к следующим выводам:

3 дюйм. полевая пушка.

Полевая пушка сообщает снаряду большую начальную скорость, обладает большой отлогостью траектории (малый угол возвышения и падения), большой меткостью орудия, большой глубиной шрапнельного поражения.

3'' полев. пушки нач. скорость=1930,
48''' полев. гаубицы " =900.

Пушка имеет один постоянный заряд и унитарный патрон.

Для получения большой начальной скорости—заряд у пушки должен быть большой. Чтобы он успел сгореть, пушка должна быть длинной; при одинаковом калибре, пушка раза в три тяжелее гаубицы.

Имея унитарный патрон, пушка обладает большой скорострельностью.

Главный снаряд пушки-шрапнель; фугасный снаряд—граната, является подсобным снарядом для стрельбы по мертвым целям.

Ввиду большой глубины поражения шрапнели, фланговые пози-

48''' полевая гаубица.

Гаубица сообщает снаряду скорость значительно меньшую, чем пушка; обладает крутой траекторией.

Меткость гаубицы значительно меньше меткости пушки, но меткость стрельбы по окопам у гаубицы вдвое больше, чем у пушки.

У гаубицы 5 различных зарядов и раздельное заряжание.

Заряд и начальная скорость у гаубицы меньше, чем у пушки; гаубица короче пушки.

	Вес снаряда.	Отн. вес заряда.	Отн. длина канала.	Вес орудия.
48''' гауб.	56 ф.	1/13	9 кал.	25 п.
3'' пушка	16 ф.	1/7	24 кал.	23 п.

При одинаковом весе орудия калибр гаубицы значительно больше.

Благодаря раздельному заряжанию, гаубица менее скорострельна.

Главный снаряд гаубиц, в связи с их специальным назначением—разрушать мертвые цели—фугасная бомба.

Фланговые позиции для гаубиц, ввиду меньшей глубины

ции для пушки дают большие выгоды, чем для гаубиц.	поражения, дают и меньшие выгоды. Подсобный снаряд у гаубиц—шрапнель.
Система огня пушки—обстреливание глубоких площадей и только с фланговых позиций обстреливание узких линий.	Система огня гаубицы—обстреливание линий и малых площадей.
Пристрелка и стрельба, по своей точности, более грубы; стрельба особой методичности не требует.	Стрельба более точная и методичная; пристрелка более тонкая.
Вес системы с полной укладкой=120 пуд.	Вес системы с полной укладкой=$134^1/_2$ пуд.

Итак, подводя конечные итоги, даже при беглом обзоре свойств и боевой работы пушки и гаубицы, невольно приходишь к заключению, что полевая гаубица, почти при одинаковой с полевой пушкой подвижности (вес всей системы гаубицы с укладкой на $14^1/_2$ п. тяжелее системы пушки), является орудием универсальным; может успешно решать любые боевые задачи, кроме обстрела быстро проходящих целей, и при выполнении решения дает результаты более быстрые и надежные, чем пушка, работа которой часто не достигает желательных результатов. Некоторую медленность раздельного заряжания гаубицы, ввиду отсутствия унитарного патрона, легко наверстать дружной работой хорошо обученных номеров; и в таких условиях гаубица может дать и давала в боевой обстановке до 5 выстрелов в минуту. При методичной стрельбе, которая, как общее правило, ведется гаубицей, такая скорость более, чем достаточна.

Пушка в полевой войне, повторяю, очень нужна, главным образом, для поражения целей скоропроходящих.

Так как при современной войне противник постарается использовать и местность и искусственные фортификационные сооружения в полном об'еме, артиллерия должна иметь достаточно надежных средств для того, чтобы нанести ему своим огнем действительное поражение, уничтожив сначала прикрытия, а затем обрушиваясь на его пехоту.

Такой огонь могут дать только гаубицы, поддержанные в необходимые моменты огнем пушечных батарей, дающих скорый и достаточно действительный шрапнельный огонь по целям скоропроходящим.

Таким образом, на вооружение полевой артиллерии необходимо поставить больше гаубиц и меньше пушек.

Две трети гаубиц и одна треть полевых скорострельных пушек — будет правильным соотношением полевых орудий. Это соотношение наблюдалось во время империалистической войны у немцев, и участ-

ники этой войны, я думаю, хорошо помнят, как преимущество калибров полевых орудий противника тяжело отражалось на нас не только в смысле значительных потерь, но и в моральном отношении, при неизбежном сознании преимущества артиллерии противника, обладающей большими калибрами и огромной мощностью стрельбы. Мощная гаубичная артиллерия—залог победы армии.

Е. Барсуков.

Очерк эволюции русской артиллерии во время мировой войны 1914—1917 г.г.

Предисловие.

Минувшая мировая война с полною очевидностью выяснила огромное значение техники. По мнению многих участников войны, решающая роль в современных боях принадлежит артиллерии, как главнейшей представительнице военной техники. Под впечатлением боевых действий артиллерии в маневренный период войны, уже в декабре 1914 года из бывшего штаба верховного главнокомандующего русских армий писали: „артиллерия начинает бой, артиллерия ведет бой и она же его кончает". В последующий длительный период позиционной войны роль артиллерии еще более возросла. Поэтому совершенно естественным является особый интерес к артиллерийским вопросам, замечаемый среди военного общества. Книга профессора французской военной академии Гаскуэна „Эволюция артиллерии во время мировой войны" возбудила общее внимание, затронув даже основные принципы военного искусства, считавшиеся незыблемыми.

Вышедший из печати сериозный труд известного нашего артиллериста *А. А. Маниковского „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г."*, к сожалению, незаконченный вследствие безвременной кончины автора, „Артиллерийские итоги войны", не менее известного артиллериста *Е. К. Смысловского*, целый ряд статей и заметок по артиллерийским вопросам других авторов—проливают свет на эволюцию нашей русской артиллерии.

Предлагаемая вниманию читателей работа является попыткой к выяснению, в общих чертах, того же назревшего вопроса—эволюции русской артиллерии во время мировой войны. К сожалению, наиболее ценные материалы по подготовке нашей артиллерии и боевой ее службе во время мировой войны, повидимому, погибли при ликвидации бывшего управления полевого генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем (УПАРТ'а); по крайней мере, в 1918 году их не оказывалось ни в архиве главного артиллерийского управления, ни в некоторых других военных архивах; большинство же других уцелевших документов еще не опубликовано и недоступно

для использования в этой работе. О многом приходится здесь говорить, как о пережитых событиях, еще не совсем изгладившихся в памяти, относясь к ним, быть может, не с должной об'ективностью и не без личного „я"—„всегда ненавистного", по словам Гаскуэна. Поэтому настоящая работа не может претендовать на принадлежность к категории научных военно-исторических трудов; она задается скромною целью—лишь ознакомить интересующихся военным делом с некоторыми данными и мыслями по поводу русской артиллерии, подвергнуть их всестороннему обсуждению и, в лучшем случае, послужить материалом для будущих историков гигантской мировой войны народов.

I. Артиллерия перед началом войны в 1914 году.

Организация.

Некоторые недочеты организации нашей артиллерии, как-то: громоздкость 8-ми орудийных батарей, нецелесообразная подчиненность артиллерии, отсутствие полевых легких мортирных батарей и проч.—сознавались давно, чуть ли не со времен русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. По крайней мере, с принятием на вооружение нашей полевой артиллерии 3 дм. скорострельной пушки в 1900 году, возник сериозный вопрос о необходимости реорганизовать 8-ми орудийные батареи, совершенно не соответствующие свойствам вновь вводимой скорострельной пушки, в более подвижные, гибкие и удобоуправляемые 6-ти орудийные или даже 4-х орудийные батареи. Большинство старших строевых начальников, запрошенных об осуществлении мероприятий, необходимых для поддержания артиллерии на высоте современных требований, высказалось за 6-ти орудийные батареи. Несмотря на это, бывший в то время военный министр генерал Куропаткин, ввиду того. что „столь крупный" новый ежегодный расход, как 3 миллиона рублей, при реорганизации полевой артиллерии в 6-ти орудийные батареи может послужить препятствием к разрешению других назревших вопросов, напр., установление чайного довольствия войск и проч., признал необходимым предварительно выяснить путем опыта сравнительные преимущества батарей уменьшенного состава и осенью 1902 года испросил повеление—временно остаться при 8-ми орудийных батареях.

Русско-японская война 1904—1905 г.г. резко подчеркнула несоответствие организации нашей артиллерии.

Для разрешения неотложной задачи реорганизации и усиления артиллерии согласно современным требованиям войны, при ГАУ, по инициативе тогдашнего генерал-инспектора артиллерии, образованы были две комиссии: одна, в начале 1905 года, еще до окончания войны с Японией, для пересмотра вооружения и организации бывших наших осадных артиллерийских полков; другая, весною 1906 года, для разработки новой организации полевой артиллерии, для определения

нормы боевого комплекта и для разрешения некоторых других вопросов, в связи с необходимой реорганизацией.

В отношении тяжелой артиллерии бывших осадных полков комиссия, в заключительном своем журнале от 25 мая 1905 года, высказалась, что ни одно из орудий осадных полков того времени не удовлетворяет современным требованиям, что необходимо заменить орудия новыми, обладающими соответствующими баллистическими и конструктивными данными и что, независимо от полков осадной артиллерии, необходимо иметь еще „армейскую" полевую тяжелую артиллерию из батарей 6 дм. гаубиц.

В отношении полевой легкой артиллерии решено было: перейти к организации 6-ти орудийных батарей, вместо 8-ми орудийных; батареи свести в дивизионы, придав этим последним назначение тактических единиц; оставить организацию артиллерийских бригад, подчинив их во всех отношениях начальникам дивизий; на каждый корпус нормального состава, из двух пехотных дивизий, иметь 21 легкую и 2 мортирные 6-ти орудийные батареи, а всего 138 орудий на корпус, вместо имевшихся 108 орудий (96 пушек и 12 гаубиц).

На основании указанных соображений, в ГАУ, в том же 1906 г., был составлен перечень расходов на новые мероприятия по реорганизации и усилению нашей артиллерии; в этот перечень внесены были, между прочим, расходы: на сформирование недостающих по новой организации 17 легких батарей с 3-дм. пушками, 90 мортирных батарей с 48-линейн. гаубицами и 31 полевой тяжелой батареи с 6-дм. гаубицами, на замену осадных тяжелых орудий устаревших образцов орудиями новейших систем и на другие мероприятия по усилению крепостной и осадной артиллерии.

В то время действовал, так называемый „предельный бюджет", военного министерства, устанавливаемый на каждые пять лет вперед, из которого возможно было получать ассигнования на новые мероприятия лишь при наличии свободных остатков от сумм, отпускаемых на покрытие текущих расходов. Таких остатков, обычно, не оказывалось, вследствие чего новые мероприятия не осуществлялись. На неоднократные доклады начальника ГАУ военному министру о необходимости приступить к усилению артиллерии, получался всегда один, неизменный ответ—„денег нет". Лишь с 1908 года, когда Государственная Дума 3-го созыва вошла в подробное обсуждение потребностей армии, начали проводиться в жизнь, и то в крайне ограниченных размерах, некоторые мероприятия по артиллерийской части из числа намеченных ГАУ.

В 1909 году Главное Управление Генерального Штаба приступило к разработке проэкта организации армии на новых началах; работа это велась настолько секретно, что даже не сочли нужным привлечь к ней постоянных представителей от ГАУ и только в редких случаях, при обсуждении специальных артиллерийских вопросов, иногда вызывались представители от ГАУ или от Управления генерал-инспектора артиллерии, в большинстве случаев—с правом совещательного голоса

в качестве консультантов. С 1910 года все дела по организации и мобилизации армии были сосредоточены в ГУГШ, а ГАУ было совершенно устранено от этих дел и обращено исключительно в довольствующий артиллерийский орган военного министерства, действующий лишь по заданиям ГУГШ, а всякая инициатива в области вопросов принципиального характера у ГАУ была отнята и за ним оставлена только область внутреннего хозяйства и узко техническая. Генерал-инспектор артиллерии, с своей стороны, много раз, начиная с 1909 г., настойчиво ходатайствовал о реорганизации артиллерии на основаниях проекта ГАУ 1906 года, докладывая о совершенной неудовлетворительности существующей организации, требующей безотлагательного переформирования батарей в 6-ти орудийные и увеличения общего числа батарей и орудий, но все ходатайства и доклады оставались „без движения". При этом указывалось на „недопустимость новых постоянных расходов", вызываемых реорганизацией артиллерии, на несогласие Министерства Финансов на отпуск новых кредитов и, наконец, на возложенную на мобилизационный комитет при ГУГШ задачу —разработать проект преобразования нашей армии с соблюдением следующих двух основных начал:

1) Новая организация должна быть осуществлена в пределах существующей численности армии и

2) преобразования не должны вызывать новых постоянных расходов.

Разумеется, что при таких условиях вопрос о реорганизации артиллерии оставался безнадежным, так как реорганизация неизбежно вызывала новые постоянные расходы и требовала увеличения контингента новобранцев.

Наконец, лишь в 1914 году, когда сгустились грозные тучи надвигающейся войны, ГУГШ получило разрешение законодательных учреждений на отпуск средств для усиления армии артиллерией. Но было уже поздно, и война в 1914 году застала нашу артиллерию с так называемой „куцей новой организацией 1910 года", мало чем отличавшейся от прежней организации времен Русско-Японской войны.

По этой „новой организации полевой артиллерии", утвержденной 16 мая 1910 года, послужившей основанием к составлению в ГУГШ „мобилизационного расписания 1910 года", наша полевая артиллерия подразделялась на легкую и конную, горную и конно-горную, мортирную и тяжелую. Легкие и горные батареи оставлены были 8-ми орудийными, конные и мортирные—6-ти и тяжелые—4-х орудийными. Батареи по две и по три сводились в дивизионы, причем легкие дивизионы сводились по два в артиллерийскую бригаду, подчиненную через командира бригады начальнику дивизии, остальные дивизионы в артиллерийские бригады не сводились и подчинялись: конные дивизионы—начальникам соответствующих кавалерийских дивизий, мортирные—командирам корпусов через инспекторов артиллерии корпусов; полевые тяжелые дивизионы придавались, в мере надобности,

корпусам или армиям; большинство горных батарей и дивизионов приданы были артиллерийским бригадам.

Хозяйство, по новой организации, оставлено было в батареях, за исключением некоторых немногих самостоятельных дивизионов, в которых, в виде опыта, хозяйством ведало управление дивизиона. Поэтому командиры батарей, перегруженные ответственными заботами о процветании батарейного хозяйства, не всегда могли справляться с главнейшими своими обязанностями по боевой подготовке батарей и непосредственному техническому управлению огнем батарей в бою. Командиры дивизионов, не занятые хозяйством, могли руководить батареями в тактическом и техническом отношениях. Командиры артиллерийских бригад, по положению, являлись ответственными, главным образом, в административно-хозяйственном отношении и, в сущности, не могли ни руководить боевой подготовкой подчиненных им артиллерийских частей, ни тем более управлять ими в бою. Инспектора артиллерии корпусов не имели в своем подчинении артиллерийских частей, за исключением некоторых мортирных дивизионов, и, не будучи начальниками, не могли сколько-нибудь сериозно вмешиваться в руководство боевой подготовкой и боевыми действиями артиллерийских частей корпусов, не вызывая нежелательных „трений" с начальниками дивизий, которым эти части были подчинены. Роль их сводилась, в большинстве случаев, к малозначущей инспекции артиллерийских частей в специальном техническом отношении и лишь в редких условиях благоприятного персонального сочетания лиц, поставленных во главе корпуса и в должности инспекторов артиллерии, эти последние могли оказывать сколько-нибудь существенное влияние на подготовку и боевую работу артиллерии корпуса.

По организации 1910 года—особой корпусной артиллерии у нас не было, если не считать по одному 2-х батарейному мортирному дивизиону на корпус; полевой тяжелой артиллерии было весьма немного; что же касается тяжелой артиллерии позиционного характера, с орудиями свыше 6-дм. калибра или стреляющими на дистанцию свыше 10 верст, то такой артиллерии и не предполагалось организовать, так как участие ее в маневренных боях, в рядах полевых войск, не предвиделось. Насколько известно, мы предполагали вести наступательную войну. Поэтому противники создания сверх-тяжелой артиллерии не без основания рассуждали, что такая артиллерия, вследствие ее тяжести и громоздкости тыла, свяжет маневренные действия полевых войск, да и не понадобится в маневренной войне, где отсутствуют укрепленные позиции; если же при наступлении вглубь неприятельской страны наша армия встретила бы преграды в виде крепостей и других опорных пунктов, то для разрушения их возможно было бы подвезти тяжелую артиллерию осадных полков или взять ее из наших крепостей, которые, оставаясь в тылу, не угрожаемыми со стороны противника, не нуждались бы в сильном вооружении. Мысль эта разделялась большинством военных того времени и законодательными учреждениями; в особенности охотно поддерживало эту мысль Мини-

стерство Финансов, так как при этом не требовалось новых ассигнований на формирование сверх-тяжелой артиллерии. Но, к сожалению, в жертву финансовых расчетов приносились попутно соображения и чисто боевые: упускалось из виду, что артиллерия наших крепостей и осадных полков, вооруженная устаревшими орудиями, не отвечала современным требованиям и что на замену несоответствующих старых орудий новыми необходимы были сверхсметные крупные кредиты.

Ко времени составления мобилизационного расписания 1910 г., военное воздухоплавание было в зачаточном состоянии и не представляло ничего угрожающего, поэтому организация какой-либо противоаэропланной артиллерии даже не намечалась. К 1914 году положение изменилось и приходилось уже задумываться о средствах борьбы с военным воздушным флотом, но кроме заказа в 1914 году первой партии 12-ти противоаэропланных (зенитных) пушек, ничего более предпринято не было, и война захватила нас в этом отношении в стадии „разработки и испытания“.

Создавать специальную „полковую“ артиллерию для сопровождения пехоты при атаке не предполагалось, хотя многие сознавали невозможность выполнения этой задачи для легкой нашей артиллерии, вооруженной слишком тяжелой для этого пушкой; надеялись, что умение скрытно маневрировать, меткость и дальнобойность пушки возместят ее малоподвижность. Кроме того, некоторыми возлагалась надежда на конную артиллерию, которая могла бы в маневренных боях, пользуясь большею ее подвижностью, под прикрытием конницы неожиданно появляться на флангах противника и поражать его продольным огнем, что, при меткости пушки и настильности ее траектории (ничтожное рассеивание в стороны—около 10—15 саж.), позволяло подвести атакующую пехоту почти вплотную к противнику. Наконец, горная наша артиллерия, ввиду легкости ее пушки, действительно могла с успехом выполнить задачу сопровождения пехоты, так как при весе пушки с лафетом всего в 20—38 пудов *) она могла быть перетащена даже на руках. Но, возлагая надежды на конную и горную артиллерию, закрывали глаза на действительность: во 1-х, при чрезвычайной обширности возможного театра войны—ничтожное количество имеющихся у нас конных и, в особенности, горных батарей (84 конных и 45 горных), во 2-х—неспособность нашей конной артиллерии к быстрому маневрированию на больших пространствах.

Что же касается специальной „траншейной“ артиллерии с бомбометами и минометами, то об этом „суррогате артиллерии“ до войны 1914 года не было и речи.

Число действующих орудий.

При расчетах числа орудий для вооружения нашей армии, до мировой войны, т. е. до 1914 года, обычно придерживались нормы Наполеоновской эпохи: 4—5 орудий на тысячу штыков или сабель. Базируясь на принципах наступательной войны, крайне опасались

*) 3—дм. горная, обр. 1909 г.—38 пуд., 3 дм. горная обр. 1904 г.—20 пуд.

„перегрузить“ армию артиллерией, связать ее тыл массою требующихся для артиллерии тяжелых боевых припасов, сделать ее малоподвижною и неспособною к активным действиям. Но количество артиллерии в нашей армии не достигало даже указанной нормы и к началу мировой войны составляло на тысячу бойцов не более 3 действующих полевых орудий всех родов—легких, конных, горных, гаубиц, полевых тяжелых; на корпус из двух дивизий попрежнему имелось лишь 108 полевых орудий (96 пушек и 12 гаубиц).

По мобилизационному расписанию 1910 года, в нашей армии должно было состоять:

а) 685 полевых легких 8-ми орудийных батарей—3-дм скоростр. пушек . . . . 5480.

б) 72 конных 6-ти орудийных и 5 конных 4-х орудийных батарей—3-дм. скорострел. пушек 452

в) $45^1/_4$ горных 8-ми орудийных батарей, 3-дм. горных скоростр. пушек . . . . 362.

г) 7 конно-горных 6-ти орудийных батарей, 3 дм. горных скоростр. пушек . . . . 42.

д) 85 мортирных 6-ти орудийных батарей—48-лин. скорострел. гаубиц . . . . 512.

е) 41 полевая тяжелая 4-х орудийная батарея—6-дм. скорострельных гаубиц . . . . 164.

ж) 19 полевых тяжелых 4-х орудийных батарей—42-лин. скоростр. пушек . . . . 76.

Всего 959 батарей при 7088 орудиях разных образцов.

Мобилизационное расписание, как и вопросы преобразования армии, разрабатывалось в ГУГШ без участия ГАУ, которое даже не посвящалось в ход работ по специально артиллерийской части. Как уже упоминалось, ГУГШ привлекало иногда представителя ГАУ для обсуждения некоторых артиллерийских вопросов общего характера, но действовало совершенно самостоятельно и независимо от ГАУ, не учитывая многого и в том числе главнейшего элемента—времени, необходимого на изготовление материальной части, недостающей для вооружения батарей, включенных в мобилизационное расписание.

В результате, расписание оказалось работой в значительной мере „академического“ характера, так как в случае мобилизации, не только в 1910 году, но и в позднейшие 3—4 года, мы не в состоянии были бы вооружить всю артиллерию, включенную в расписание, за недостатком орудий и прочей материальной части. До нормы мобилизационного расписания в 1910 году не хватало орудий: на 1 полевую легкую батарею, на 6 горных батарей, на 56 мортирных и на все 60 полевых тяжелых батарей. Кроме того, не хватало материальной части для образования необходимого запаса военного времени, о чем еще будет сказано. ГАУ 25 мая 1910 года доложило военному министру, что „боевую готовность нашей армии по мобилизационному расписанию 1910 года в отношении артиллерии нельзя считать обеспеченной, так как до заготовления недостающей материальной

части нельзя будет сформировать все включенные в расписание артиллерийские части и что особые затруднения предвидятся в снабжении армии полевыми тяжелыми орудиями, так как после утверждения образцов их потребуется на изготовление около 3 лет, а потому проектируемая тяжелая артиллерия будет у нас не ранее 1915 или 1916 года".

Однако, принятыми со стороны ГАУ мерами, удалось достигнуть того, что в течение последующих около четырех лет, к началу войны, вся недостающая артиллерия была изготовлена, за исключением горных пушек на 3 батареи и 48 лин. гаубиц на 5 батарей, которые были изготовлены к средине октября 1914 года. Таким образом, возможно считать, что войну мы начали, имея всю артиллерию, положенную для обеспечения армии по мобилизационному расписанию 1910 года. По тому же расписанию, наша армия при приведении на военное положение могла иметь не свыше 4-х миллионов вооруженных ружьями бойцов и, следовательно, на каждую тысячу бойцов приходилось (7088:4000) приблизительно по 2 орудия и, во всяком случае, не более 3-х. По количеству полевой артиллерии мы оказались к началу войны чрезвычайно слабыми; даже по сравнению с Наполеоновской эпохой—слабее почти вдвое, не говоря уже о количестве артиллерии, имевшейся в 1914 году у наших бывших противников. По некоторым сведениям, немцы к началу войны имели по 5,2 орудия на 1000 штыков, т. е. немного более Наполеоновской нормы и вдвое больше, чем мы.

Начиная с 1908 года, наш военный агент в Берлине, ген. Михельсон доносил о чрезвычайном увеличении германских вооруженных сил и, в особенности, артиллерии, а в 1909 и 1910 годах он представлял в ГУГШ даже боевые расписания войск Германии. Достаточно определенные сведения имелись в ГУГШ и об Австро-Венгерской армии. По данным ГУГШ, ко времени войны в 1914 году на пехотную дивизию приходилось следующее количество артиллерии:

в Германии—12 полевых легких 6-ти орудийных батарей (в том числе 1½ легких гаубичных батарей) . . . . 72 ор.
2 полевых тяжелых 4-х орудийных батареи . . . . 8 ор.

Всего 14 батарей при 80 орудиях.

В Австро-Венгрии—6 полевых пушечных 6-ти оруд. батареи 36 ор.
2 легкие гаубичные 6-ти орудийные батареи . . . . 12 ор.
1 тяжелая гаубичная 4-х оруд. батарея . . . . 4 ор.
½ горной батареи . . . . 2 ор.

Всего 9½ батарей при 54 орудиях.

Между тем, у нас на каждую пехотную дивизию было 6 легких 8-ми орудийных батарей и 1 мортирная 6-ти орудийная батарея, всего 7 батарей с 54 орудиями. Таким образом, на каждую пехотную дивизию у нас было вдвое меньше батарей, чем в Германии и на 2½ батареи меньше, чем в Австрии, при тех же 54 орудиях, но в число этих 54 орудий в Австрии входили тяжелые гаубицы.

По сведениям Гаскуэна („Эволюция артиллерии во время мировой войны") в германской дивизии состояло 9 легких пушечных 6-ти орудийных батарей и 3 легких гаубичных 6-ти орудийных батарей, всего 12 батарей с 72 орудиями; и по этим сведениям, германская дивизия обладала почти вдвое сильнейшей артиллерией по сравнению с нашей дивизией.

По количеству тяжелой артиллерии Германия превосходила нашу армию в несколько раз. По данным, имевшимся у ГУГШ—к 1 января 1914 г. германская тяжелая артиллерия состояла из 381 батареи при 1396 орудиях, в том числе 100 полевых тяжелых батарей с 400 орудиями и 281 батарея осадного типа с 996 тяжелыми орудиями.

По сведениям Гаскуэна, германская тяжелая артиллерия была при корпусах—16 тяжелых 150 м.м. гаубиц на корпус и при армиях—различное число групп, вооруженных частью 210 м.м. мортирами частью длинными 10, 13 и 15 сантим. пушками, всего же насчитывала приблизительно 1000 тяжелых 150 м. м. гаубиц и 1000 тяжелых 210 м. м. мортир и длинных пушек, пригодных для полевой войны. По тем же сведениям в германской артиллерии при дивизиях состояло всего около 1500 легких 105 м. м. гаубиц. Между тем, на вооружении нашей армии было лишь 512 легких 48 лин. гаубиц, т. е. втрое меньше, чем у немцев, и 240 полевых тяжелых орудий, т. е. в четыре раза меньше, а тяжелой артиллерии осадного типа, которую возможно было бы использовать в полевой войне, по мобилизационному расписанию 1910 года вовсе не предусматривалось. В отношении легких гаубиц и тяжелой артиллерии мы уступали даже австрийцам, у которых к 1914 году имелось на вооружении армии 944 легких гаубиц и 506 разных тяжелых орудий, пригодных для полевой войны, т. е. почти вдвое больше, чем у нас.

Таким образом, в отношении вооружения армии артиллерией мы пренебрегли принципами военного искусства и заветами Наполеона—„не уступать в вооружении противнику". И хотя, ввиду союза с Францией, мы не предполагали без ее участия вести войну с Германией и Австрией один на один, но все же нам следовало учесть во 1-х то обстоятельство, что, даже при направлении на западный фронт против Франции большей части своих сил, Германия с Австрией все же были бы значительно сильнее нас в артиллерии и во 2-х—то, что бывшая наша союзница—Франция так же, как и мы, имела слишком мало тяжелой артиллерии—лишь около 300 тяжелых запряженных орудий; как и у нас, во Франции тяжелая артиллерия к началу войны в 1914 году была в зачаточном состоянии—лишь при армиях, а при дивизиях и при корпусах ее вовсе не было.

Интересно сопоставить общее число батарей и орудий, какое оказалось в 1914 году на вооружении армий России и Франции с одной стороны, Германии и Австрии—с другой. Всего, за округлением цифр, состояло к началу мировой войны:

Название государства.	Общее число батарей.	Общее число орудий.
Россия	959	7088
Франция*)	1075	4300
Итого . . .	2034	11388
Германия**)	1713	9388
Австрия	785	4088
Итого . . .	2498	13476

Таким образом, не только мы, но и бывшие наши союзники—французы, не мало кичившиеся своей артиллерией, готовились к войне далеко не предусмотрительно и оказались к началу войны, по количеству артиллерии, значительно слабее своих противников—немцев.

Французы, будучи, как и мы, приверженцами исключительно наступательной тенденции, недостаточно учитывали то громадное „значение, которое суждено было приобрести артиллерии, технике и машинизму в последней войне" ***) и главное свое внимание сосредоточили на полевой легкой артиллерии, закон о чрезвычайном усилении которой (на 50%) французский парламент принял еще в начале 1909 года и даже „вопреки мнению многих офицеров генерального штаба и строевых офицеров всех родов оружия" ***)

Мы же—русские, во многом разделяя взгляды французов, однако не последовали за ними в отношении увеличения полевой легкой артиллерии, несмотря на жестокие уроки японской войны и неоднократные заявления генерал-инспектора артиллерии о настоятельной необходимости реорганизации и усиления нашей артиллерии. Как уже упоминалось, только в начале 1914 года ГУГШ, закончив разработку большой программы усиления армии, вошло с запоздалым представлением в Государственную Думу об отпуске средств на усовершенствование обороны государства. В этом представлении наибольшее место отводилось усилению артиллерии, „устарелые начала устройства" которой, требующие „коренного ее преобразования", наконец признаны были ГУГШ; „усиление" должно было заключаться, „как в создании новых артиллерийских частей, так и в увеличении числа батарей и орудий в артиллерийской бригаде", что проектировалось много лет раньше двумя комиссиями при ГАУ—одной в 1900 году, при начале перевооружения нашей артиллерии скорострельными

*) По данным Гаскуэна.

**) По данным ГУГШ, а по Гаскуэну—около 1710 батарей при 8500 орудиях.

***) В ковычках слова Гаскуэна.

пушками, другой—по окончании войны с Японией в 1906 году, под председательством генерал-инспектора артиллерии, а равно и мобилизационным комитетом в 1909 году, базировавшимся на выводах комиссии 1906 года. Этот неосуществившийся проект оказался уже устаревшим к началу войны в 1914 году, так как по проекту к каждой пехотной дивизии предполагалось придавать артиллерийскую бригаду из 9 полевых легких 6-ти орудийных батарей, 2 легких гаубичных 6-ти орудийных батареи и 1½ батареи полевой тяжелой артиллерии при 6 орудиях, всего 12½ батарей при 72 орудиях, тогда как к каждой германской дивизии в 1914 году уже придано было на 1½ батареи и на 8 орудий больше, чем по проекту.

Со стороны Государственной Думы, а затем верховной следственной комиссии на долю бывшего артиллерийского ведомства выпало много тяжких обвинений в слабом обеспечении армии артиллерией, запасами оружия, патронов, снарядов и проч. К этим обвинениям придется еще не раз возвращаться, но сделанный краткий очерк развития нашей артиллерии с 1900 по 1914 год дает достаточный материал для суждения о том, что само по себе ни бывшее артиллерийское ведомство, ни в значительной степени и вообще военное ведомство, было не властно своевременно усилить нашу армию артиллерией. Комиссия Государственной Обороны, образованная при Государственной Думе во главе с известным А. И. Гучковым, обладала всеми данными о слабости нашей артиллерии по сравнению с германской, знала все трудности получения кредитов на оборону от бывшего Министерства Финансов и все прочие, так называемые „междуведомственные“, трения и занималась лишь нападками на артиллерийское ведомство, упиваясь своими обличительными речами. Не даром сложилась народная молва, что Государственная Дума—„говорильня“, что она лишь „думу думала, а дела не делала“.

Материальная часть.

а) орудия и снаряды.

Важнейший вопрос государственной обороны—об установлении образцов вооружения, отвечающих современным требованиям войны, разрабатывался в нашей армии исключительно в бывшем артиллерийском комитете. Военный министр, его помощник, Военный Совет принимали в этом вопросе самое ничтожное участие и то лишь при разрешении ассигнований на расходы по разработке образцов. Что же касается Генерального штаба, в котором сосредоточена была вся осведомительная служба относительно иностранных армий и который по существу должен был бы ставить задания для артиллерийской техники, то с его стороны не только не было руководительства в разработке вопроса о вооружении нашей армии, но не было даже какого-либо участия в этом вопросе.

Еще за несколько лет до войны с Японией начались у нас опыты с образцами полевых скорострельных пушек и закончились

к 1902 году; принята была разработанная нашим Путиловским заводом пушка обр. 1900 г. с лафетом—сначала обр. 1900 г. с каучуковым накатником, а затем обр. 1902 г. с пружинным накатником. Перевооружение нашей полевой артиллерии этими пушками началось в 1900 и закончилось в 1909 году.

В 1904 году для перевооружения нашей горной артиллерии, получившей довольно сериозное значение во время войны с Японией, была спешно принята скорострельная горная пушка образца Обуховского завода, оказавшаяся не совсем удовлетворительной, а в 1909 г. горная скорострельная пушка системы Данглиз, разработанная французским заводом Шнейдер и К°.

Разработка образцов полевой гаубичной, полевой тяжелой и осадной тяжелой артиллерии началась с 1905 года, по окончании войны с Японией. Главная техническая работа была почти закончена к концу 1909 года, когда по просьбе ГАУ в комиссию по выбору образцов орудий был назначен представитель от ГУГШ. Проработав в таком составе с перерывами еще около 3 лет, комиссия в конечном результате остановилась на следующих образцах орудий для нашей артиллерии:

а) для полевой легкой гаубичной (мортирной)—48 лин. гаубица образца 1909 года.

б) для полевой тяжелой артиллерии—42 лин. скорострел. пушка обр. 1910 года и 6 дм. легкая полевая гаубица обр. 1910 года.

в) для осадной тяжелой артиллерии—6 дм. тяжелая крепостная гаубица обр. 1910 года.

6 дм. осадная пушка обр. 1910 года.

8 дм. осадная гаубица обр. 1911 года.

11 дм. осадная мортира образца 1912 года.

Как уже приводилось выше, к началу мировой войны в 1914 г. в войсках состояли полностью 48-лин. и 6-дм. легкие гаубицы и 42-лин. пушки, положенные по мобилизационному расписанию 1910 г. для нашей полевой артиллерии. Из орудий осадной тяжелой артиллерии к началу войны у нас имелись лишь единичные экземпляры: 4 осадных 6-дм. пушки и несколько 6-дм. тяжелых гаубиц, которых не стоит принимать во внимание при оценке состояния нашей артиллерии к началу войны. Остальные орудия, принятые для осадной тяжелой артиллерии, были частью заказаны, причем сдача первых изготовленных орудий ожидалась в 1915—1916 году, частью находились в периоде дальнейших испытаний с целью усовершенствования образцов.

Между прочим, на Березанских опытах, произведенных под личным руководством генерал-инспектора артиллерии в 1912 году, выяснилось, что несмотря на большое могущество 11-дм. мортиры обр. 1912 г., всетаки это орудие не может дать решительных результатов в отношении разрушения наиболее сильных современных укреплений, сооруженных с применением стали-бетона, и что для

этой цели необходимо ввести на вооружение нашей осадной артиллерии 16-дм. мортиры.

Разработка такой мортиры поручена была в 1913 году французскому заводу Шнейдера и конечно не могла поспеть к войне (хотя, по донесению нашего приемщика от 3 ноября 1914 года, мортира эта оказалась в такой степени готовности, что была спешно закончена, положена на упрощенный лафет, подобный железнодорожному лафету знаменитой 16,5-дм. германской гаубицы, и в таком виде отправлена в действующую армию, но ею не получена.

Следовательно, не одни немцы, но и мы, в лице бывшего артиллерийского ведомства, еще задолго до войны, „ясно представляли значение крупных калибров“ и принимали зависящие меры для выработки образцов наиболее совершенных и мощных сверхтяжелых орудий. Но при царящих в то время „ведомственных порядках“ (правильнее сказать—„непорядках“), мы не были предусмотрительны во многих других отношениях, в значительной степени зависили от заграничных заводчиков (главным образом—от французского завода Шнейдера и английского завода Виккерса) и не могли знать многого по артиллерийской технике, что было у иностранцев вообще и у немцев—в особенности. В этом отношении нашему артиллерийскому комитету приходилось довольствоваться литературой, данные которой по части технических артиллерийских вопросов, в особенности касающихся Германии, были крайне бедны, случайными сведениями, собираемыми командированными заграницу артиллерийскими офицерами и, наконец, донесениями наших военных агентов заграницей.

Имея в своем распоряжении на расходы по заграничным командировкам не молее 10000 руб. в год, ГАУ вынуждено было ограничиваться командированием лишь нескольких офицеров артиллерийской академии с научной целью, а также офицеров артиллерийского комитета, главного полигона и технических артиллерийских заведений с разными техническими целями и, отчасти, для практического усвоения иностранных языков. При таких командировках нельзя было рассчитывать на получение сколько-нибудь ценных сведений о новейших изобретениях артиллерийской техники заграницей, имеющих особо секретный характер. Подобные сведения получаются, как известно, путем тайной агентуры, не считаясь с большими расходами. Еще менее ценными были сообщения по артиллерийской части наших официальных военных агентов. Будучи, в большинстве случаев, офицерами генерального штаба, недостаточно знакомыми с современной артиллерией, ввиду чрезвычайной технической сложности ее материальной части, военные агенты часто давали совершенно негодный или малосоответственный материал для серьезного заключения по тому или иному специальному техническому артиллерийскому вопросу.

Ввиду полной неудовлетворительности подобного порядка осведомления, еще в январе 1910 года Военный Министр и Военный Совет, по представлению генерал-инспектора артиллерии, признали

необходимым назначить двух артиллерийских офицеров-техников в помощь военным агентам. Но ни в 1910 году, ни после, несмотря на вторичный доклад генерал-инспектора артиллерии в начале 1912 года, с обращением внимания на незначительность расхода—10760 зол. р. в год и серьезное значение меры, согласия Министра Финансов на осуществление этой меры не последовало до самой войны.

В нижеприводимых таблицах помещены данные об основных свойствах орудий и снарядов к ним, состоявших на вооружении полевой артиллерии нашей армии в 1914 году, а также имевшихся тогда же на вооружении полевой артиллерии наших бывших союзников—французов и противников—немцев. Рассмотрение этих данных приводит к заключению, что наша армия обладала (и обладает) наиболее мощной 3-дм. полевой легкой скорострельной пушкой обр 1902 г., несколько уступавшей французской 75м./м. пушке лишь в отношении скорострельности, но за то наиболее тяжелой и, следовательно, наименее подвижной. Наибольшая дальность нашей пушки, как и французской, 8 верст следует считать достаточной для полевого маневренного боя, так как наблюдение выстрелов 3-дм. пушки на дистанциях свыше 8 верст является для нормального глаза, в общем, затруднительным, даже при наличии хороших оптических приборов. Наибольшая дальность германской 77м./м. пушки около 7 верст. а полевой австрийской пушки еще меньше—для гранаты около 6, а для шрапнели лишь около 5 в.

Но, к сожалению, в начале мировой войны мы не могли использовать в полной мере дальнобойность наших отличных 3-дм. полевых пушек, так как вышли на войну с 22 секундными дистанционными трубками, допускавшими стрельбу шрапнелью лишь на 2600 саж. вместо 3900 саж. (при 34 сек. дистанционных трубках), и с прицельными приспособлениями, допускающими стрельбу на предельную дистанцию лишь около 6 верст, вместо 8-ми (впрочем, по уровню возможно было гранатой стрелять на дистанцию до 8 верст). Причиной этого странного, как бы добровольного отказа от дальнобойности собственных пушек являлось отсутствие в 1914 году 34 сек. дистанционных трубок, проектирование которых в артиллерийском комитете шло весьма медленно и валовое изготовление, сложное и трудное в техническом отношении, запоздало. Медлительность в снабжении 34 сек. дистанционными трубками и в переделке прицельных приспособлений об'ясняется до некоторой степени недоверием нашей полевой артиллерии к действительности стрельбы на дальние дистанции, свыше 6 верст. Некоторые из наших, в то время весьма известных, артиллеристов, пользующихся авторитетом среди артиллерийского комитета, чрезвычайно увлекались французской артиллерией; с их легкой руки, а в данном случае, правильнее сказать,—с их тяжелой руки мы многое заимствовали у французов; между тем, как это подтверждает Гаскуэн в своем труде „Эволюция артиллерии во время мировой войны“, у французов „в 1914 году стрельба на большие дистанции была *осуждена, как ересь, и уставом и начальством*“ и в

мирное время французская артиллерия никогда в ней не практиковалась. Наша артиллерия весьма редко практиковалась в стрельбе на дистанции свыше 5 верст, считая такую стрельбу довольно бесцельной, излишней роскошью при скудном отпуске снарядов на практику. В результате такого заблуждения, наша артиллерия, как и французская, вышла на войну, не умея и даже не имея возможности стрелять на такие дальние дистанции, которые оказались неизбежными в боевых столкновениях и которые, по свойствам орудий, состоящих на вооружении артиллерии, были вполне достижимы.

Наша 3-дм. полевая пушка, при громадной начальной скорости ее снаряда—1930 фут. в секунду (у французов—1740 фт., у немцев 1525—1640 фт. в сек.) является самой меткой в мире, обладающей чрезвычайно отлогой (настильной) траекторией, что способствует увеличению площади поражения шрапнельными пулями и дает возможность почти не считаться с точностью пристрелки при стрельбе по открыто расположенным живым целям, а это очень сериозное преимущество в маневренной войне. Глубина смертоносного разлета пуль группы шрапнелей, выпущенных из нашей 3-дм. пушки на одну и ту же дистанцию около 2 верст, равна около 250 сажень; ширина смертоносной полосы разлета пуль—около 10 сажень; при этом поражаемое пространство будет иметь вид эллипсоида, вытянутого в направлении выстрелов, размерами около 2500 к. с. (около одной десятины). С увеличением дистанции глубина разлета шрапнельных пуль уменьшается и поэтому, напр., при стрельбе на 4 версты нужно израсходовать почти втрое большее число шрапнелей, нежели на 1 версту, чтобы получить те же результаты; но, ввиду большой скорострельности нашей 3-дм. пушки (10 выстрелов в минуту по оффициальным наставлениям, в действительности же скорострельность можно довести до 15 и более выстрелов в минуту), одного и того же результата возможно достигнуть в одинаково короткий срок, как на больших, так и на малых дистанциях. А известно, что моральное воздействие гораздо сильнее при внезапном и кратковременном поражении, чем при том же поражении, но наносимом при медленном огне—„через час по чайной ложке", к которому человек привыкает, как и ко всему другому, протекающему продолжительное время.

Число пуль в нашей 3-дм. шрапнели—260—меньше, чем во французской—290 и в германской—300 пуль; причем вес нашей шрапнельной пули, 2 1/2 золотника, легче французской—3 зол. и немного тяжелее германской—2 1/3 зол.; поэтому ввиду большой начальной скорости, пробивная способность наших и, в особенности, французских шрапнельных пуль сохраняется по вылете из стакана шрапнели дольше (на большую дистанцию), чем германских. Пули нашей 3-дм шрапнели ложатся неравномерно, но на всей поражаемой ими площади—в части ближайшей к стреляющему, гуще, дальше—реже. Если эллипсоид поражения пулями нашей шрапнели разделить поперечной полосой на две неравные части—ближайшей к стреляющему в 100 с. длиною, ближайшую к поражаемому—в 150 саж. длиною, то наиболее

сильное, кучное и равномерное поражение (как говорят, „хорошее“ поражение) сосредоточивается возле разделяющей полосы на пространстве, имеющем около 60 саж. в глубину и около 10 саж. по фронту (при стрельбе из одной пушки).

Вообще же, при большом числе выпущенных шрапнелей, что имеет место во время боя, возможно считать, что для всех дистанций стрельбы из 3-дм. пушки наша 8-ми орудийная легкая полевая батарея, с которой мы вышли на войну, могла образовать перед собою надежно поражаемую полосу смерти, глубиною около 60 саж. и шириною около 80 саж; вся же смертоносная площадь, поражаемая шрапнелью 3-дм. пушки, могла иметь при 8-ми орудийной батарее весьма внушительные размеры—около 250 саж. в глубину и около 100 саж. по фронту, т. е. около 25000 кв. саж. или более 10 десятин.

Действительно, как показал опыт японской войны и подтвердил еще более кровавый опыт мировой войны, действие нашей 3-дм. шрапнели по открыто расположенным или открыто двигающимся целям было ужасающим, не поддающимся описанию. Одна наша 8-ми орудийная легкая батарея могла в несколько минут буквально уничтожить неосторожно открывшийся для нее целый баталион пехоты или даже целый полк кавалерии.

Но, насколько могущественной является наша 3-дм. пушка при поражении шрапнелью открытых целей, настолько же—увы! она чрезвычайно слаба при поражении целей сколько-нибудь укрывшихся. Та же громадная начальная скорость и исключительная настильность траектории, обусловливающие необычайную силу 3-дм. пушки при поражении шрапнелью открытых целей, является источником крайней ее слабости—даже почти совершенной непригодности—для фронтального поражения целей закрытых. После разрыва шрапнели, пули, ввиду большой скорости их полета, продолжают лететь почти в направлении прежней отлогой траектории, причем линии полета их составляют с горизонтом весьма малые углы падения; и если на пути их встретится какая-либо преграда, то часть пуль попадет в преграду, другая часть пролетит выше преграды, причем самые нижние из них, зацепившие за гребень преграды, упадут за нею в расстоянии приблизительно равном высоте преграды, умноженной на 8, 6, 4, 3—соответственно дистанциям стрельбы в 500, 1000, 1500, 2000 саж. Пули, попавшие в преграду, в большинстве случаев совершенно безопасны для укрывшихся за нею, так как пробивная способность круглых шрапнельных пуль весьма слаба. Напр., даже при разрыве шрапнели лишь в 50 саж. не все пули пробивают дюймовую доску, а при интервале разрыва в 150 саж., пробивают дюймовую доску не более 30% пуль. Шрапнельная пуля бессильна против земляных насыпей даже самой малой толщины; незначительный валик, стенка, деревья, ранцы, скатанные шинели и другие закрытия, даже очень небольшой прочности, служат довольно надежным прикрытием для спрятавшихся за ними людей, если они не показываются из-за этих закрытий. Позади закрытия образуется полоса, той или иной глубины, безопасная

от поражения фронтальным шрапнельным огнем и могущая служить надежным местом для укрытия и передвижения людей. Достаточно, напр., людям цепи, попавшим под шрапнель нашей 3-дм. пушки, успеть лечь и набросать перед собою земляной валик в 2 фута высоты (головной окоп), чтобы избавиться от потерь при стрельбе на дистанциях менее 4 верст (даже при стрельбе на 4 версты, шрапнельная пуля, зацепившая гребень головного окопа высотою в 2 фута, ляжет за ним в 6 футах, т. е. не поразит лежащего за окопом человека среднего роста—в $5^1/_2$ фут.). Для разрушения даже самых ничтожных закрытий, шрапнель, поставленная „на удар", совершенно не годится, так как слабый разрывной заряд 3-дм. шрапнели, в 22 золотника взрывчатого вещества, предназначается лишь для отделения трубки с головною частью от остальной части корпуса шрапнели (стакана) и для выбрасывания из него пуль. Раскрыть шрапнельным огнем преграду, укрывающую противника, было бы преступной, напрасной тратой снарядов.

Итак, фронтальный шрапнельный огонь нашей могущественной 3-дм. пушки является бессильным для поражения сколько-нибудь и чем-нибудь закрытого противника. Напротив, фланговой огонь той же шрапнели, направленный вдоль закрытия, является не менее губительным для укрывшихся за преградою людей, чем если бы они были открыты и попали под шрапнель. Шрапнельный огонь 3-дм. пушки, направленный вкось закрытия, также наносит поражение и тем сильнейшее, чем более направление огня приближается к фланговому. Огромная дальнобойность 3-дм. пушки, способность вооруженной ею артиллерии к сосредоточению огня даже при весьма разбросанном расположении орудий и легкость переноса огня, чуть не в любом направлении, казалось бы, дают возможность, путем даже одного искусного, так сказать „огневого маневрирования" (без подвижного маневрирования для перемены позиции и проч.) парализовать отрицательное свойство 3-дм. пушки—бессилие фронтального огня ее шрапнели по укрытому противнику. Наконец, парализовать это свойство возможно также и другим путем—согласованием тактических действий пехоты и артиллерии: наша наступающая пехота заставляет противника открыться, чтобы остановить наступление ружейным огнем, тогда наша артиллерия поражает его шрапнелью и т. д. Так, приблизительно, думали, вводя на перевооружение нашей артиллерии 3-дм. пушку в 1900 году и лишь одну эту пушку с одним снарядом—шрапнелью. О других „технических" средствах поражения закрытого противника, повидимому, не желали думать, так как в то время и до горького опыта японской войны наши ученые техники артиллерийского комитета полагали, что нет никакой необходимости для полевой артиллерии, при наличии 3 дм. пушки, с ее смертоносной шрапнелью, иметь другое орудие с крутой траекторией или другой снаряд—фугасную или бризантную гранату. Тактически они были воспитаны на принципе, что победа дается лишь тому, кто наступает, кто ищет встретить противника грудь с грудью в манев-

ренном полевом бою и проч. Генеральный штаб поставил им идеальную задачу: дать армии пушку, которая могла бы разрешать все задачи полевого боя при одном снаряде. И вот, в благородном порыве к достижению идеалов—„единство калибра“ и „единство снаряда“—наши ученые артиллеристы остановились на 3-дм. скорострельной пушке, которая, действительно, до настоящего времени является наилучшим в мире полевым орудием по своим баллистическим качествам. Но не учли эти „идеалисты“ того, что уже в то время многие тактики проповедовали о „пустынности“ будущих полей сражений—что маневренные бои будут разыгрываться не на открытых плац-парадных полях, а на действительной пересеченной местности, что „огневое маневрирование“ возможно при наличии сильной артиллерии не только в качественном, но и в количественном отношении (а не при двух пушках на 1000 штыков, как было у нас), что маневрирование артиллерии, запряженной лошадьми, да еще перегруженными тяжестью пушки, под неприятельским огнем крайне трудно и часто даже невозможно, что „взять во фланг“, хотя бы только огнем, искусного противника не легко, что „согласовать тактические действия пехоты и артиллерии“ тоже не легко, а в то время, когда наша пехота подойдет на 100—200 саж. к противнику, и вовсе невозможно, так как огонь нашей артиллерии приходится прекратить, во избежание поражения своих, и проч. Не учли, и нельзя винить их, что не учли, так как все это относится к области тактики, а они были специалистами „техниками“, и в этой области многие из них не имели себе равных по сериозным научным знаниям и практическому опыту. „Обратную сторону медали“ должны были показать им специалисты генерального штаба; между тем, как упоминалось, они не принимали участия в выборе образцов вооружения нашей армии, в чем кроется большая ошибка прошлого.

Только жестокий урок японской войны „открыл нам глаза“ и еще во время войны мы пришли к решению, противоречащему практическим идеалам „единства калибра и снаряда“, но неизбежному и необходимому.

Прежде всего решено было иметь для 3-дм. скорострельной пушки, кроме шрапнели, и фугасную гранату, которая, однако, не оправдала многих, возлагавшихся на нее, надежд и оказалась весьма слабой для разрушения земляных укрытий даже самой ничтожной профили. При малом весе—около 16 фунт. и малом калибре, наша 3-дм. граната имеет относительно большой разрывной заряд—около 2 фунт. тротила или меленита, дающий сильный взрыв. При достаточных углах падения и, лучше всего, при падении гранаты по нормали, т. е. под прямым углом к той поверхности, в которую направлен удар, разрыв гранаты происходит почти в момент ее падения и в среднем грунте от фугасного действия разрывного заряда гранаты образуется довольно большая воронка, диаметром около 5 фут. и глубиною около 2 фут. Но, при чрезвычайной отлогости траектории нашей 3-дм. пушки, подобные случаи весьма редки; напротив, в боль-

шинстве случаев, наша 3-дм. граната разрывается, отрикошетировав около сажени от места падения, причем фугасное действие получается слабым и газы разрывного заряда, при среднем грунте, лишь „слизывают“ верхний слой земли. При разрыве 3-дм. граната дает несколько крупных осколков, разлетающихся в разные стороны—иногда на 200—300 саж. от места разрыва, могущих нанести случайное поражение, и массу мельчайших осколков—несколько тысяч, сила которых вблизи места разрыва—не далее 10—15 сажень—весьма велика (около 3000 фт. сек.) и смертоносна, но затем, вследствие ничтожного веса, осколки совершенно теряют силу и не могут нанести даже легкого поражения. Люди, случайно попавшие в район действия гранаты, обращаются буквально в решето, тогда как другие, находящиеся в нескольких шагах, остаются невредимыми и отделываются моральным испугом. Для нанесения значительного поражения осколками необходимо точно пристреляться и выпустить массу гранат, причем расход снарядов может не окупиться достигнутыми результатами. Поэтому наша граната для поражения живых целей и не предназначается. Большинство жилых построек, не исключая каменных, пробиваются 3-дм. гранатой, и взрыв в закрытом помещении действует сильнее, так как образуются встречные волны газов.

Описанные свойства 3-дм. гранаты и слабое фугасное действие ее по земляным укреплениям было известно нашим артиллеристам задолго до начала мировой войны и ими изыскивались средства к поражению почему либо укрывшегося противника. Бризантную гранату, имеющуюся у немцев, считали средством мало достигающим цели. Разрываясь в воздухе, граната эта посылает около 100 довольно крупных и массу мелких осколков (стальная пыль), с большой боковой скоростью разлетающихся веером в обе стороны, вверх и вниз от точки разрыва; наиболее круто падающие осколки летят вниз под углом около 60 градусов к земле и могут поражать человека, даже прижавшегося к внутренней крутости бруствера; но мелкие осколки бризантной гранаты, как и нашей, быстро теряют свою силу и смертоносными являются лишь те из них, которые летят круто вниз; поэтому возможное сильное поражение от точки разрыва бризантной гранаты лишь 7—8 саж. в обе стороны, а в общем, не более 30 сажень. Бризантная граната требует очень точной пристрелки: при малейшем отклонении разрыва в дальности смертоносные осколки минуют цель. Для разрушения бризантная граната совершенно не пригодна, так как вес разрывного заряда лишь около 1/2 фунта. Единственное преимущество--сильное моральное впечатление--не могло служить основанием к введению ее в нашу артиллерию.

Ввиду слабости нашей 3-дм. шрапнели для действия по закрытым целям и для поражения прислуги щитовой артиллерии, так как шрапнельные пули не пробивают щитов, у нас с 1912 года испытывалась предложенная заводами Круппа, Рейнским металлическим и Шнейдера особая бризантная шрапнель с головкой начиненной тротилом, детонирующей от удара, и с пулями, залитыми также тро-

тилом. Опыты показали, что бризантная шрапнель при дистанционной стрельбе по войскам может заменить обыкновенную 3-дм. шрапнель, причем головка усиливает действие шрапнели и что при попадании в щит орудия бризантная шрапнель разрывается во время его прохождения, производит сильное разрушение материальной части и поражает людей, скрытых за щитом. Ввиду таких преимуществ, в мае 1913 года заказана была первая партия бризантных шрапнелей с трубками германскому заводу Эргарда, с правом установления их производства на русских казенных заводах, но началась через год война и, командированные на завод Эргарда, наши приемщики оказались в германском плену, не успев выслать шрапнелей в Россию.

Химические снаряды, которыми возможно было бы, до некоторой степени, поражать укрывшегося противника и, в особенности, прислугу щитовой артиллерии, у нас только начинали испытывать и к мировой войне в 1914 году мы их еще не имели.

Гаубица, казалось бы, дает полную возможность и поражать укрывшегося противника шрапнельным огнем, так как при крутизне гаубичной траектории пули летят сверху вниз, и разрушать земляные укрытия бомбами, снабженными мощным разрывным зарядом. Но, при сравнительно небольшой начальной скорости, меткость гаубиц не может иметь сравнения с меткостью пушек, а потому для поражения узких целей, подобных стрелковой цепи, и для разрушения окопов слабой профили, какие только и могут встречаться в полевом маневренном бою, требуется слишком большой, не окупающийся расход гаубичных дорогих снарядов.

Мысль—несколько уменьшить начальную скорость нашей 3-дм. пушки, чтобы траекторию ее, по крайней мере в нисходящей ветви, сделать более крутой и тем дать возможность шрапнельной пуле „заглянуть“ в окоп сверху вниз—считалась крайне дерзкой и не могла получить реального осуществления, так как преступным казалось посягать с заранее обдуманным намерением на все прочие отличные баллистические качества 3-дм. пушки, являющиеся следствием ее большой начальной скорости. Между тем, вопрос разрешался бы просто и в достаточно полной мере, если бы у нас обратили должное внимание на свойства 3-дм. горной скор. пушки обр. 1909 г., принятой для вооружения наших горных батарей. На этой пушке приходится остановиться с особым вниманием, так как ей суждено было и, несомненно, еще будет суждено играть большую роль.

Условия возможных для России театров войны—горы дальневосточных окраин, песчаные степи Средней Азии, горы Кавказа, Карпаты—требовали иметь в составе нашей армии горную артиллерию, приспособленную для перевозки на вьюках, какой не было почти ни в одной из иностранных армий. Горная пушка обр. 1904 года, наспех сконструированная Обуховским заводом для войны нашей с Японией, хорошо перевозилась на вьюках, но оказалась непрочной и неудачной во многих других отношениях. Пришлось искать другую, более совершенную систему, что сопряжено было с немалыми трудностями, так

как крупные пушечные заводы—и наши и заграничные—признавали для себя невыгодным заниматься разработкой образца горной пушки, в общем весьма сложной по конструкции и не сулившей больших доходов от валового заказа, ввиду ограниченной потребности в числе таких пушек (нам требовалось всего не более 500 горных пушек). После долгих „трений" и под некоторым „давлением" со стороны генерал-инспектора артиллерии, Артиллерийский Комитет согласился принять, за неимением лучшего, систему горной пушки греческого инженера Данглиз, разработанную на заводе Шнейдера во Франции и предложенную нам Путиловским заводом. Артиллерийский Комитет настолько пренебрежительно отнесся к этой системе, что между некоторыми членами Комитета и сторонниками системы возникли нежелательные, почти враждебные отношения, чуть не до обвинения последних во взяточничестве. Система нам была предложена с боевыми припасами и, между прочим, с 37 сек. французской дистанционной трубкой, позволяющей вести стрельбу из горной пушки шрапнелью почти на 7 верст., т. е. почти вдвое дальше, чем в то время могла стрелять наша полевая 3-дм. пушка при 22 сек. трубке—на $4^1/_2$ версты. Предложение боевых припасов было отвергнуто, так как Артиллерийский Комитет решил применить к горной 3-дм. пушке те же снаряды—гранату и шрапнель, какие были у нашей 3-дм. полевой пушки и, к сожалению, ту же 22 сек. дистанционную трубку, с которой стрельба шрапнелью из горной пушки оказалась возможной на дистанцию лишь около $3^1/_2$ верст. Правда, в то время у нас уже разрабатывалась 34 сек. трубка для полевой 3-дм. пушки, и артиллерийский комитет предполагал применять эту же трубку и для горной пушки, но, как уже упоминалось, изготовление 34 сек. трубок запоздало и мы, к великому стыду нашему, имея на вооружении к началу мировой войны 3-дм. горную пушку с дальнобойностью свыше 7 верст, могли из нее стрелять шрапнелью, благодаря 22 сек. трубке, почти на вдвое меньшую дистанцию.

Странное пренебрежение Артиллерийского Комитета к горной пушке обр. 1909 года об'яснялось до некоторой степени тем, что комитет относился вообще отрицательно ко всему, что не от него исходило, черезчур ревниво оберегая свой учено-технический престиж (на который предложившие горную пушку, конечно, и не думали посягать), с другой стороны—тем, что система горной 3-дм. пушки обр. 1909 г. действительно была мало пригодна для перевозки на вьюках в наших условиях. Система очень удобно разбиралась для вьючки и быстро собиралась для колесного движения или стрельбы, но отдельные вьюки были слишком тяжелы для наших, непривычных к вьюку лошадей; за исключением патронных вьюков, имевших терпимый для вьючной лошади вес—около 6 пудов с несколькими фунтами, все остальные вьюки весили по 7-ми и даже свыше 8-ми пудов. Такой большой груз на спине, да еще с повышенным у некоторых вьюков центром тяжести, быть может, не был обременительным для привычных горных мулов Испании и Африки, куда, по некоторым сведе-

ниям, горная пушка Данглиз и предназначалась, но для наших российских лошадей, даже особого горного типа, такой тяжелый вьюк был довольно непосильным. Помнится один курьезный случай, подтверждающий это, происшедший в Могилеве-Подольском при параллельном испытании системы горной пушки 1909 года возкой—2 орудия (взвод) на вьюках и 2 орудия на колесах. В ожидании приезда руководившего испытанием, взводы подготовились к уставной „встрече" старательным непосредственным начальством, по привычке того времени, заранее—что то минут за 40, а то и за весь час до начала испытания; и о ужас! большинство навьюченных лошадей встретило руководителя опытом—лежа, будучи не в силах приподняться под тяжестью вьюков, не смотря ни на бесцеремонные подталкивания людей, ни на торжественные звуки „встречи". Пришлось снять вьюки, дать лошадям отдых и начать опыт часа на $1^1/_2$ позже назначенного времени. Для опыта решили подняться на довольно крутой берег р. Днестра по двум параллельным тропам; пройдя только с $^1/_2$ версты, большинство вьючных лошадей (за исключением патронных вьюков) оказалось лежащими, усеяв собою почти весь пройденный путь чуть не от самого начала под'ема, тогда как взвод на колесах в полном порядке взобрался по тропе на под'ем и благополучно спустился обратно вниз. Испытуемая горная батарея была из старых, участница боевых походов на Кавказе и в Туркестане с прежними нескорострельными горными пушками, участница также и Русско-Японской войны с Обуховскими скорострельными пушками обр. 1904 года, но большинство навьюченных ею лошадей оказалось из недавно ею полученных молодых, обыкновенного упряжного артиллерийского типа, непригодных для вьюка. Тогда же, во время опытов, батарея призналась, что она вообще почти никогда не вьючилась, за редкими исключениями передвижений на Кавказе; что во всех случаях гораздо удобнее передвижение на колесах, при узком ходе системы горной артиллерии—вполне возможное даже по горным тропам, что через весьма крутые перевалы предпочтительнее перетаскивать пушки на руках, отправляя лошадей по обходным путям, что система горной пушки обр. 1909 года при колесном движении не оставляет желать ничего лучшего, а при стрельбе вызывает восхищение своими отличными баллистическими качествами. „Еслибы сделать эту пушку и, в особенности, лафет неразборными", говорили тогда (опыт производился весною 1913 года) непосредственно обслуживающие ее артиллеристы, „то лучшей пушки вообще не нужно было бы для всей полевой артиллерии, так как она всюду пройдет за пехотой—и по горам, и по лесам, и по пескам, и по болотам и даже в атаку, а поразит противника не хуже легкой 3-дм. пушки, которая, хотя и очень хороша, да везде отстает". Еще задолго до того, по настоянию генерал инспектора артиллерии, на Путиловском заводе горная обр. 1909 года приспособлялась с целью перевооружения ею всей конной артиллерии (лафет делался неразборным и несколько упроченным, уширялся ход лафета, передка и зарядного ящика, во избежание опро-

кидывания при поворотах на быстрых аллюрах, что часто случалось при узком ходе, и проч.), а затем в 1913 году был утвержден образец 3-дм. короткой пушки на нераз'емном горном лафете (переделанном из лафета обр. 1909 года). Но прежнее „предвзятое“ отношение ученых техников к горной пушке было одной из причин того, что на арену мировой войны наша конная артиллерия выступила с несообразно для нее тяжелой 3 дм. пушкой обр. 1902 г., а 3-дм. короткая пушка обр. 1913 года осталась в стадии заводской работы (если только не „на бумаге“).

I. Полевая легкая артиллерия.

Род орудий	Название государств.	Система.	Калибр в дм.	Вес в фунтах.		Число пуль в шрапнели.	Начальная скорость фут. в секунду.	Наибольшая дальн. в саж.		Вес системы в пудах.		Предельное число выстрелов в мин.	Примечания
				Снаряда.	Разряда.			Гранаты.	Шрапнели.	Поход. положение.	Боевое положение.		
Пушки	Россия	3 дм полев. скор. пуш. обр. 1902 г.	3,00	Около 16	Около 2	260	1.930	4.000	3.900¹)	123	65	10	1) При 34 сек. трубке, а при 22 сек. труб. лишь 2.600 саж.
	Россия	3 дм. горн. скор. пуш. обр. 1909 г.	3,00	Около 16	Около 2	260	1.250	3.300	3.300²)	75	38	10	
	Франция	75 м/м. скор. пуш. обр. 1897 г.	2,95	17	Около 2	290	1.740	4 000	3 760	114	69	15	2) При 36 сек. трубке, а при 22 сек. трубке около $3^1/_2$ верст.
	Германия	77 м/м. полевая модель Н. А. 96	3,03	16,7	0,4	300	1.525	3.940	2.500	116	62	10	
	Австрия	76,5 м/м. полевая модель М. 5.	3,02	16,3	0,5	315	1.640	3.200	2.850	111	60	10	
Гаубицы	Россия	48-лин. пол. гаубица обр. 1909 г.	4,80	56	$11^3/_4$	500	1.100	3.600	3.600³)	145	90	2	3) При 45 сек. дистанционной труб.
	Франция	120 м/м. короткая пуш. Шнейдера.	4,70	48,8	10	650	?	3.780	3.250	136	86	2	
	Германия	10 с/м. легкая пол. гаубица обр. 1909 г.	4,10	38,7	4,4	500	1.050	3.280	2 450	135	73	2	
	Австрия	10 с/м. легкая гауб. мод. М. 99.	4,10	35	3	450	950	2.850	2 600	113	60	2	

Как видно из таблицы первой, 3-дм. горная пушка обр. 1909 г., при чрезвычайной легкости системы—75 пудов в походном и 38 пуд.

в боевом положении, при той же шрапнели и гранате, как у легкой 3-дм. пушки обр. 1902 г., обладала большою скорострельностью и дальностью около 7 верст, *) имея весьма скромную начальную скорость—лишь в 1250 фт. в сек. Небольшая начальная скорость, не мешая пушке быть достаточно меткой для полевого боя, давала ей особую траекторию—отлогую в восходящей ветви и довольно крутую в нисходящей, так называемую „перекидную". Такая траектория безусловно необходима при действии в горах, чтобы бросать снаряды за крутые скаты, укрывающие противника, но и в равнинной местности, не говоря уже о слегка холмистой и пересеченной, она весьма желательна, так как только при наличии орудия с перекидной траекторией возможно поражать противника, засевшего в окоп или спрятавшегося в складках местности. И, следовательно, только при наличии орудия, подобного 3-дм. горной пушке обр. 1909 г., возможно парализовать или, правильнее сказать, восполнить сериозный недостаток 3-дм. легкой пушки обр. 1902 года—неспособность ее к поражению укрытых целей. Этого не могли не знать наши многие ученые артиллеристы, но почему то не желали знать и выпустили нашу полевую артиллерию на „кровавый экзамен народов" с сильнейшей легкой пушкой, сравниваемой с чудовищной „косой смерти", действительно начисто косившей все живое, но, как и подобает косе, только по открытому ровному полю.

Гаубица, как известно, является орудием средним между длинной пушкой с отлогой настильной траекторией и короткой мортирой с крутой навесной траекторией и предназначается, главным образом, для разрушения земляных и прочих закрытий сильным фугасным действием ее бомбы. Чем больше полезный груз бомбы (отношение веса взрывчатого вещества, помещающегося в снаряде, к весу снаряда), тем фугасное действие бомбы сильнее. В этом отношении бомба нашей 48-лин. гаубицы, а также бомба французской короткой 120 м./м. пушки (гаубицы) значительно превосходят бомбы германской и австрийской 10-см. гаубиц, причем наша бомба является наиболее мощной по абсолютному своему весу и весу разрывного заряда: 56 фн. абсолютный вес и почти 12 фн. взрывчатого вещества, у французов около 49 фн. и 10 фн., у немцев 38—35 фн. и 4, 4—3 фн. взрывчатого вещества. Наиболее сильная шрапнель полевой легкой гаубицы—у французов, наша и немецкая шрапнели почти одинаковы. Гаубичная шрапнель применяется для поражения закрытых целей, занимающих более или менее широкий район; ввиду относительно небольшой меткости гаубицы, для хорошего поражения узких целей требуется значительный расход шрапнелей, который не всегда может окупиться достигаемыми результатами. Вообще, гаубичная шрапнель слабее пушечной и считается второстепенным снарядом для гаубиц.

По дальности стрельбы—более 7 верст бомбой или шрапнелью—наша 48-лин. гаубица самая дальнобойная и дальность стрельбы

*) Дальность шрапнельного огня 3300 саж. при 36" сек. японской трубке, а при 37 сек. французской—около 3500 саж.

шрапнелью значительно превосходит германскую—на 1 версту и австрийскую на 2 версты. Скорострельностью наша 48-лин. гаубица уступает только французской. Обладая мощным фугасным снарядом, достаточной дальнобойностью и скорострельностью, наша 48-лин. гаубица, к сожалению, является и самой тяжелой; вес ее в порядке для движения—145 пуд. значительно превосходит предельный груз, допускаемый при 6-ти конной тяге—не более 115—120 пудов, вследствие чего она громоздка и не всегда может поспевать за войсками в маневренной войне; вес ее в положении для боя—90 пуд. также чрезмерно велик, что затрудняет и утомляет людей, обслуживающих гаубицу во время стрельбы.

Из таблицы II можно убедиться, что орудия и снаряды полевой тяжелой артиллерии наши и французские значительно превосходят немецкие.

II. Полевая тяжелая артиллерия.

Род оружия.	Название государств.	Система.	Калибр в дм.	Вес в фунтах. Снаряда.	Разрывн. заряда.	Число пуль в шрапнели.	Начальная скор. фут. в сек.	Наибольшая дальн. в саж. Гранаты (бомбы).	Шрапнели.	Вес сист. в пудах. Походное положение.	Боевое положение.	Предельное число выстрел. в минуту.	Примечания.
ПУШКИ.	Россия	42—лин. Скор. пушка обр. 1910 г.	4,2	40	5 3/4	600	1.900	5000 / 6000[1])	5.000[2])	154	130	5	[1]) При удлиненной гранате французск. образца.
	Франция.	105 м./м. Скор. пушка обр. 1913 г.	4.2	39	5	600	около 2.000	5.800	5.800	162	140	6	
	Германия	10—см. Скор. пушка обр. 1904 г.	4,1	44	5	680	1.840	4.820	4.700	214	167	?	[2]) При 45 секундн. дистанц. трубке.
	Австрия.	10,5—см. пушка пол. тяж. артил.	4,1	39	?	700	1.970	5.750	5.750	222	171	?	
ГАУБИЦЫ.	Россия	6—дм. скор. гаубица обр. 1909 г.	6	100	21,5	690	1.250	4.100	4.100[2])	187	170	2	[3]) Франция к началу мировой войны этих гаубиц не имела.
	Франция[3])	155 м/м короткая полевая пушка обр. 1915 г.	6,1	105	29,3	654	950	4.500	4.450	226	198	1	
	Германия	15—см. тяж. полевая гаубица обр. 1902 г.	5,9	98	17	Шрапнели нет.	1.065	3.500	—	160	128	2	
	Австрия	15—см. батарейная гаубица обр. 1899 г.	5,9	92	18	3[illegible]0	890	2.620	2.340	181	163	?	

Но к началу мировой войны у нас полевой тяжелой артиллерии было слишком мало, а у французов—и вовсе не было (во всяком слу-

чае, к началу войны у французов не было показанных в таблице 105 и 155 м./м. пушек). Наша 42—лин. пушка значительно превосходит германскую и австрийскую 10—см. пушку, и по своей меткости, настильности траектории и дальнобойности—10 верст шрапнелью и 12 верст гранатой (французского образца) является лучшей в мире пушкой типа полевой тяжелой артиллерии. Действие ее шрапнелью еще губительнее действия нашей 3—дм. шрапнели (600 пуль, а у 3—дм. шрапнели 260) и поражаемая площадь еще обширнее—на средних дистанциях, 4--5 верст--около версты в глубину, при незначительной ширине в 15—20 сажень. Все живое, открыто расположенное, буквально сметается смертоносным огнем шрапнели 42—лин. пушки. Но, вследствие громадной начальной скорости и большой настильности траектории, 42-лин. пушка страдает тем же недостатком, как и наша легкая 3-дм. пушка, т. е. действие 42-лин. пушки по укрывшемуся противнику совершенно ничтожно. Граната 42-лин. пушки имеет почти такой же небольшой полезный груз, как и граната 3-дм. пушки и, при $5^{3}/_{4}$ фн. взрывчатого вещества, немногим превосходит по силе фугасного действия 3-дм. гранату, но дальность гранатного огня 42 лин. пушки (до 12 верст) является весьма ценным свойством для поражения противника на больших дистанциях, находящегося, напр., еще в походных колоннах или в глубоких резервах, для поражения дальнобойной неприятельской артиллерии, занявшей позицию далеко за боевыми своими линиями, для стрельбы по наблюдательным аэростатам противника и проч. При всех своих отличных баллистических качествах, 42-лин. пушка относительно легка—154 пуда в походном положении и 130 в положении для боя, значительно легче 10-см. немецких пушек, имеющих вес от 214 до 222 пуд. в походном положении и от 167 до 171 пуд. в боевом. Легкость 42-лин. пушки на походе делает ее незаменимым орудием полевой тяжелой артиллерии для маневренной войны; участие ее в составе авангарда в наступательных, и, в особенности, во встречных операциях может заставить противника, попавшего под дальний огонь 42-лин. пушки, преждевременно развернуться из походного в боевой порядок или вообще обнаружить себя, даже остановиться при невыгодных для себя условиях во встречном бою и проч., а все это способствует захвату инициативы в наши руки, что является основным условием успеха боя. Не даром же дожила до наших дней чрезвычайного развития техники старая идея 42-лин. пушки, зародившаяся полвека тому назад и тогда же удачно нами технически осуществленная в 42-лин. пушке обр. 1877 г. Ветеран войн —Турецкой 1877—1878 г.г. и Японской 1904—5 г.г.—прежняя 42 лин. пушка обр. 1877 г. с успехом применялась, как увидим ниже, в мировой войне; по основным ее конструктивным данным построена новейшая 42-лин. скорострельная пушка наша и французская.

Скорострельная 6-дм. гаубица нашей полевой тяжелой артиллерии обладает большою дальностью стрельбы—8 верст 100 саж., превышающею дальность германской 15—см. гаубицы слишком на версту,

а 15-см. австрийской гаубицы даже на 3 версты, и мощным фугасным снарядом—наша 6-дм. бомба весит $2\frac{1}{2}$ пуда при 21,5 фунт. взрывчатого вещества (германская и австрийская 15-см. бомбы несколько слабее), пригодным для разрушения не только земляных укреплений, но и других, более прочных построек, не исключая убежищ из бетона или укрытых 1—2 саж. земли.

Наша 6-дм. гаубица имеет также и шрапнель весьма сильную (около 700 пуль), но шрапнель вообще не свойственна гаубицам и, в особенности, крупного калибра, главное и прямое назначение которых—разрушение укрытий, а не поражение живых целей. Наличие шрапнели при 6-дм. гаубицах является скорее даже вредным, чем полезным, так как в боевом комплекте, во избежание его перегрузки, приходится содержать меньше бомб и у „начальства", недостаточно знакомого со свойствами артиллерии, возникает желание пострелять из гаубиц шрапнелью, в ущерб основному огню бомбой. Шрапнель в боевом комплекте гаубиц крупного калибра—это какое то непонятное недоразумение. Дальновидные немцы поступили в этом отношении решительно и к своей 15-см. гаубице вовсе не приняли шрапнель.

Заканчивая краткое описание свойств орудий и снарядов, состоявших на вооружении нашей артиллерии к началу мировой войны, необходимо упомянуть, что мы вовсе не имели других типов снарядов, кроме фугасных гранат и шрапнелей: ни химических, ни, тем более, зажигательных, светящихся, дымовой завесы и проч. Предполагая вести наступательную маневренную войну, мы не придавали сериозного значения этим второстепенным снарядам и, при нашей бедности в средствах всякого рода, не могли тратиться на их изготовление.

б) Запасы орудий и снарядов.

Для пополнения убыли приходящих в негодность орудий, лафетов и прочих предметов материальной части, в нашей армии содержался, так называемый, запас военного времени. В 1910 году при Главном Управлении Генерального Штаба была образована комиссия для установления норм запасов военного времени, с постоянным в комиссии представителем от управления генерал-инспектора артиллерии и с приглашаемыми, в мере надобности, представителями от ГАУ. Нормы запасов орудий были определены комиссией, принимая во внимание % потерь разных орудий в Японскую войну, в зависимости от прочности орудий и в соответствии с общим количеством тех или иных орудий, состоящих на вооружении (чем больше общее число орудий, тем относительно меньше % нормы запаса), а именно:

15% запас скорострт. 3-дм. пушек, легких и конных	842 пушки.
15% запас 48-лин. гаубиц	74 гауб.
15% запас скорострт. 3-дм. горных пушек . . .	57 пушек.
10% запас полевых тяжелых 6-дм. гаубиц . . .	16 гауб.
10% запас полевых тяжелых 42-лин. пушек . .	8 пушек.
Итого . . .	997 орудий.

При исчислении этих норм вовсе не принималась во внимание возможная потеря орудий, взятых нашими противниками в виде трофей.

К началу мировой войны в запасах военного времени не хватало 182 орудий (конных пушек—86, горных—41, 48-лин. гаубиц—48), что составляло около 2¹/₄% от общего положенного числа орудий. Нехватка ничтожная, которая была пополнена к 3-му месяцу войны.

Что касается запаса военного времени или боевого комплекта 3-дм. патронов и боевых припасов к прочим орудиям, то на нем приходится остановиться подробнее, ввиду той ужасной кровавой трагедии, которую пришлось переживать нашей армии в 1915 году за недостатком пушечных и гаубичных боевых припасов.

На комиссию, образованную при ГАУ в 1906 году под председательством генерал-инспектора артиллерии для разрешения вопросов организации артиллерии, возложена была, между прочим, задача определить норму боевого комплекта, его состав по роду снарядов и по % их соотношению. Основанием для определения числа снарядов, необходимого заготовить в мирное время на период войны на каждое действующее орудие, служили следующие данные по опыту Русско-Японской войны: 1) наибольшее число выстрелов, сделанное отдельными батареями в односуточном сражении; 2) число выстрелов, сделанное крупными артиллерийскими дивизионами (бригадами), принимавшими наибольшее участие в войне в течение года; 3) среднее число выстрелов на орудие, участвовавшее в войне; 4) скорострельность орудия.

Из этих данных, по опыту войны с Японией, имелась лишь одна, достаточно проверенная, а именно: наибольшее число выстрелов, сделанное отдельными батареями в односуточном сражении, составляло до 500 выстрелов на орудие. Кроме того, при дальнейшем обсуждении вопроса о размере боевого комплекта приняты были во внимание следующие соображения: а) чем больше общее число орудий одного рода и калибра, тем меньше может быть число снарядов, заготовляемых в боевой комплект на одно орудие; б) при малой производительности наших заводов, изготовляющих снаряды и прочие боевые припасы, размер боевого комплекта должен быть больше, так как изготовление во время войны может оказаться недостаточным; в) содержание больших боевых комплектов, ввиду небольшого расхода в мирное время, затрудняет их освежение, между тем, бездымный порох способен разлагаться и портиться после 10—12 лет хранения; г) стеснение батарей в бою в расходовании боевых припасов действует на войска угнетающим образом в моральном отношении и приводит к упущению удобных случаев нанести неприятелю существенный вред внезапным массовым огнем; д) в течение войны с Японией большинством начальников было заявлено требование иметь на полевую скорострельную пушку не менее 1000 патронов, а старшими начальниками требование увеличено на 40% запас сверх тысячи. Таким образом, вопрос о пушечном боевом комплекте подвергался всестороннему обсуждению;

недостаточное внимание было обращено разве только на то, какой продолжительности будет война, для ведения которой заготавливается боевой комплект, предполагая, что как и Русско-Японская, война затянется не более года. При голосовании вопроса в комиссии, большинством 15-ти голосов против 2-х решено было установить боевой комплект в 1000 патронов на полевую 3-дм. скорострельную пушку. С этим решением согласился военный министр и оно было утверждено в 1908 году. Бывший в то время начальник генерального штаба неоднократно указывал на необходимость увеличения боевого комплекта пушечных патронов, но этот кардинальный вопрос, требовавший для положительного разрешения громадных новых ассигнований, служил лишь предметом „обмена мнений". В 1910 году, при реорганизации нашей армии на новых началах, вопрос о боевом комплекте пересматривался в той же комиссии при ГУГШ, которая, как упоминалось, была образована для установления норм запасов военного времени. Комиссия эта, при определении боевого комплекта, базировалась, главным образом, на выводах упомянутой комиссии, образованной при ГАУ в 1906 году; кроме того, ею приняты были во внимание возможная продолжительность будущей большой войны и боевые комплекты наших возможных союзников и противников. По господствующему в то время мнению представителей ГУГШ, большая война, требующая полного напряжения всех сил и средств государства, не может продолжаться более 2—6 месяцев; думали тогда, что во всяком случае гораздо ранее годичного срока войны наступит полное истощение борющихся сторон и они вынуждены будут обратиться к мирному соглашению. Что же касается боевых комплектов наших союзников и противников, то, по тогдашним сведениям ГУГШ, и французы и немцы имели в боевом комплекте не свыше 1200—1500 выстрелов на пушку.

На указанных основаниях комиссия при ГУГШ определила нормы боевого комплекта для различных родов полевых орудий, которые и были утверждены в следующих размерах:

для 3-дм. полевой скорострельной пушки .	1000 выстрелов.
„ 3-дм. горной скорострельной пушки .	1200 „
„ 48-лин. полевой легкой гаубицы . . .	1000 „
„ 42-лин. полевой тяжелой пушки . .	1200 „
„ 6-дм. полевой тяжелой гаубицы . . .	1000 „

Для пушек в боевом комплекте решено было содержать $^1/_4$ часть фугасных гранат, для гаубиц 50% бомб и 50% шрапнелей.

В конце 1912 года, ввиду сведений ГУГШ, что во французской армии, будто бы, решено увеличить боевой комплект до 3000 патронов на пушку, ГАУ получило ассигнование в 10 миллионов рублей на приступ к увеличению боевых комплектов полевой артиллерии. Но это небольшое ассигнование не могло иметь существенного значения, тем более, что в то время наши русские заводы были перегружены заказами боевых припасов для удовлетворения установленной нормы боевого комплекта и, приблизительно, ранее 1915 года не могли ничего

изготовить сверх заказанной нормы, заказывать боевые припасы заграницей было вообще нежелательно, а в 1914 году наступила война. Точных сведений о боевом комплекте Германии у нас не было, но с большой достоверностью можно предполагать, что к началу мировой войны он не превосходил 1500 выстрелов на пушку, что же касается французов, то у них к началу войны состояло по 1300 выстрелов на 75 м/м. пушку, а по Гаскуэну—не свыше 1500 выстрелов. Словом, установленный для нашей артиллерии боевой комплект не так уже был ничтожен по сравнению с комплектом, принятым в Германии, и вопреки установившемуся мнению о нашей непредусмотрительности в этом отношении, следует быть справедливым, что нормы боевых комплектов определены были у нас не без достаточных оснований. Если же у нас оказался недостаток в боевых припасах, то это, как увидим ниже, произошло от совершенно других причин; кроме того, остро ощущая свои недостатки, мы не желали знать, что и противнику нашему было не легко, что и немцы и бывшие союзники наши—французы почти одновременно с нами переживали кризис недостатка боевых припасов, хотя и не столь болезненный, как мы.

К началу мировой войны боевой комплект к орудиям полевой артиллерии состоял у нас почти полностью по указанным нормам. Не хватало около 500—600 тысяч патронов к 3-дм. полевым пушкам, израсходованных на практическую стрельбу 1914 года и еще не восполненных, но заказанных и ожидаемых к получению с заводов. Каждое действующее полевое 3-дм. орудие было обеспечено почти 900-ми выстрелами; боевые припасы для остальных 100 выстрелов ожидались к получению в ближайшие 2—3 месяца.

Возимый запас 3-дм. патронов, в количестве 428 на полевую легкую пушку, состоял к началу войны при войсках полностью; остальные патроны—572 на пушку, подлежали высылке на театр военных действий по мере окончательного снаряжения их в местных парках. Для снаряжения требовалось около 6 месяцев и потому, ко времени начала военных действий, в распоряжение командующих армиями, сверх возимого запаса готовых 3-дм. патронов, поступила только часть окончательно снаряженных местных парков; остальные местные парки должны были отправиться не позднее декабря 1914 года. Таким образом, имея в боевом комплекте боевые припасы на 1000 выстрелов на 3-дм. пушку, в действительности наша полевая легкая артиллерия выступила на войну приблизительно с 500—600 готовыми 3-дм. патронами на орудие, что, конечно, заставляло быть бережливыми в расходовании патронов с первых же дней боевых столкновений и несколько связывало неудержимый порыв наш к наступлению в начале войны. Быть может, это неблагоприятно отражалось на наших первых боевых операциях и не было достаточно учтено при разработке нашего плана войны, но, во всяком случае, ГУГШ вполне осведомлено было, что в целях сбережения боевого комплекта от порчи (разложение бездымного пороха и других взрывчатых веществ при хранении в негерметической укупорке), большая часть его должна состоять в

несобранном виде в отдельных боевых припасах и что на сборку и окончательное снаряжение всего комплекта 3-дм. патронов (565.430 патронов) потребуется со дня об'явления войны около 6 месяцев времени при тех средствах, какие имелись в наших снаряжательных мастерских. Разумеется, мы должны были своевременно усилить эти средства и не жалеть расходов на принятие всех мер к обеспечению снаряжения патронов в кратчайший срок, но мы этого не сделали, опять по тем же преступным „экономическим соображениям", по каким остались при отжившей организации нашей артиллерии и не усилили нашу армию столь могущественным средством современной войны, как артиллерия.

Почти совершенно уверенные в том, что война не может продолжаться свыше 6 месяцев, мы не обратили должного внимания на то сериозное обстоятельство в деле снабжения армии огнестрельными припасами, что требуется не только полное обеспечение войск патронами по установленной норме запасов военного времени, но и непрерывное пополнение этих запасов, или, иначе говоря, незамедлительное снабжение армии патронами сверх существующих норм. Нельзя сказать, чтобы мы вовсе об этом не думали, так как еще в конце 1904 года бывший Военный Совет дал ГАУ указания, направленные к тому, чтобы в случае общей мобилизации армии и большой войны наши русские заводы могли бы при напряженной работе выделывать в год то количество боевых припасов, какое в течение года войны будет расходоваться; только при этом условии была бы обеспечена, как полагал Военный Совет, боевая готовность армии и явилась бы возможность содержать в мирное время боевой комплект лишь в том размере, какой допускает своевременное его освежение на ежегодных практических стрельбах. Образованные при ГАУ комиссии—междуведомственная, по перевооружению полевой артиллерии в 1905 году определила годовой расход 3-дм. патронов в 3.600.000, а в 1906 году комиссия по организации полевой артиллерии определила годовой расход в 1000 патронов на пушку, при этом общий расход в течение года войны на всю полевую легкую артиллерию определялся в 5.654.300 патронов. По данным ГАУ, наши заводы были способны, при напряженной работе, к изготовлению в течение года войны до $5^1/_2$ миллионов 3-дм. патронов, причем необходимое для обеспечения этой работы количество материалов, в том числе и заграничных, состояло на лицо. Поэтому ГАУ считало этот вопрос благополучно разрешенным, но если бы оно приняло во внимание, что комиссия, образованная при ГУГШ в 1910 году, исчислила норму боевого комплекта 1000 патронов на 3-дм. пушку на 6 месяцев войны, а не на год, то для ГАУ стало бы очевидным, что наши заводы были не подготовлены к тому, чтобы пополнять запас 3-дм. патронов в $^1/_2$ года по установленной норме боевого комплекта. В этом кроется одно из печальных недоразумений в отношениях ГАУ и ГУГШ, за которое нам пришлось дорого поплатиться.

(Продолжение в след. №).

А. Бельский.

Каменноугольная промышленность в В. Силезии со дня захвата ее Польшей.

Раздел В. Силезии, произведенный 20/X 1921 г., не удовлетворил Польшу, т. к. наиболее крупные узловые станции (Глейвиц, Рысковице, Борзигверк) и хорошо оборудованные железнодорожно-ремонтные мастерские (Оппельн, Глейвиц) остались на немецкой стороне. Независимо от этого, большинство немецких ж.-д. чиновников не пожелали остаться на службе у поляков; затем, недостаток квалифицированных ж.-д. служащих в Польше усугублялся еще тем, что большинство из них находилось в Сов. России и не особенно торопилось с репатриацией. Благодаря этому, вскоре после вступления Польши в В. Силезию, в последней возникли крупные ж. д. затруднения. Кроме того, подвижной состав, определенный Женевской конференцией, оказался недостаточным. Грузовые станции в польской части В. Силезии и ж. д. линии, соединяющие последнюю с промышленными центрами Польши, оказались не в состоянии содействовать улучшению создавшегося положения. Такое состояние, безусловно, не могло не отразиться на добыче каменного угля в В. Силезии, которая увеличивалась быстрым темпом, сравнительно с другими каменноугольными бассейнами „великой Польши".

Из 68 шахт в спорной части В. Силезии Польша овладела 54 шахтами с валовой добычей около 33,8 милл. тонн в 1913 г. и 24,6 милл. т.—в 1922 г.

Продукция каменного угля в польской В. Силезии с начала 1922 г. представляется в следующем виде:

1922 г.	В тысячах тонн.	за 1 рабоч. день в тыс. т.
Январь	2.167	87
Февраль	2.012	87
Март	2.394	92
Апрель	2.067	90
Май	2.195	84
Июнь	1.758	76
Июль	2.083	80

Август	2.277	84
Сентябрь	2.193	84
Октябрь	2.227	86
Ноябрь	2.194	88
Декабрь	2.005	91
Итого 25.575.000 тонн в год.		
1923 г.		
Январь	2.330	93
Февраль	2.102	91
Март	2.413	93

Как видно из этой таблицы, в течение первой половины 1922 г., когда признанная Польше часть В. Силезии находилась в ведении плебесцитной комиссии, продукция угля не увеличивалась, наоборот, если принять во внимание среднюю суточную добычу,—можно говорить скорее о ее сокращении. Затем, начиная с июля, продукция начала постепенно увеличиваться. Последнее обстоятельство польские промышленники об'ясняют занятием В. Силезии польскими войсками, успокоением рабочих и введением нормальных условий труда. Однако, ввиду перевозочных затруднений, о которых мы говорили выше, рост добычи несколько сократился, по сравнению с другими каменно-угольными центрами.

Так, напр., добыча в польской В. Силезии в 1922 г., в сравнении с 1913 г., выразилась цифрой 80%, в то время, как эта цифра для Домбровского бассейна составляет 103,45%

для Краковского	100,74%
„ Германии	84, 5%
„ Англии	87, 6%
„ Франции	71, 2%
„ Всей Польши	89, 9%

Средняя суточная добыча в польской В. Силезии с января по декабрь 1922 г. возросла с 87.000 т. до 91.000 т., т. е. на 5%, в немецкой же части В. Силезии соответствующие цифры составляют: 29.000 и 33.000 т., т. е. на 14% более. Значительное увеличение польской добычи замечается только в начале 1923 г. Это видно из нижеприведенной таблицы, показывающей добычу на одного рабочего в одну смену (в килограм):

1922 г.	Польск. В. Силезия.	Немецк. В. Силезия.	Вестфалия.
Январь	615	609	574
Май	589	645	570
Июнь	540	599	556
Июль	57!	563	561
Август	596	618	567
Сентябрь	600	630	577
Октябрь	594	637	610
Ноябрь	593	632	632
Декабрь	585	681	604
1923 г.			
Январь	614	—	—
Февраль	620	—	—
Март	632	—	—

Распределение добычи, как и ее развитие, было обусловлено состоянием ж. д. сети в В. Силезии, приспособленной к вывозу на запад. Довоенная Германия заботилась прежде всего, чтобы предоставить возможность В. Силезии вывоза продуктов в западном направлении и, таким образом, выдвинуть экономическую независимость провинции от ее естественных рынков сбыта на востоке. В силу этого, польская В. Силезия имеет в западном направлении лишь несколько десятков ж. д. соединений, а с остальными частями Польши—пять соединений: Дзедзиц, Освенцим, Щаков, Сосновицы и Гербы. Чрезвычайно важная ж. д. линия Познань—В. Силезия двухкратно переезжает немецкую территорию и один раз—Бютомский коридор и Ключборк.

Недостаточная провозоспособность польских ж. д., соединяющих В. Силезию с промышленными центрами Польши, недостаток подвижного состава, а также организационные недомогания,—вызвали серьезные затруднения в вывозе в Польшу необходимого для промышленности угля. Естественно, что германская промышленность создавала конкуренцию, чтобы невывезенный в Польшу уголь был вывезен в Германию. Для этой цели немецкая ж. д. дирекция в Оппельне усилила доставку вагонов под уголь, который, благодаря ж. д. предписаниям, не мог быть вывезен в Польшу.

Для целого ряда шахт в приграничной полосе оппельнская ж. д. дирекция доставляла составы поездов со своей прислугой, и значительная часть продукции шахт, находящихся в зап. польской В. Силезии, шла в Германию. Благодаря таким обстоятельствам, общий вывоз угля из В. Силезии заметно увеличился, что составляло несомненную прибыль для промышленников, хотя вывоз считался, однако, не в желательном для Польши направлении.

Если присмотреться к общему балансу доставки вагонов, то увидим, что он показывал результаты, улучшавшиеся с каждым м-цем. Так, количество недоставленных вагонов составляло: в июне 1922 г. 29,4% и в феврале с. г.—0,6%. Из данных, касавшихся доставки вагонов (см. нижеприведенную таблицу) нельзя, однако, судить об увеличении экспортной способности В. Силезии в желательном для польской промышленности направлении, т. к. улучшение было результатом доставки Германией нужного количества подвижного состава на каждое требование.

Доставка вагонов под уголь, кокс и брикст.

1922 г.	Требов.	Достав.	Недост.	Недостаток в %%.
Июль	189.730	133.900	55.830	29,4
Август	215.294	162.191	53.103	24,7
Сентябрь	206.491	163.784	42.707	20,7
Октябрь	213.413	162.276	50.737	23.8
Ноябрь	203.685	154.575	49.110	24,1
Декабрь	184.160	143.242	40.918	22,2
1923 г.				
Январь	198.367	183.807	14.560	7,3
Февраль	166.991	166.017	974	0,6
Март	182.383	179.678	2.705	1,5

Следующие данные показывают распределение верхнесилезской угольной добычи в период с 1/VII 1922 г. по 1/IV с. г.

1922 г.

	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
			(в тоннах).			
Польск. В. Силезия . . .	675.542	738.437	739.619	757.176	798.780	808.998
Остальная Польша . . .	438.622	527.598	428.017	341.862	379.786	366.602
Во всей Польше . . .	1.114.164	1.266.035	1.167.636	1.099.038	1.178.466	1.175.600
Нем. В. Силезия	123.177	166.339	162.410	179.147	146.828	124.408
Остальн. части Германии.	457.663	491.278	565.540	659.152	510.530	452.874
Во всей Германии . . .	580.840	657.617	727.950	838.299	657.358	577.282
Прочие государства:						
Нем. Австрия	153.718	252.904	217.524	213.808	193.418	154.004
Чехо-Словакия	685	425	6.895	4.642	32.569	49.466
Венгрия	2.879	7.305	17.006	18.964	38.079	42.548
Данциг	17.932	30.539	33.586	29.138	37.553	21.322
Скандинавия, Швейцария, Литва и т. д.	5.143	4.184	21.807	16.016	30.930	13.106
Всего проч. гос.	180.357	295.357	296.818	285.568	332.549	280.446
Общий экспорт	761.197	952.974	1.024.768	1.120.867	989.907	857.728
Запасы угля:						
В начале м-ца	275.650	459.982	512.907	509.734	516.559	533.736
„ конце	470.761	512.907	509.734	516.542	533.776	505.449

1923 г.

	Январь	Февраль	Март	Апрель
Польск. В. Силезия . . .	839.482	750.057	817.373	724.018
Остальная Польша . . .	478.042	340.547	377.340	449.314
Вся Польша	1.317.524	1.090.604	1.194.713	1.173.332
Нем. В. Силезия	166.704	155.746	214.231	151.038
Остальн. части Германии.	609.161	642.102	825.298	428.273
Во всей Германии . . .	775.865	797.848	1.039.529	579.311
Прочие госуд:				
Нем. Австрия	226.142	214.362	134.886	141.667
Чехо-Словакия	47.248	30.722	33.196	25.608
Венгрия	54.036	48.697	32.484	43.895
Данциг	25.452	35.340	13.156	15.039
Скандинавия, Швейцария, Италия, Латвия и т. д.	14.047	16.846	11.309	21.880
Всего проч. гос.	366.925	345.967	225.031	248.089
Общий экспорт	1.142.790	1.143.815	1.264.560	827.400
Запасы угля:				
В начале м-ца	505.854	375.295	242.083	200.744
„ конце	375.295	242.083	200.744	331.542

Приведенная таблица достаточно ярко подчеркивает те затруднения, какие встретил вывоз верхнесилезского угля в Польшу. В общем и целом, вывоз незначительно превысил норму, предназначенную для Польши в момент, когда В. Силезия находилась в ведении плебисцитной комиссии. С другой стороны, требования Польши на верхнесилезский уголь покрывались только частично. В особенности недостаточно было снабжение углем крупных промышленных центров

в б. Конгрессовой Польше, т. к., благодаря перегруженности Варш.—Вен. ж. д., товарное движение через Катовицы, Сосновицы и др. пункты часто происходило с продолжительными перерывами, ввиду чего вывоз угля был направлен кружным путем, чрез Калиш.

До войны В. Силезия находила себе опору в польских рынках; теперь же, благодаря отсутствию регулярной доставки угля и невозможности примениться к потребностям польского внутреннего рынка, верхнесилезск. угольная промышленность не могла встретить у своих потребителей в Польше того доверия, какого бы она заслуживала. Необходимость отправления угля кружным путем, а также применение при перевозках из В. Силезии в Польшу непостоянных тарифов, значительно увеличивающих оплаты за скорость на верхнесилезск. линиях, увеличила стоимость верхнесилезск. угля и затруднила для него конкуренцию с домбровским углем.

Если сравнить данные, касающиеся отправки угля в Германию по отдельным м-цам, мы убедимся, что эти цифры подвергаются частым колебаниям. Так, напр., в декабре 1922 г. Германия (без нем. части В. Сил.) закупила 450.000 т. польск. угля, в марте же эта цифра возросла до 825.000 т., а в апреле понизилась до 428.000 т. Эти цифры подтверждают, что вывоз угля из польск. В. Сил. находится в тесной связи с доставкой подвижного состава из Германии.

До войны Германия (в новых границах) вывозила из В. Силезии ежегодно около 12 милл. тонн угля. Если примем во внимание, что среднее требование на уголь в государствах центр. Европы составляло приблизительно 80—90% довоенного потребления, то, предполагая, что Германия опиралась бы на уголь из польской В. Сил. в такой же степени, как и до войны,—она должна была бы вывозить из всей В. Силезии от 10 до 11 милл. т. угля или 800.000—900.000 т. ежегодно. Ввиду, однако, того, что нем. В. Силезия вывозит в Германию ежемесячно около 400.000 т., Польша может расчитывать на регулярный экспорт угля в Германию не свыше 400.000—500.000 т. Если отправка в последние м-цы превысила эту норму, то данное обстоятельство следует отнести к особой коньюнктуре в Германии (оккупация Рура).

В сравнении с довоенным временем, вывоз угля в местности, входящие в состав нынешней Чехословакии, подвергся значительному сокращению. Вывоз верхнесилезского угля в эти местности, составлявший в 1913 г. около 200.000 т. в месяц, в данное время не превышает нескольких десятков тысяч тонн. Такое заметное сокращение вывоза угля в Чехословакию вызвано, главным образом, распоряжениями чехословацкого правительства, имеющими в виду энергичную поддержку местного производства и основанными на большем получении импортных пошлин, на общей тарифной политике и т. д.

Присматриваясь к цифрам экспорта в Австрию, приходится убеждаться, что последняя остается одним из постоянных потребителей верхнесилезск. угля. До войны вывоз его в Австрию в новых границах составлял около 3 милл. тонн ежегодно; теперь это количество несколько уменьшилось. Последнее обстоятельство становится особенно

заметным в последние м-цы, в связи с общим застоем промышленности в Австрии.

Вывоз угля в Италию почти совершенно прекратился. До присоединения к Польше части В. Силезии, уголь вывозился в Италию в счет германских возмещений. Если теперь и предпринимаются коекакие попытки вывоза в Италию, то они являются скорее пробами сомнительного значения. Фрахтовые расходы, особенно через Чехословакию, препятствуют польскому углю конкурировать в Италии с углем английским.

Вывоз угля в страны с высокой валютой (Швеция, Дания, Швейцария) сопряжен с соответствующим использованием валютной коньюнктуры. Более усиленного вывоза верхнесилезск. угля в эти страны ожидать пока не приходится, т. к. он не выдерживает усиливающейся в этих странах конкуренции английского и саарского угля.

Особенно благоприятное положение верхнесилезской угольной промышленности вызвано валютными условиями, создавшимися в связи с обращением в В. Силезии немецкой марки. Решение совета послов об оставлении в. В. Сил. немецкой марки в течение 15 лет оправдывалось указанием, что территория с широко развернувшейся промышленностью, как В. Сил., должна иметь более устойчивую валюту. Этим условиям в 1921 г. наиболее соответствовала немецкая марка. Однако, обращение на территории одного государства двух валют имело в себе серьезную опасность, и польское правительство, озабоченное этим вопросом, добилось на женевской конференции права устранения немецкой и введения польской марки в течение ближайших 10 м-цев со дня решения; одновременно было решено, что все обязательства, возникшие со дня устранения нем. марки, будут гарантированы польской валютой.

Действительно, не успело женевское решение войти в жизнь, как дальнейшее обращение нем. марки в польской В. Силезии стало угрожать опасными прецедентами. С мая м-ца начинается падение нем. марки, которое продолжается до настоящего времени. Это падение влечет за собой рост цен на изделия верхнесилезск. промышленности, причем цены, выражающиеся в нем. марках, возрастают гораздо быстрее, сравнительно с ценами на продукты промышленности в др. частях Польши, выраженные в польмарках.

Верхнесилезский уголь, сравнительно с домбровским, был в конце каждаго м-ца прошлого года всегда дешевле, иногда в 2 раза; по изменении цен, расходы домбровского и верхнесил. угля уравнивались, однако, по мере падения нем. марки и верхнесил. уголь становился снова дешевле, впредь до очередного повышения цен на него.

Цена на крупные сорта верхнесилезск. угля составляла до войны 14 нем. мар. за тонну локо выработка *), в начале 1920 года она поднялась до 200 мар., с начала же апреля 1922 г. цена колебалась в следующей прогрессии:

*) На месте выработки.

1922 г.	За одну тонну локо выработка. (вместе с налогом).	
Апрель	1.076	нем. мар.
Июль	1.535	„ „
Август	2.015	„ „
Сентябрь	4.510	„ „
Октябрь	6 144	„ „
Ноябрь	23.800	„ „
Декабрь	31.160	„ „
1923 г.		
Январь	55.010	„ „
Февраль	146.700	„ „

Очевидно, что в таких условиях цена на верхнесил. уголь в переводе на золото, была значительно ниже цен на уголь в западноевроп. странах. Для сравнения сопоставим цены за одну тонну смешанного угля, переведенные в золотые нем. марки, согласно курса бумажной нем. марки в нижеуказанные периоды: *)

	Англия.	Франция.	Польск. В. Силезия
1922 г.			
Апрель	18,31	29,02	15,50
Июль	18,81	25,96	10,50
Октябрь	19,67	23,23	8,50
Декабрь	20,25	22,80	15,50
1923 г.			
Январь	20,83	21,04	11,00
Февраль	25,87	20,96	24,00

Как видим из вышеуказанных цифр, цена на верхнесил. уголь в различные моменты кризиса почти в 2 раза ниже мировых цен, независимо от того, что верхнесил. уголь был обложен 40% угольным налогом. Затем значительное увеличение цен в феврале 1923 года уменьшило разницу между ценами на верхнесил. уголь, выраженный в золотых марках, и мировыми ценами; благодаря, однако, росту курса нем. марки в феврале, цена на уголь в этом м-це временно превысила мировые цены.

Такие колебания цен, вызванные неустойчивостью нем. марки лишили шахты возможности каких бы то ни было калькуляций. Благодаря этому, уже с января 1923 г. продажа угля производилась в польской валюте, курс которой был несколько устойчивее нем. марки. Однако, углепромышленники могли приступить к сделкам в польмарках только по соглашению с рабочими о выплате им жалованья в польских марках. После долгих переговоров, начавшихся в феврале с. г., между промышленниками и рабочими было достигнуто соглашение о выплате заработной платы в польской валюте по курсу 1,75 за одну нем. марку, и с 10 марта с. г. шахтовладельцы начали продажу угля в польских марках.

*) „Stahl und Eisen" № 12—1923 г.

Благодаря введению польмарки в В. Силезии, колебания цен оказались незначительны, и наоборот—колебания эти в немецкой В. Силезии, благодаря постоянному падению нем. марки, выражались в несколько раз выше.

Приведем пример. Цены на крупные сорта угля в польск. В. Силезии подвергались следующим изменениям:

За одну тонну локо выработка.
(Вместе с налогом).

Март.	252.200	мар.
Май	235.600	„
Июнь.	259.100	„

В данный момент, благодаря общему положению промышленности в центр. Европе и выравнению цен на верхнесил. уголь с мировыми ценами, продажа верхнесил. угля на внешних рынках, согласно вышеприведенной таблицы, оказалась затруднительной и экспорт показывает сокращение.

Предполагавшееся падение нем. марки должно было повлечь за собой оживление немецкой промышленности и увеличение потребления угля в Германии. Однако, благодаря появившейся в Польше тенденции уравнения расходов на рабочую силу и на предметы первой необходимости с расходами в мировом масштабе, затруднения, какие польский экспорт будет встречать на заграничных рынках, без сомнения, окажутся серьезными.

Введению в польской В. Силезии польмарки Варшавское правительство придает огромное значение. Однако, это утверждение далеко не соответствует действительности, что можно было наблюдать и раньше, в первые дни правления кабинета Витоса. Несмотря на целый ряд гарантий со стороны Б. Антанты, такое государство, как Польша, имеющее чисто буферное значение между Россией и Германией, независимо от резкого политического и хозяйственного кризиса в последней, не имеет и не скоро будет иметь достаточно сильный хозяйственный аппарат, успешно сопротивляющийся немецкой конкуренции. Польша, являясь орудием в руках империалистической фракции, не в состоянии освободиться от влияния нем. марки. В зависимости от последней, польская марка будет предметом постоянного внимания польск. министерства финансов. Это подтверждается уже неблагоприятным для Польши явлением в области проникновения западно-германских капиталов в горную промышленность польск. В. Силезии, капиталов, не имевших до этого времени ничего общего с В. Силезией. Так, напр., значительная часть акций Катовицкого горно-заводск. т-ва скуплена Стиннесом, что в значительной степени не может не беспокоить польского капитализма, призванного к жизни версальской авантюрой государств Б. Антанты.

На Запфронте.

„Красноармейская Правда".

Газета Запфронта „Красноармейская Правда" недавно праздновала свое трехлетнее существование. Она создана самой красноармейской массой и является не столько „газетой для красноармейцев", сколько „газетой красноармейцев".

Просвещение, развитие самосознания осуществляется при активном участии самой красноармейской массы. И „Красноармейская Правда" есть отражение этой активности. Красноармейцы и политруки пишут о себе, сами, в свою газету.

О чем они пишут? О политчасе, о красном уголке, о клубе, о казарме, о кухне, о портянке, словом—о том, что называется „бытом Красной Армии".

Редакция газеты ежедневно получает от 20 до 30 пакетов с 40—50 корреспонденциями. Причем с каждым днем число красноармейских корреспонденций возрастает.

Кто пишет? Если взять отдел „Жизнь Фронта", который составляет половину номера газеты, то в нем 75% красноармейских писем и 25% писем младшего ком. и политсостава.

На майской фронтовой литконференции присутствовало около 120 военкоров, связанных с газетой более или менее постоянным сотрудничанием.

За последнее время, идя на встречу запросам и нуждам своих читателей, редакция открыла на страницах газеты справочный отдел, в котором даются ответы на различные волнующие красноармейцев вопросы. Так напр., 20% всех корреспонденций имеют справочный характер.

Из всех поступающих в редакцию корреспонденций использовывается около 90%, на остальные 10% корреспонденций, неподходящих для напечатания, даются ответы в почтовом ящике.

Подписка на газету.

Отсутствие материальных средств на издание газеты вынудило перейти с июля месяца на систему платной подписки. Чтобы создать фонд, при котором можно было в порядке самоокупаемости напитать газетой части в достаточном количестве, подписная плата была установлена в 1 рубль золотом.

Политуправлением была дана соответствующая разверстка подивам и отдельным частям, но ввиду высокой платы, эта разверстка выполняется приблизительно на половину. Другая же половина тиража попрежнему высылается бесплатно.

Чтобы перейти целиком на платность и в то же время сделать газету по цене более доступной, редакция с 1 октября снижает подписную плату на 20—25%, сократив одновременно бесплатный тираж.

Средний ежедневный тираж газеты по месяцам:

Май 1923 г. . . .	2.600	Бесплатно.
Июнь	2.620	„
Июль „	3.500	65% беспл.
Август „ . . .	3.350	50% „
Сентяб. „ . . .	3.900	50% „

Из месяца в месяц тираж газеты увеличивается за счет подписной платы. Редакция полагает, что при 5.000 подписчиков подписную плату можно будет снизить до 50—60 коп. золотом в месяц.

Эн.

5-ти летний юбилей 3-ей пех. Зап. школы.

24 Июля с. г. исполнилось пять лет со дня возникновения Зап. пех. школы.

3-ья Школа возникла, как курсы комсостава для польских частей, сражавшихся в рядах Красной Армии против белополяков.

После Октябрьской революции в польских частях, сорганизованных раньше (при Керенском) в отдельные национальные войсковые единицы, происходит некоторое расслоение. Отделяются, с одной стороны, легионы генерала Довбор-Мусницкого, возглавляемые царскими офицерами, ставящие себе задачей защиту польских земельных магнатов Белоруссии. С другой стороны определяется лагерь польской солдатской окопной массы, смотревшей на свои задачи с точки зрения полного союза трудового народа Польши и России в защите своих интересов. Политическое ядро этого лагеря составляли группы польских социал-демократов (членов социал-демократии Польши и Литвы—позднейшей компартии Польши). Революционные польские армейские части с течением времени составили Западную стрелковую дивизию.

В целях подготовки крепкого кадра командиров для будущей польской революционной армии организуются 24 июля 1918 г. при Зап. стр. дивизии польские советские курсы комсостава.

10 Августа 1918 г. курсы прикрывали отступление наших частей под Минском. Почти целый день держали курсанты сильнейшие части противника на расстоянии 200 шагов, геройски защищая Минск. В то время, как курсанты во главе с комиссаром т. Корфельдом дрались с белополяками, комсостав, за исключением трех товарищей, бежал на сторону врага; но измена мало отразилась на дальнейшей жизни курсов: курсанты еще более сплотились вокруг оставшегося, преданного революции комсостава.

В декабре 1920 г. курсы переформировываются в нормальную 3-ью пехотную Западную школу.

В 1921 году 3-ья пех. Западная школа принимала участие в штурме Кронштадтских фортов. Ни взрывы фугасов, ни проволочные заграждения не могли задержать курсантов.

По льду, дававшему трещины от 12—дюймовых снарядов, курсанты в белых одеяниях, теряя по дороге товарищей, шли неудержимо на Кронштадт. После 2 часового штурма 17 марта был занят форт № 6, после чего часть отряда идет на город, другая же часть—на форты 5 и 4.

В бою под Кронштадтом погиб комиссар школы т. Корфельд.

104 товарища из числа бывших под Кронштадтом были награждены Орденом Красного Знамени. В день 3-х летнего своего юбилея школа получила от ВЦИК'а почетное Красное Знамя.

Такова краткая история 3-ей пех. Западной школы—самого старейшего Военно-Учебного заведения на Зап. фронте.

В. Я.

Литературно-художественный кружок Запфронта.

При Военно-Научном Клубе Западного фронта работает Литературно-Художественный Кружок.

В отличие от большинства существующих одноименных кружков, Литкружок В. Н. К. З. Ф. не замыкается в узком кругу самообразовательных задач, как самоцель.

Учиться нужно всем—это ясно. Но учась—мы одновременно и *творим*. Нельзя расчленять искусственно учебу—творчество. Это единый процесс, и он неделим. Разделение—ошибка, неизбежно ведущая совершающих ее к вырождению, к буржуазно интеллигентскому искусству „для искусства“, к поглощению формой содержания.

Искусство *организует* сознание людей. *Оно есть орудие этой организации.* Совершенно недоказуемо, по меньшей мере, утверждение, что эти свои *организационные* задачи искусство должно осуществлять *неорганизованно,* стихийно, бессознательно.

Марксизм показал нам место искусства в человеческой культуре. *Теперь*—было бы ненужной растратой сил, слепым подражанием методам буржуазного творчества творить, *не ставя себе вполне конкретных художественно-организационных, художественно-воспитательных целей.* Каждое данное произведение должно себе такие цели ставить и их достигать.

Сила искусства в том, что оно воздействует на человеческий разум через эмоции (чувства) людей. Эта сила тем более и могущественней, чем более отвечает произведение требованиям художественности, чем лучше его формы—стиль, ритм, язык.

Поэтому естественно, что никакая организационно-воспитательная цель не может быть достигнута, если произведение не удовлетворяет художественным требованиям или мало им удовлетворяет.

Осознание социально-организационной роли искусства—не освобождает писателя от требований художественности, но выдвигает их перед ним, как важнейшую задачу. Но *„художественность“—не цель в себе, а лишь средство по пути к цели.*

Красная Армия—*трудовая молодежь.* Ее историческая роль—авангард мировой революции.

Воспитательные задачи, выдвигаемые здесь перед нами историей, сводятся к тому, чтобы привести в наибольшее соответствие *сознание* крестьянской части армии с этой ее ролью, тем самым повышать ее боеспособность.

Наряду с политчасом и другими методами политико-воспитательной работы, выдающуюся роль здесь может сыграть и *должна* сыграть *художественная беллетристика,* сознательно ставящая себе именно эту политико-воспитательную задачу и *художественно* ее осуществляющая.

Такой литературы до сих пор почти нет.

А ее нужно создать. Ее нужно создать планомерно, организованно, сознательно.

И помнить: никакого сюсюканья, никакого подлаживанья „под народ“, ничего, что идет в разрез с художественностью. *Антихудожественное* не воспитывает, а разрушает, калечит, уже тем самым, что оно не художественно—*значит—не организует, а дезорганизует* (разрушает).

И другое: простота языка, ясность образов, отсутствие словесного акробатизма—важнейшее условие художественности. Мы творим для своего класса. А нашему классу свойственно мыслить и чувствовать ясно, глубоко, гармонично, целостно и *содержательно.* Только тем, у кого нет этого, нужна мишура слововывертов, прикрывающая отсутствие содержания, пустоту.

Таким образом, поставленная задача огромна. Нечего думать, что ее смогут хоть в какой-нибудь части выполнить (если бы и захотели) признанные „жрецы“ литературы—Эренбурги, Пильняки и др.,—созерцавшие революцию из той подворотни, куда их загнал мировой ураган.

Только мы,—только те, кто творил революцию с винтовкой и политграмотой в руках—способны подойти к ней вплотную, ибо наше мироощущение не находится в противоречии с тем, что мы пишем. Красная Армия—самая культурная армия в мире. И недаром известно, что „вся Красная Армия пишет“. Она пишет и будет писать, не только потому, что ей есть *что* написать, но и потому, что она *может* написать.

Литературно-художественный Кружок ставит своей основной задачей—мобилизацию литературно-художественных сил Красной Армии, мобилизацию их *для разрешения проблемы политико-просветительного воспитания армии художественными методами.*

Публикуемый конкурс—на повесть, рассказ, пьесу и песню—есть путь этой мобилизации.

Красноармеец, политрук, военкор, краском, комиссар—за перо!

Никто не может, не должен смущаться мыслью: „я не умею, пусть пишут другие“.

Не важно—что рассказ или повесть будет написана каракулями, не важно, что она не заслужит на конкурсе, быть может, ни первой, ни второй премии. Важно другое: важно, что сама Красная Армия запишет на бумаге все то, что она испытала, перенесла, перечувствовала за годы гигантской борьбы. В большинстве—это будет еще только сырой материал. Ну, что ж? *А за то какое великое, какое бесконечно могучее произведение сможет быть создано впоследствии из этого сырого материала.*

Но несомненно—конкурс даст *и не одно* произведение, вполне законченное, обработанное, художественное. И вовсе неизвестно еще, кто будет автором: тот ли, кто пишет уже не первый год, или тот, кто сегодня впервые для этой цели взял в руки перо. *Мы думаем—что именно этот последний.*

Литературно-художественный конкурс повернет в указанную сторону общественное внимание Красной Армии, сосредоточит вокруг себя творческие ее силы, заложит организационный фундамент.

А намеченный в начале ноября с. г. с'езд литературно-художественных работников частей Запфронта приступит к постройке здания.

Начатая нами работа имеет не *местное* значение. Оно—гораздо шире. Оно—вся Красная Армия, вся Республика.

Поэтому мы уверены, что уже наш конкурс—наш первый шаг вызовет к себе интерес далеко за пределами Западного фронта, а дальнейшие шаги—кто знает,—быть может, приведут к организационно-идейному единству всех литературно-художественных сил Красной Армии в Республиканском масштабе. Это будет то, чему давно пора осуществиться.

Мих. Лузгин.

ПРОГРАММА

работ Литературно-Художественного Кружка В. Н. Клуба Запфронта.

Задачи:

Основною задачею литературно-художественного кружка является создание: а) повести и рассказа („библиотечка красноармейца“), б) драмы и комедии (репертуар красноармейских театров), в) песни („песенник Красной армии)“, удовлетворяющих следующим требованиям.

Требования:

а) повесть и рассказ: насыщенность фабулой, динамическим действием, простота героев (отсутствие интеллигентского „психологизма“), простота языка (но не упрощенность). Безусловная художественность. Основа содержания: борьба за революцию, революция (революционная война,) борьба с природой.

В частности, и главным образом: опыт гигантской борьбы Красной армии на Запфронте. Повесть и рассказ должны содействовать закреплению революционных боевых традиций Красной армии, повышению общего культурного уровня, повышению интереса к политике и военному делу, достигая всего этого методом художественного воздействия на чувства и воображение читателя.

б) драма и комедия: преследуют те же задачи, что и повесть (воздействия на эмоции красноармейца). В частности, необходимо создать революционную военно-бытовую батальную драму и даже трагедию, как наиболее успешно закрепляющую в подвиге и страданьях героев революционно-боевые традиции.

Необходимо также создать инсценировки тех или иных крупных революционных событий, празднуемых Красной армией.

Особо стоит вопрос о военно-производственной пропаганде, в осуществление которой необходимо создать ряд военных сценариев, выясняющих зрителю значение родов оружия, значение караульной службы и т. д. и т. п., значение всех требований, пред'являемых к красноармейцу, как к бойцу.

в) песня. Ввиду того, что организующее действие песни двояко: с одной стороны—организация сознания бойцов соответствующим ее содержанием и смыслом, с другой—организация непосредственных действий (наприм. ритм песни в походе), внимание кружка должно быть устремлено на обе стороны. Необходимо создать текст революционно-боевого содержания, маршевого размера и соответствующую к нему мелодию. Не менее важным является также создание военно-бытовой песни, преследующей цели военно-производственной пропаганды.

Учет работы на местах.

В целях достижения наибольших результатов в указанных трех областях работы, литературно-художественный кружок принимает все меры к возможно полному учету, систематизации и проработке того, что уже создано на местах, а равно и к привлечению имеющихся на местах творческих сил:

а) издавая отдельные выпуски и сборники наиболее удачных рассказов и повестей отдельных авторов, подошедших к вышеочерченной задаче самостоятельно.

б) организовав через аппарат Пузапа сбор всех написанных и ставящихся в частях западного фронта драм, комедий, инсценировок и т. п., в целях отбора из их числа и издания особо ценных, использовывания как, сырого материала, прочих

в) Организовав при посредстве же Пузапа запись текстов и мелодий, ныне существующих и поющихся в частях фронта песен, как революционных, созданных за годы существования Красной армии, так и унаследованных от старой армии, применяя к ним тот же метод отбора и издания лучших и использовывания в качестве материала прочих.

г) об'явив по фронту конкурс на создание: 1) повести, 2) драмы, 3) песни (текста), 4) мелодии к ней.

д) Созывая периодически с'езды литературно-художественных работников фронта, как общие, так и по отдельным видам работы. Первый с'езд литературно - художественных работников должен состояться 15 октября с. г.

Методика творческой работы литкружка.

Привлекая и будируя работников мест, использовывая указанными выше способами накопившийся на местах сырой материал, литературно-художественный кружок ведет самостоятельную творческую работу.

В интересах плодотворности этой работы внутри кружка, но без нарушения его организационной цельности, проводится необходимое разделение труда, специализация по указанным трем областям. Таким образом, внутри кружка образуются следующие работающие группы или ячейки:

а) повести, б) драмы, г) песни и красноармейской поэзии.

Повседневною практическою работою каждой ячейки руководит особо выделенный литкружком и утвержденный руководителем литкружка товарищ, наиболее компетентный в соответствующей области. Его функции—исключительно организаторские, так как каждая ячейка ведет работу на началах самодеятельности и коллективной и личной инициативы, применяя комбинированный метод индивидуального и коллективного творчества. Каждый член кружка обязан активно работать в какой-нибудь ячейке, но может работать и во всех ячейках одновременно.

Ячейки осуществляют:

а) Намечание тем,
б) подбор к ним материала (архивного, воспоминания отдельных участников тех или иных событий и т. д.),
в) оценку и использование материалов, поступающих с мест,
д) непосредственно творческую работу, путем индивидуальной или коллективной разработки намеченных тем и материалов к ним.

Готовые результаты работ ячеек обсуждаются и оцениваются на общих собраниях кружка, подвергаясь всесторонней критике. Литературно-художественный кружок решает вопрос об удовлетворительности той или иной

работы ячейки и дальнейшей ее судьбе. Как отдельные ячейки в процессе своей повседневной деятельности, так и литкружок в целом контактируют работу с другими кружками.—В. Н. О, —историческим, музыкальным и др., привлекая членов этих последних на свои заседания, поручая им те или иные работы (напр., мелодия песни), пользуясь материалами, имеющимися в распоряжении этих кружков (напр., архив) и т. д. и т. п.

Результаты работ литературно-художественного кружка выносятся на обсуждение общего собрания членов В. Н. О. Доклады этого характера, являясь по существу литературно-художественными, т. е. воспитательными, имеют в то же время значение отчета кружка о своей работе. Кроме указанных докладов, литкружок организует по заранее намеченному плану цикл докладов для красноармейской аудитории, имеющих задачи популяризации литературно - художественной работы, проводимой в Красной армии, среди широких масс и возбуждения у них интереса к таковой.

Те или иные работы литературно-художественного кружка, по представлению кружка, приобретаются В. Н. Клубом для издания.

Председатель литкружка *М. Лузин.*

ФРОНТОВОЙ КОНКУРС

на повесть, рассказ, драму, инсценировку и песню Литературно-Художественного Кружка Военно-Научного Клуба Запфронта.

I. На повесть и рассказ.

Повести из революционного боевого прошлого Красной Армии.

Темы: а) Борьба с белой Польшей.

Материалом повести должны послужить события, имевшие место во время русско-польской войны, на фоне которых должна развертываться фабула повести.

б) „Деникинщина“.

Материалом повести должны послужить события, имевшие место во время борьбы с Деникиным.

Требования: Обе повести не должны преследовать своею целью охватить весь без исключения исторический материал соответствующих периодов гражданской войны. Достаточно использовать только некоторые эпизоды, имеющие непосредственное отношение к развитию действия повести. Необходимо соблюдение исторической точности важнейших событий.

Размер повести—от 2 до 3 печ. листов каждая.

Организационно - художественная цель повести: содействовать закреплению революционно-боевых традиций Красной Армии, повышению *классовой* сознательности красноармейца.

Производственно-бытовой рассказ.

Темы: а) Необходимо быть вежливым, опрятным, соблюдать гигиенические правила, не употреблять ругательных слов, читать газеты и книги.

Материал рассказа должен быть взят из жизни и быта Красной Армии и дать освещение перечисленных качеств, как необходимых условий социалистического общежития.

б) *Хороший разведчик:* рассказ должен пропагандировать основные качества разведчика—дерзость, настойчивость, наблюдательность, знание военных примет, способность ориентироваться на местности днем и ночью, выносливость, уменье оценить обстановку и т. д., использовывая боевой опыт Красной Армии.

в) Антирелигиозный рассказ: материалом может послужить быт крестьянина, уповающего на „высшие силы“ и остающегося бездеятельным и быт рабочего, не верящего ни во что, кроме науки, энергичного, активного, действенного. Антирелигиозная цель должна достигаться не прямым высмеиванием попов и богов в рассказе, но должна явиться неизбежным выводом из всего содержания рассказа.

Рассказ должен воспитывать читателя в духе организованной общественной самодеятельности.

Размер рассказов—от $1/2$ до 1 печ. листа каждый.

II. На пьесы и инсценировки.

Революционно-батальная драма.

Тема: Перекоп.

Драма должна выявить чрезвычайный героизм красных войск, сознающих цели и смысл борьбы и поэтому не останавливающихся ни перед чем, и распад, гибель, разложение золотопогонной контр-революции (показать это на фактах: чудовищная спекуляция, пьянство, издевательство над мирным населением, отсутствие дисциплины и т. д.), ведущей борьбу за интересы фабрикантов и помещиков. Показать, как открываются глаза у обманутых золотопогонниками рядовых солдат белой армии.

Требования: герой—массы, коллектив. Отдельные личности—только как метод для выявления коллектива.

Сценичность, простота атрибуции, неперегруженность отдельными эффектами—естественность. Не более 4-х актов.

Сценарий массового действа.

Тема: три периода Красной Армии—зарождение (красная гвардия), от партизанщины к регулярной армии, Красная Армия и эпоха культурничества (три акта). Участники, действующие лица—красноармейская часть. Постановка—на открытом воздухе.

Требования: Сценарий должен преследовать цель выявить действия масс, иметь своим героем коллектив, его организованность и самодеятельность, показать, как в массовом революционном творчестве выковалась могучая Красная Армия.

Производственные одноактные пьесы.

Темы: а) „Не бойся вражеского воздухфлота", одноактная комедия, бичующая трусость, пропагандирующая методы борьбы с воздухфлотом противника.

б) „Что бывает, когда не соблюдается устав". Пьеса должна дать художественную иллюстрацию (из боевой жизни красных частей), вредности несоблюдения того или иного требования строевого устава, так как такое несоблюдение, нарушая систему организационного боевого сотрудничества („кооперацию") участников-бойцов—ведет к поражениям.

Требования к пьесам: отсутствие монологов, сценичность, простота.

Общие требования по отношению ко всем произведениям на конкурс повестей, рассказов и пьес:

Насыщенность фабулой, динамическим действием, простота героев (отсутствие интеллигентского психологизма), простота языка (но не тенденциозная упрощенность). Безусловное соответствие всем требованиям художественности.

III. На слова для красноармейской песни.

Темы: 1) Боевая песня-марш (выявить энтузиазм, бодрость, веру в свои силы, в победу над врагами пролетариата, в осуществление конечных целей социализма).

2) Походная песня-марш—(должна популяризировать классовую сущность, задачи и цели Красной Армии, как самим бойцам, так и среди населения, с которым армия соприкасается в походе).

3) Бытовая казарменная песня (исполняется на отдыхе, военно-производственная и культурническая пропаганда).

4) Песня-марш из периода борьбы на Западном фронте (закрепление революционных боевых традиций—могут быть использованы отдельные героические эпизоды).

Примечание: Песни могут быть написаны и на национальных языках (белорусском, украинском), но тогда обязательно должен быть дан их художественный перевод.

Требования: По форме и стилю песни не должны быть вычурными, но простыми, понятными, близкими красноармейцу, иметь „Пушкинскую" рифму и маршевый ритм.

Организационно - художественная цель: Закрепление революционно-боевых традиций, повышение классовой сознательности и общекультурного уровня, военно-производственная пропаганда. Организация *действия* в

походе, бою, на отдыхе (соответствующий ритм, *облегчающий* („организующий") работу.

Конкурс на мелодии к премированным словам будет об'явлен особо, по окончании настоящего конкурса (на текст).

Условия конкурса.

В конкурсе могут принимать участие все, без исключения работники Красной Армии.

Устанавливаются следующие премии:

1. За лучшую повесть:	2	премии—по	200	р. зол.
	2	„ — „	100	„ „
2. За лучший рассказ:	3	„ — „	50	„ „
	3	„ — „	25	„ „
3. За лучшую драму:	1	премия—	250	„ „
	1	„ —	150	„ „
4. За сценарий массовый (юбилейный).	1	„ —	40	„ „
	1	„ —	20	„ „
5. За лучшую одноактную пьесу производствен.	2	премии— „	50	„ „
	2	„ — „	25	„ „
6. За лучшую боевую песню-марш.	1	премия—	50	„ „
	1	„ —	25	„ „
7. За лучшую походную песню-марш.	1	„ —	50	„ „
	1	„ —	25	„ „
8. За лучшую бытовую казарм. песню	1	„ —	50	„ „
	1	„ —	25	„ „
9. За песню из периода борьбы на Запфронте.	1	„ —	50	„ „
	1	„ —	25	„ „

Примечание: Под „лучшим" произведением всюду разумеется произведение, удовлетворяющее всем, без исключения художественно-воспитательным требованиям.

Сверх того, каждое премированное произведение оплачивается авторским гонораром, из расчета—повесть, рассказы и сценарий—25 руб. за печатный лист, пьесы—25 руб. за акт и слова к песням—по существующему тарифу (как стихотворение).

Рукописи, не удостоенные премии, но признанные пригодными для печати, приобретаются на общих основаниях.

Работы на конкурс направляются в запечатанных конвертах, *под девизом* с указанием на конверте—„на конкурс", по адресу: Издательство Запфронта, Социалистическая, 10-а;—повести и рассказы—руководителю ячейки повести т. Норицыну, пьесы и инсценировки—руководителю ячейки драмы—тов. Волчанецкому.

Фамилии авторов присылаются по тому же адресу, одновременно с рукописями, в особых запечатанных конвертах под девизом автора.

Срок предоставления рукописи на конкурс: для рассказов, сценария, одноактных пьес и слов для песен—1 января 1924 года, для повести и драмы—1 марта 1924 года.

Жюри конкурса образуется из представителей Литкружка В.-Н. Клуба Запфронта, Рабиса, Рабпроса и Агитпропа Пузапа. Персональный состав жюри будет установлен и опубликован позднее.

Председатель
Военно-Научного Общества
Запфронта *М. Тухачевский.*
Руководитель Литкружка
В.-Н. К. Запфронта *Мих. Лузгин.*
Руководитель ячейки
повести Литкружка *Норицын.*
Руководитель ячейки
драмы Литкружка *Волчанецкий.*

14 сентября 1923 г.
г. Смоленск.

Фронтовое совещание военкоров.

3-го сентября в Смоленске состоялось совещание военкоров частей Западного фронта. В повестке дня были вопросы: материальное положение издательства, структура редакционно-издательского аппарата, задачи красноармейской печати, военкорская сеть и литработа на местах.

Неудовлетворительное материальное состояние периодических политизданий фронта, особенно газеты „Красноармейская Правда“, которое не улучшилось до сего времени, не смотря на ряд предпринимавшихся мер (напр., подписная плата),—заставили прийти к решению о необходимости перехода на государственный бюджет, с ассигнованием Пуокру ежемесячно определенной суммы. Только эта мера дает возможность не ослаблять политико-просветительной работы и, в то же время, не перекладывать расходов на красноармейцев, как это делает подписная плата.

Основным организационным препятствием к созданию издательского аппарата в Красной Армии является существование двух видов изданий: военно-политических и военно-специальных. Первые тяготеют к Пуру, вторые—к командованию. Кроме того, даже после неоднократных реорганизаций, у них отсутствует организационная схема, учитывающая потребности фронта, и издательская работа оторвана от работы торговой.

Совещание полагает, что издательский аппарат в центре должен создаваться на следующих началах: ряд заинтересованных в издательстве военных учреждений и организаций (РВСР, Пур, Гувуз и т. д.) заключают между собою договор и вносят паи деньгами и элементами производства, образуя издательское товарищество. Руководство принадлежит специальной коллегии из уполномоченных представителей ведомств. Издательство не только издает, но и подготовляет издания к печати. Редакционный и технический аппарат существует на хозяйственном расчете.

Издания отпускаются лишь по цене, обеспечивающей себестоимость. В связи с этим, меняется и вся система денежного снабжения на издательские цели государством военведа.

Средства раз'ассигновываются по отдельным военным учреждениям, а закупка сосредоточивается в Пуокрах. Бюро печати при такой организации, являясь деловым аппаратом, руководит издательской деятельностью Пуокров, распределяет кредиты, совместно с отд. снабжения Пура, предназначенные на приобретение литературы Пуокрами и идейно руководит работой редакторов периодических красноармейских газет.

По вопросам создания военкорской сети и литработы на местах, совещание установило совершенную необходимость введения штатных военкордивов и военкоров полков. Кроме того, эти военкоры должны быть освобождены от всякой другой работы, кроме партийной. Вместе с этим на военкордива ложится ответственность за всю литработу в дивизии, а военкоры частей являются председателями литколлегий, имея целью организовать красноармейское творчество. Большое значение, по мнению совещания, имеет тесная связь военкора с газетой, для чего необходимо работникам редакции фронтовой газеты выезжать на места, а военкоров время от времени вызывать для работы в редакции. Кроме того, необходимо поддерживать связь посылкой товарищеских писем.

Задачи красноармейской печати в настоящее время сводятся к поднятию культурного уровня, освещению быта, учебы, вниманию мелочам, борьбе с антиморальными явлениями в Красной Армии. Особое значение в данную минуту имеют маневры, на которые должно выделить ответственных военкоров с правом пользования всеми способами связи.

Кроме того, сбор терчастей требует полного освещения жизни и быта переменников, и с этим военкоры должны серьезно считаться.

В текущих делах совещание заслушало доклад о деятельности и задачах литературно - художественного кружка при Военно-Научном Клубе Запфронта и о намеченном литературном конкурсе, и постановило как можно шире ознакомить фронт с данными доклада.

В итоге, следует отметить, что несмотря на усиленную подготовку к маневрам, лишившую возможности всех товарищей прибыть в Смоленск, совещание прошло оживленно и дало положительные результаты.

Г.

2 фронтсовещание по агитпропработе.

25—26 июля состоялось фронтовое совещание начагитпропчастей подивов и посекров лагсборов (второе за летний периоды), имевшее целью подготовить практический опыт мест во всех областях партполитпросветработы, проделанной в зимний и лагерный период, учесть положительные достижения и недостатки и наметить ее дальнейшие пути.

Были заслушаны доклады „о задачах агитпропработы", „о переподготовке политсостава, в связи с задачами агитпропработы", „школьная работа и политчас", „о политзанятиях с комсоставом" и др.

Совещанием констатировано, что истекший зимний и лагерный периоды партполитпросветработы п р о ш л и впервые в мирной обстановке, при сносных экономических и бытовых условиях и результаты „мирной учебы"—налицо.

Работа приняла плановой характер, вошла в систему. Обработка бойца велась по единообразной программе, с резко обозначившимся методическим уклоном. Политзанятия с комсоставом приняли плановой, углубленный характер.

Красноармейцы получили первичные сведения по политграмоте, усвоили основы политустава, разбираются, следя за газетами, в текущих событиях и международной обстановке. К зимнему периоду закончится массовая ликвидация безграмотности, уступив место ликвидации малограмотности и ликвидации неграмотности с одиночками и небольшими группами.

В зимний период агитпропработа должна вестись так, чтобы красноармеец смог научиться самостоятельно пользоваться книжкой, справочником, смог самостоятельно повышать свои знания путем самообразования.

В качестве задач на ближайшее время, совещание наметило следующие моменты:

Места должны: 1) обратить самое серьезное внимание на должное направление содержания агитационно-пропагандистской работы, в духе циркуляра Пузапа № 112, добиваясь сдвига ее с пути „большой" политики в сторону производственно-бытовую.

2) Всемерно углублять методический уклон в политзанятиях, расширяя сферу применения методических приемов от политчаса на всю партполитпросветработу.

Для этого необходимо.

Обратить подивам и посекрам лагсборов внимание на точное выполнение циркуляра Пузапа № 105, особенно в части:

а) Подготовки ко второму фронтовому курсо-с'езду политруков, проводя методические дивизионные курсо-с'езды на местах.

б) Тщательной подготовки в дивизиях конкурса на наглядные пособия и серьезного проведения его.

в) Учета опыта работы политпросвет-кабинетов.

г) Перегруппировки политруков и ее своевременного окончания.

д) Элементарной и методической переподготовки политруков.

е) Пузапу издать к сентябрю м-цу учебник методики политчаса.

ж) Приступить к освещению вопросов методики всех видов партполитпросветработы на страницах „Красной Присяги", давая теоретические и практические обоснования к ним.

з) Привлечь возможно большое количество работников мест к активному сотрудничеству в „Красной Присяге".

и) Учитывать опыт в работе и информировать о всех достижениях Пузап.

3) Учитывая улучшающееся материальное положение армии—повести решительную борьбу за поднятие политико-морального состояния частей фронта под лозунгом культурничества. *Достигнуть культуры в быту, жизни, работе Красной Армии—главная задача.* Необходимо всеми мерами пропагандировать лозунг культурничества, пропитывая им содержание всей агитационно-пропагандистской работы. Начать тщательное изучение быта, жизни и работы кр-цев и комсостава, выделяя все антикультурные явления для решительной с ними борьбы и усиливая эффект положительных сторон. *Вменить в обязанность каждому политработнику знакомство с книгой т. Троцкого «Вопросы быта эпохи культурничества».*

ИТОГИ

врачебного контроля над участниками Обще-Фронтовой Олимпиады Войск Западного Фронта с 16 по 22 Августа 1923 года.

Обще-Фронтовая Олимпиада Войск Западного Фронта, организованная в г. Смоленске в середине Августа текущего года, явилась первым опытом устройства состязаний в таком широком масштабе. По мысли инициаторов Олимпиады, она должна была выявить достижения среди красноармейской массы не только в области физической культуры, но и служить показателем той учебно-практической работы, которая велась в частях различных

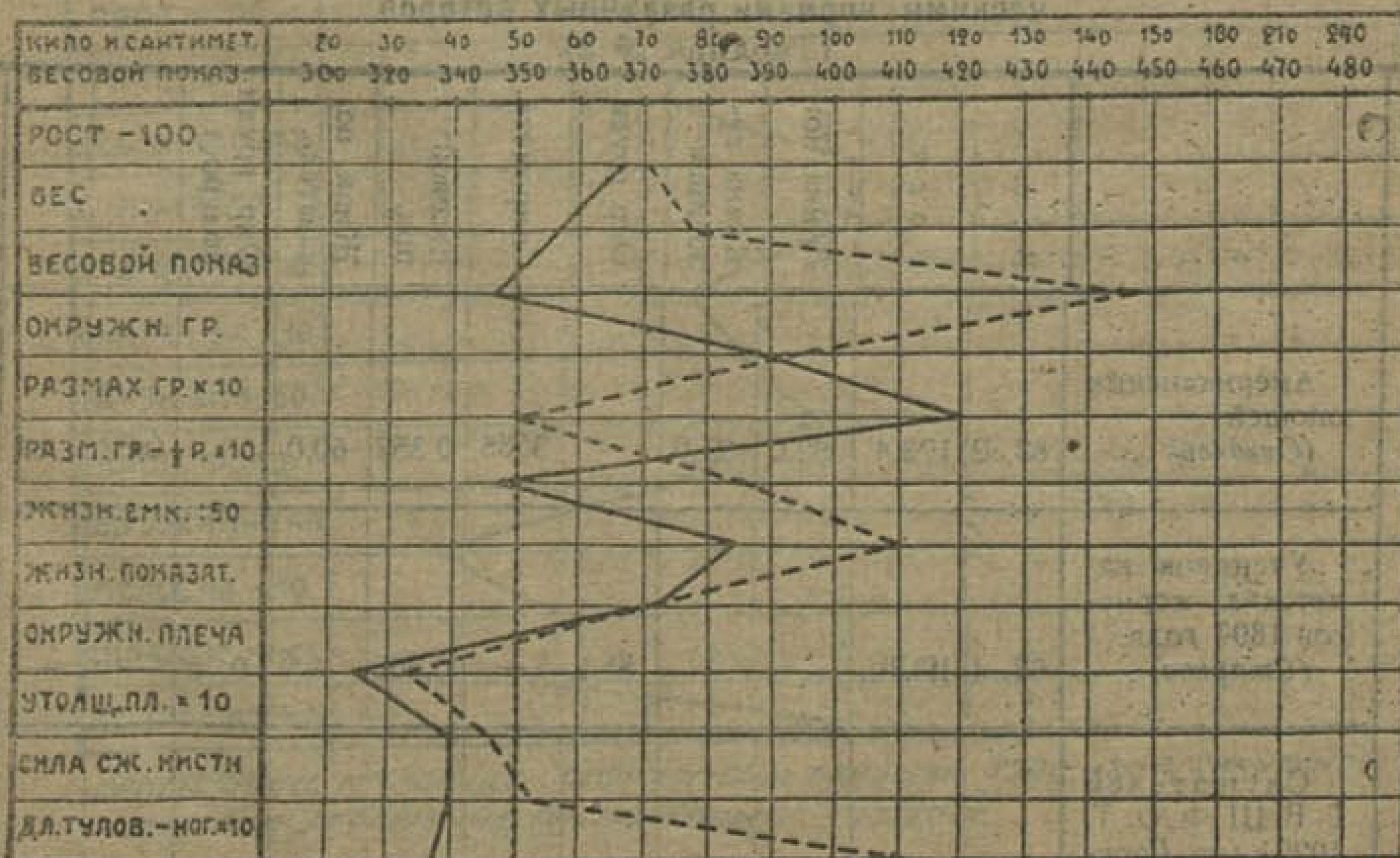
родов оружия в течение целого года Гимнастика и спорт, введенные в число обязательных занятий, за короткое время успели приобрести в наших частях симпатии широких кругов красноармейцев. Отсутствие кадра обученных инструкторов в войсковых частях, перегруженность кр-цев различного рода учебно-практическими занятиями и нарядами и другие неблагоприятные факторы не давали возможности развернуть во всю ширь дело физической культуры и с первых же шагов поставить его на должную высоту. Отсутствие антропометрических кабинетов, снабженных всеми необходимыми для врачебного контроля инструментами, лишали войсковых врачей возможности установления научной проверки результатов физических упражнений. Но, несмотря на целый ряд условий, препятствовавших правильному ходу развития дела физической культуры войск Запфронта, работа все-таки велась и, как увидим ниже, уже имеется ряд серьезных достижений, которые позволяют надеятся на то, что в будущем, по мере улучшения об'ективных условий работы, физическая культура среди красноармейской массы даст лучшие результаты, чем это отмечено во время настоящей Олимпиады. Состязания, имевшие место до сих пор на Зап. фронте (Олимпиада курсантов в прошлом году, дивизионные и корпусные выступления этим летом), ни разу не были поставлены под врачебно-научный контроль и проходили совершенно бесследно. Последнюю же, обще-Фронтовую Олимпиаду, решено было использовать для массового наблюдения. Предполагалось провести научно-исследовательскую работу в широких размерах, соединив антропометрические измерения с физиологическими и психологическими наблюдениями. Но отсутствие необходимого инструментария и научных сил заставило с'узить первоначальную задачу и ограничиться немногим из задуманного: обычным медицинским освидетельствованием всех участников, главным образом со стороны нормального состояния внутренних органов (сердца, легких и пр.), и антропометрическими измерениями; физиологические же наблюдения свелись к определению кровяного давления и размаха пульсовой волны и к взятию нескольких проб крови на ее ферменты. Инструментарий, который нам удалось собрать для обследований, принадлежал различным учреждениям и частным лицам и заключался в следующем: весы Фербенкса с ростомером были взяты из Военно-Научного Клуба Запфронта; спирометр Гетченсона, динамометр Коллена и метроном были любезно предоставлены Директором Гигиенического Института Смолгосуниверситета, а антропометрические ленты, секундомер и сфигмометр Пашона — доктором Ратенштейном, Начальником Санитарной части Фронта. По заранее выработанному плану все участники состязаний должны были явиться в Научно-исследовательский кабинет для предварительного обследования и затем, после той или иной работы—вторично. Все сведения заносились в антропометрическую карточку (образца ГВСУ № 6484). Нами дополнительно были внесены еще некоторые пункты: в общий отдел—вопросов о курении и алкоголизме, в отдел антропометрических измерений—определение окружности плеча в спокойном и напряженном состоянии и показания динамометра, а в третий отдел—показания кровяного давления. Все антропометрические измерения производились с 14 Августа, причем вес, показания спирометра, динамометра, кровяного давления и размаха пульсовой волны проверялись повторно до начала того или иного упражнения и тотчас же после окончания. Такой же процедуре, в смысле распорядка работ, подверглись участники состязания по обследованию крови на ферменты. Благодаря недостаточному количеству работавших врачей и отсутствию технических помощников, а также разбросанности мест состязаний и удаленности их от врачебного кабинета, количество обследований выразилось в цифре — 155, а вместе с повторными—290. Необходимо отметить, что благодаря дождливой погоде некоторые упражнения пришлось перенести в закрытое помещение—гимнастический зал Стрел-

ковой Школы подготовки старших допризывников (борьба, поднятие тяжестей, фехтование, машинная гимнастика), а бег на различные дистанции, прыжки и метания—частью на площадь имени рабочего Смирнова, частью на Красном Стадионе; кабинет же разместился в Школе, в отдельной комнате, по соседству с гимнастическим залом, так что участники состязаний поступали под контроль непосредственно после той или иной работы, (борьба, снарядная гимнастика и пр.), а после бега—через несколько минут. Все обследованные спортсмены, в смысле их спортивной характеристики, представляют из себя сырой, неподготовленный материал почти без всякого спортивного стажа-самородки, не имеющие представления и оценки различных видов упражнений. Они явились на состязание, не обладая вовсе спортивными навыками не понимая даже спортивных терминов. Неподготовленность их сказывалась в самом подходе к тому или иному упражнению: они не знали об удобстве позы на старте перед бегом на 100 и 1500 метров, не умели обращаться со штангами, копьями, дисками и пр.

По своему социальному положению участники, подвергшиеся наблюдению, — крестьяне-хлебопашцы, представители губерний Западного Фронта, Украины и центральных Великоросских губерний. По возрасту они делились на три группы: 1-я—спортсмены 1900—1901 г.г. рождения, 2-я группа—добровольцы 1902—1904 г.г. и, наконец, 3-я 1896—1899 г.г.; в 90% холостые, перенесшие сыпной и возвратный тифы; из 100 чел., давших ответы на вопрос: „курит ли, пьет"—оказалось: курящих 62, некурящих 38 чел., пьющих (время от времени) 42 чел. не пьющих вовсе 58 чел. Лишь 28 человек обсолютно воздерживаются и от курения и от алкоголя. Венерические болезни отрицают все. Со стороны наследственности указаний на сифилис, туберкулез, душевные и др. болезни нет. При об'ективном обследовании состояния здоровья всех участников отклонений от нормы не найдено; участники—люди здоровые, крепкие, с хорошо развитым подкожным жировым слоем, с нормальной окраской слизистых оболочек (все внушавшие какое-либо подозрение в смысле здоровья, от состязаний отстранялись вовсе) По избранному виду спорта среди обследованных преобладали легкие атлеты (бегуны, прыгуны и метатели), затем шли тяжелые атлеты и борцы. Выбор того или иного вида спорта у большинства

Антропометрический профиль бегуна и борца полутяжелого веса.

(Таблица № 1).

участников носил случайный характер, однако данные обследования показали, что во многих случаях этот выбор вполне соответствовал анатомо-физиологической структуре спортсменов. Достаточно взглянуть на антропометрические профили 2-х представителей легкого и тяжелого атлета (таблица №1).

Для нанесения профилей мы пользовались образцами, принятыми по предложению профессора ГОРИНЕВСКОГО из Главного научно-исследовательского Кабинета при Главной Военной Школе Физического образования трудящихся в Москве.

Для полного представления о ходе работ по антропометрическому обследованию участников Олимпиады считаем необходимым привести методику измерений.

Вес определяется без одежды с с точностью до граммов; средний вес с точностью до десятых килогр.; рост стоя и сидя измерялся с точностью до миллиметров; измерение окружности груди производилось: сзади непосредственно под лопатками, а спереди под сосками, при опущенных руках; окружность плеча — при спокойном состоянии — по середине бицепса, при опущенной свободно руке; в напряженном состоянии — под углом предплечия к плечу в 90%, также по середине бицепса. Спирометрия производилась трижды, и брался высший показатель. Динамометрия — также трижды, при вытинутой правой и левой руке, брался наибольший показатель. Кровяное давление и размах пульсовой волны проверялись дважды, последнее с целью проверки правильности заключения.

На основании всех проделанных измерений вычислены были затем средние величины веса, роста и т. д., а также нанесены профили, как средний, так и профили наиболее выдающихся спортсменов, взявших первенств по тому или иному виду спорта. Материал, полученный таким образом, был проведен нами в смысле годности и достаточности его для выводов, путем сравнения наших наблюдений с теоретическим рядом чисел.

В таблице № 2 мы приводим средние величины, полученные нами при обследовании участников Олимпиады, причем отдельно выведены величины для 3-х ранее указанных групп. Для удобства сравнения тут же приведены и данные разных авторов.

Сравнительная таблица данных обследования кр-цев, прибывших на Окружную Олимпиаду Войск Запфронта с 16 по 22/VIII—23 г. в г. Смоленск с антропометрическими нормами различных авторов.

(Таблица № 2).

	Вес.	Рост.	Длина ног.	Длина туловища.	Окр. груди	Спирометр.	Весовой пок.	Жизн. показатель.	Окр груди полурост.		
Американских юношей. (*Смедлей*)	63, 2	173,4	82,0	91,0	—	3655	0,357	60,0	—	0,52	9,4
Учеников кадетских корпусов 1897 года. (*Старков*)	62, 4	169,2 1/4	—	—	85,1	—	0,368	—	0, 5	—	—
Слушателей Г. В. Ш. Ф. О. Т. 1922 г. (пр. *Горинеоский*)	62, 8	167,6	79.1	88,8	87,8	3684	0,372	59,0	3, 8	0,52	9,6

	Вес.	Рост.	Длина ног.	Длина туловища.	Окр. груди.	Спирометр	Весовой пок.	Жизн. показатель.	Окр. груди полурост.		
Кр-цев Олимпиад. войск Запфронта 16/VIII 1923 года.											
1900—1 г. г.— I группа . . .	67, 2	168,7	78,4	90,3	91,2	4354	0,396	64,4	7, 5	0,53	11,8
1902—4 г. г.— II группа . . .	59, 4	164,7	75,2	89,6	79,5	3827	0,355	64,2	4, 5	—	14,4
1896—99 г.г.— III группа. . .	65, 7	167,9	78,0	89,5	91,6	4307	0,381	65,1	8,15	—	17,9

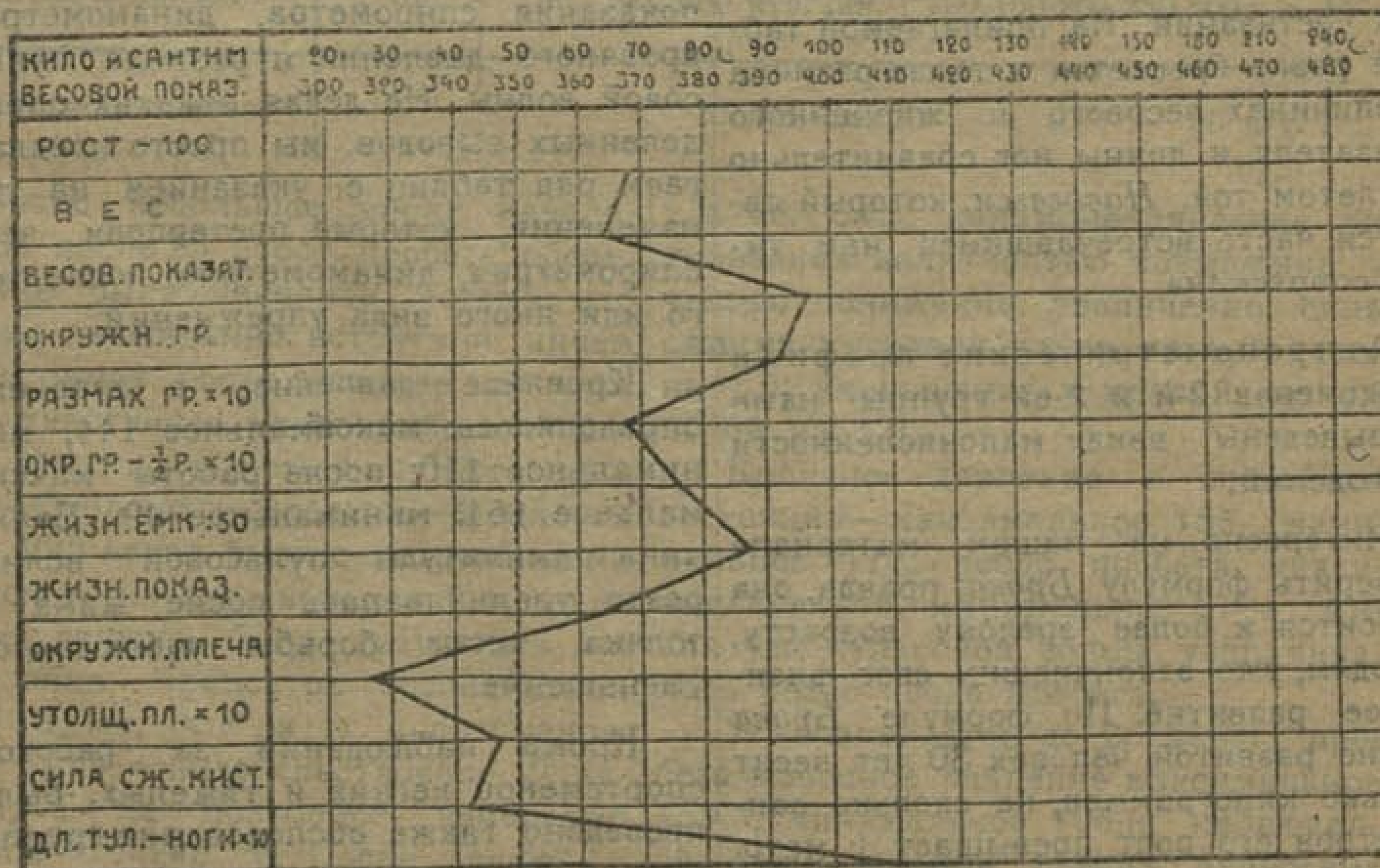
При сопоставлении полученных средних цифр 1-й группы, наиболее многочисленной, с данными разных авторов—отмечается на ряду со сходством и значительные расхождения: так, весовой и жизненный показатели, разница меж окружностью груди и полуростом, а также между длиной туловища и длиной ног—больше, чем у Смедлея, Старкова или Гориневского.

Данные двух других групп приведены только для сравнения, так как небольшое число наблюдений не дает права входить в оценку полученных цифр.

Таблица № 3 представляет средний профиль спортсменов—участников Олимпиады.

Средний антропометрический профиль спортсменов Олимпиады Войск Запфронта.

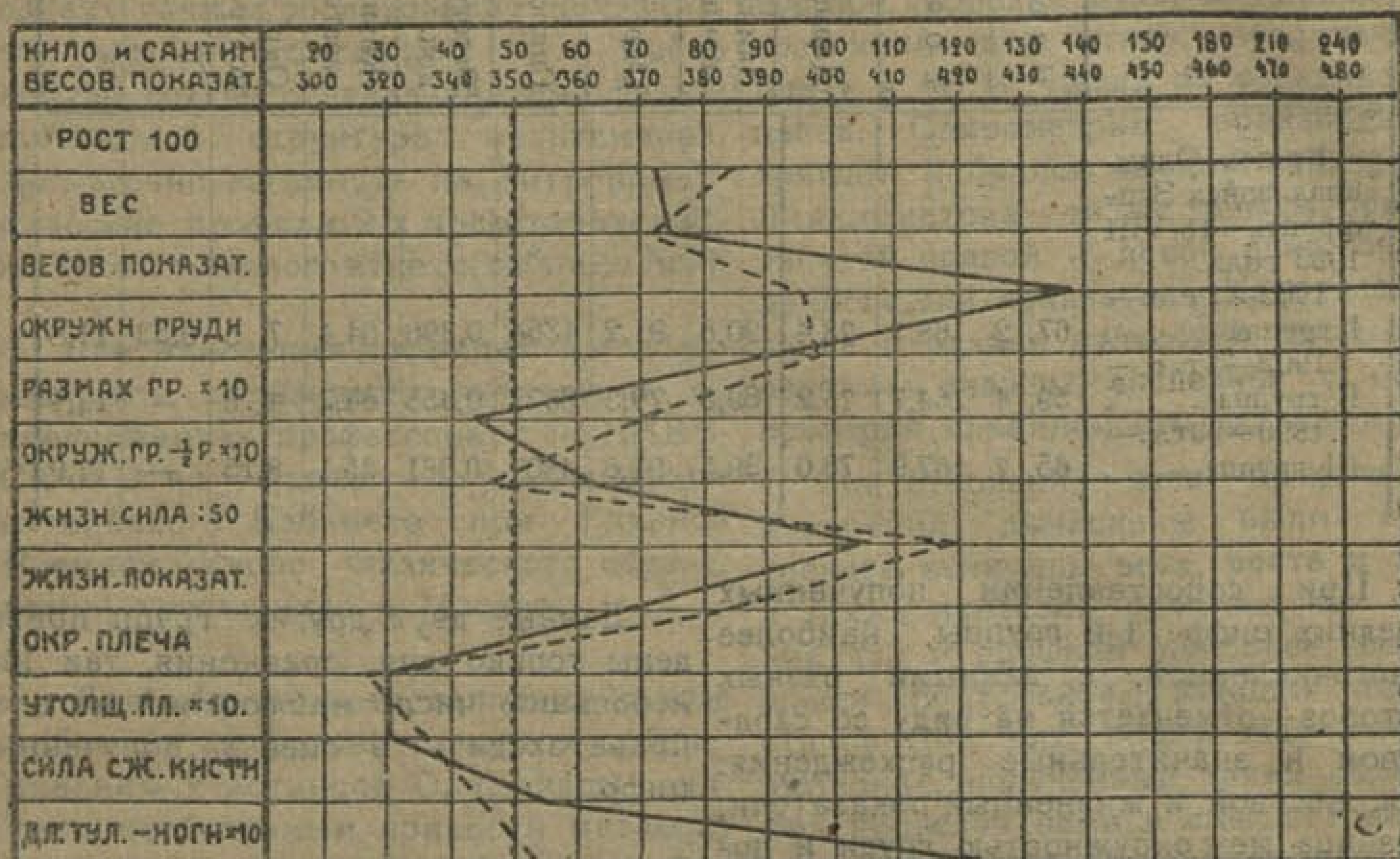
(Таблица № 3).

ПРИМЕЧАНИЕ К ТАБЛИЦЕ: СПОРТСМЕНЫ ПРИЗЫВА 1900-1 Г.Г. ОКРУЖНОСТЬ ПЛЕЧА И УТОЛЩЕНИЕ ПЛЕЧА ТОЛЬКО ПРАВОГО.

Сравнительные профили атлетов среднего веса и легкого атлета, бегуна.

(Таблица № 4).

—— НАВОС.-БОРЕЦ СРЕДНЕГО ВЕСА

----ХМЕЛЕВСКИЙ -ЛЕГКИЙ АТЛЕТ, БЕГУН

Профиль последнего (легкого атлета, бегуна) мы считаем близко стоящим к нормам, удовлетворяющим всем требованиям для легких атлетов во обще; профиль бегуна принадлежит известному спортсмену тов. *Хмелевскому*, участнику многих Всероссийских состязаний. На прилагаемой таблице резко бросается в глаза разница в величинах весового и жизненного показателя и длины ног сравнительно с атлетом тов. *Навоевым*, который является часто встречавшимся нам типом спортсмена.

Антропометрические профили спортсменов 2-й и 3-ей группы нами не выведены, ввиду малочисленности наблюдений.

Интересно на нашем материале проверить формулу *Брока*; правда, она относится к более зрелому возрасту, к людям, уже закончившим свое физическое развитие. По формуле *Брока* вполне развитой человек 30 лет весит столько килограммов, на сколько сантиметров его рост превышает 1 метр.

Сравнивая наши средние величины роста и веса, мы видим, что вес почти равен числу десятков сантиметров—67,2 и 68,7—у 1-й группы у 2-й группы вес отстает значительно—59,4 и 64,7.

Переходим теперь к вопросу о влиянии физических упражнений на вес, показания спирометра, динамометра, кровяного давления и размаха пульсовой волны. Не делая никаких определенных выводов, мы просто предлагаем ряд таблиц с указанием на те изменения, которые претерпели вес, спирометрия, динамометрия, после того или иного вида упражнений.

Кровяное давление, в среднем, определялось: максимальное 144, минимальное 110; после работы максимальное 164, минимальное 99. Величина амплитуды пульсовой волны резко увеличивалась после жима и толчка, после борьбы наблюдалось уменьшение.

Кроме наблюдений за работой спортсменов легких и тяжелых, было проведено также обследование группы мотоциклетистов и кавалеристов; наблюдение за последними носило отрывочный характер и всего было об-

Таблица изменений веса под влиянием упражнений.

ВИД УПРАЖНЕНИЙ:	Изменение веса в граммах.	
	Вес сохранился	Вес понижен на:
Бег на 100 метров	1 раз.	100, 410 гр.
Бег на 1500 метров	—	610, 810, 1000, 1300 гр.
Борьба	—	100, 310, 410, 730 гр.
Жим и толчек	1 раз.	310, 510 гр.
Прыжки в длину	—	410 гр.

Таблица изменений показаний спирометра под влиянием упражнений.

Вид упражнений:	Осталось без изменений.	Потеря жизненной емкости в кубических сантиметрах.	Повышение жизненной емкости в кубических сантиметрах.
Бег на 100 мет. .	1 раз.	50 куб. сан.	450 к. с.
Бег на 1500 мет. .	1 раз.	500 куб. сан.	
Борьба	2 раза.	200, 220, 300 куб. сан.	200 к. с.
Жим и толчок .	1 раз.	50, 200, 500 куб. сан.	100, 150, 200, 250, 500 к. с.
Прыжки в длину .	—	20 куб. сан.	50 к. с.

следовано небольшое число кавалеристов после 25 верст. пробега: обследование было неполное потому, что тут мы неожиданно встретили ничем необ'яснимое сопротивление со стороны участников кавалерийского пробега. Участники мотоциклетного пробега—Смоленск—Рославль—Смоленск всего 225 верст. были осмотрены нами накануне поздно вечером, а рано утром должно было состояться их состязание. Процедура обследований была та же, что и у спортсменов, всего было освидетельствовано 9 человек, а на повторное измерение явилось только 6. После пробег у всех участников наблюдалось понижение веса в среднем на 230 грамм, показания спирометра в среднем на 231 кб. снт.; динамометрические же показания дали частью повышение и частью понижение: увеличение силы сжатия в правой кисти на 6,0, левой на 1,6; уменьшение в правой на 2,0 левой на 4,0.

Кровяное давление в спокойном состоянии—максимальное 155, минимальное 113; после пробега максимальное 156, минимальное 101. Амплитуда пульсовой волны увеличивалась резко после пробега.

У кавалеристов до 25 верст. пробега кровяное давление максимальное 159,5, минимальное 106,8; наблюдался очень слабый размах пульсовых колебаний, особенно после пробега. Динамометрия до пробега в среднем в правой руке 42,0 в левой 39,0,

Таблица изменений показаний динамометра

Вид упражнений	Увеличено на:		Уменьшено на:	
	В прав. р.	В лев. р.	В прав. р.	В лев. р.
Бег на 100 метров . .	—	2,0	3,25	4,0
Бег на 1500 метров . .	—	—	6,35	7,0
Борьба	3,75	—	5,4	5,6
Жим	10,5	9,1	5,5	3,3
Толчок	12,0	10,0	8,5	5,6
Прыжки в длину . . .	4,0	—	3,0	1,0
Параллельные брусья	4,5	4,2	3,0	3,0

после пробега в правой 43,75, в левой 39,0; после пробега кровяное давление максимальное 160,0 минимальное 103,5.

Не делая выводов, ввиду малочисленности наблюдений, относительно изменений ферментов крови до и после работы, мы просто приведем анализ крови у спортсменов до и после той или иной работы. Анализ был проведен по способу Баха, частью зав. окр. лабораторией при местном военном госпитале тов. *Блюменталем*, частью врачем гигиенического института Смолгосуниверситета тов. *Иоффе*.

Анализ крови № 1 (доктор *Блюменталь*).

Тов. *Навоева*.

	До борьбы.	После борьбы.
Каталаза	13,94	—15,47
Протэаза	0,85	— 1,19

Пероксидаза до борьбы меньше, чем после борьбы.

Эстераза до борьбы больше, чем после борьбы.

Анализ № 2 (доктор *Блюменталь*).

Тов. *Александровича*.

	До борьбы	После борьбы.
Каталаза	15,13	—14,28
Протэаза	1,87	— 0,85

Пероксидаза до борьбы меньше, чем после борьбы

Эстераза до борьбы больше, чем после борьбы.

Анализ № 3 (доктор *Иоффе*).

Тов *Архиреева*.

	До поднятия тяжестей.	После поднятия тяжестей.
Каталаза	15,3	—22,95
Протэаза	4,42	— 7,65

Пероксидаза и эстераза не определялись.

Анализ № 4 (доктор *Иоффе*).

Тов. *Любичева*.

	До бега на 100 метров.	После бега на 100 метр. (13 сек.).
Каталаза	24,65	—21,42
Протэаза	4,25	— 3,74

Пероксидаза и эстераза не определялись.

Анализ № 5 (доктор *Иоффе*).
Тов. *Саута*.

	До борьбы.	После борьбы.
Каталаза	17,17	— 9,86
Протэаза	3,4	— 0,17

Пероксидаза и эстераза не определялись

Для сравнения тов. *Саута* был проведен повторный анализ крови спустя три дня после состязаний, во время отдыха. Обнаружено: каталаза 22,1, протэаза 1,7, пероксидаза 50, эстераза 62,5 (определено калориметрией).

Подводя итоги всем наблюдениям за период Олимпиады, можно сказать, что обследованные нами спортсмены красноармейцы представляют еще сырой, мало подготовленный, но легко поддающийся обработке, материал.

При сравнении наших средних цифр с американскими надо иметь в виду, что у американцев спорт завоевал уже давно почетное место в воспитании молодого поколения, наши же красноармейцы только приступают к занятиям гимнастикой и спортом. При хорошем руководстве, при обеспеченности наших войсковых частей опытными, знающими инструкторами, дело оздоровления нашей Армии пойдет более быстрым темпом.

Короткость ног, по сравнению с длиной туловища, отмечаемая у наших спортсменов, именно и указывает на то, что в период роста ногами мало пользуются для упражнения: опыт учит, что ноги растут у тех, кто их упражняет. Наши спортсмены—продукт естественного подбора, как индивиды, случайно выдвинувшиеся благодаря своим природным качествам и представляют собою наиболее способных в физическом отношении и наиболее крепких людей Армии. Собранный материал отнюдь не может служить средними нормами для всей Красной Армии, так как, повторяем, наши спортсмены—лучшая, отборная часть Армии.

Врачи: { *Абрамов.* *Котов.*

Фронтовые конские состязания.

18, 19 и 22 августа в Смоленске состоялись фронтовые конские состязания. Всего от частей фронта на состязания прибыло 25 лошадей. Как ни странно, но артиллерия фронта дала лишь одного участника от 7-го конартдива и одного от 5-го легартдива. Мы не можем предположить, что красные артиллеристы относились индеферентно к конскому спорту, а об'ясняем отсутствие хотя бы по одному представителю от каждой артиллерийской части лишь недостатком соответствующего конского состава. Если же в действительности в артиллерии до сего времени конский спорт не завоевал еще симпатий, то мы надеемся, что в будущем году артиллеристы будут соперничать с 7-й кав. дивизией.

Первые два дня состязаний представляли собой одно целое и программа их заключалась в следующем: первый день—выездка лошади (манежная езда), преодоление препятствий уставных размеров, рубка лозы; второй день—25-ти верстный пробег и после 1/2 ч. отдыха гладкая верстовая скачка. В эти два дня каждый участник должен был продемонстрировать, насколько его лошадь отвечает условиям, пред'явленным к строевой лошади, а в отношении же самого себя, насколько он знает силу своей лошади и умеет ее использовать. Первого приза по этим состязаниям, т. е. по состязаниям на первенство строевой лошади, удостоен Ком. полка 37, 7-й кав. дивизии *Сафонов* (конь Ермак). 2-го приза—Ад'ютант Комкора 5 *Масловский* (кобыла Райка); 3-го—Комэскадрона 40-го кавполка 7-й кав. дивизии *Андрусенко* (конь Варенник); 4-го—Помкомвзвода 40-го кавполка 7-й кав. дивизии *Волков* (конь Дагестан) и 5-го—Комвзвода 37-го кавполка 7-й кавдивизии *Тюпин* (конь Идеал). Лучшую резвость гладкой верстовой скачки после 25-ти верстного пробега дала кобыла Анжелола, скакора 5 *Волковского*—1 мин. 22 сек. В третий день состязаний состоялись: для участников состязаний, не удостоенных приза за первые два дня состязаний—гладкая скачка

на дистанцию 1 верста 100 саж. и барьерная скачка на дистанцию $1^1/_2$ вер. с 5-ю препятствиями. На гладкой скачке победителями оказались: 1 м Комэскадрона 37-го кавполка *Рыбалкин* на жеребце Игорь 1-й (резвость 1 мин. $40^1/_2$ сек.) 2-м Комбатареи 7-го конартдива *Семенов* на кобыле Жизнь (резвость 1 мин. $41^3/_4$ сек). На барьерной—1-м Комвзвод Отдельного эскадрона 27 стр. дивизии *Красовский*, на коне Арбуз (резвость 2 мин. 32 сек.) и 2-м Комэскадрона Дившколы 7-й кав. дивизии *Ануфриев* на коне Игорь 2 (резвость 2 мин. 37 сек).

В этот же день состоялись конкур'иппик и 3-х верстная гладкая скачка на переходящий приз. На конкуре победил Комэскадрона 38-го кавполка *Калентьев* на кобыле Зина. На 2-м месте ад'ютант Комкора 5 *Масловский* на кобыле Райка. Переходящий кубок взял для 7-й кав. дивизии Комэскадрона 37-го Кавполка *Рыбалкин* на жеребце Игорь 1-й, показав резвость 4 мин. $47^1/_2$ сек. Кроме того, состоялась любительская гладкая скачка на дистанцию 1 верста, причем на первом месте оказался Комэскадрона 7-й кавдивизии *Иванов* на кобыле Дира (резвость 1 мин. $28^3/_4$ сек.), а на втором—Комэскадрона той же дивизии *Андрусенко* на коне Вареник (резвость 1 мин. 29 сек.).

Общее впечатление от фронтовых конских состязаний удовлетворительное. Были дефекты, допущенные как участниками, так и организаторами состязаний, но они незначительны. В отношении участников состязаний и их лошадей можно заметить следующие недостатки: 1) ковка и уход за лошадью, хотя и вполне удовлетворительны, но у некоторых лошадей остались следы от мокрецов, что указывает на недосмотр; при ковке не подкова пригоняется под копыта, а наоборот, копыта по подкове. 2) Участниками мало обращалось внимания на преодоление препятствий и рубку (большинство слабо рубит налево) между тем, строевая лошадь должна быть хорошо напрыгана на всевозможные препятствия, а всадник должен рубить налево так же, как и направо.

Л. Крымов.

За Советской границей.

МАЛАЯ АНТАНТА.

Состав. Малая Антанта представляет собою агломерат с общим населением приблизительно в $42^1/_2$ мил. чел (Чехословакия 13.500.000 чел.; Югославия 12.000.000; Румыния 17.000.000).

Численность армий (состав мирного времени):

Чехословакия	150.000 ч.	(12 дивизий и 2 горных бригады).
Югославия	. 135.000	. (16 дивизий).
Румыния	. . 170.000	. (24 дивизии, из них 2 стрелковых дивизии и 1 горнострелковая дивизия).

Во время войны каждая из этих армий могла бы, вероятно, выставить 400.000 или 500.000 чел. перволинейных войск.

Румыния в мировую войну, при населении в 7.000 000, мобилизовала с августа 1916 г. 800 000 чел., в течение войны было мобилизовано еще 250.000 человек. Кроме того, в 1917 г. было призвано еще 110.000 чел., что составляло 14,4% населения. При настоящей цифре населения такой % составил бы 2.400.000 чел. Но такое напряжение является, прежде всего, максимальным и осуществимым только при непосредственной серьезной угрозе и затрудняется наличием сепаратистски-настроенных национальных меньшинств.

Югославия. Сербия, при населении в 4.000.000, мобилизовала в июле 1914 г. 489.500 чел., в августе численность армии была доведена до 572.121 чел.,

а в октябре 1915—до 707,343—24% всего населения или 40% мужского населения. Добавив около 100.000 сербов-добровольцев, сражавшихся в союзнических армиях, получим 800 000 человек.

Чехословакия.—В настоящее время население Чехословакии составляет 13 500 000, из них 3.500.000 немцев и 600.000 мадьяр. По исключении этих двух элементов остается около 9.400.000 чел., которые, вероятно, могли бы без особых затруднений выставить при мобилизации 1.000.000. Эта цифра является, конечно, теоретической и основана на сомнительной гипотезе, что немецкий элемент не доставит пражскому правительству никаких затруднений.

Снаряжение. Ни одно из трех государств Малой Антанты не располагает в настоящее время материалом, необходимым для вооружения и снабжения всех, могущих быть призванными. Уже в момент мобилизации своих армий в 1914 и 1916 г. Югославия, Сербия и Румыния терпели сильный недостаток в винтовках и орудиях. Румынской армии недоставало орудий, снабжение боевыми припасами и снаряжением было недостаточным. И эти страны, не имея собственной военной промышленности, в течение всей войны находились в зависимости от союзников и от сообщения с ними.

В настоящее время материальное состояние трех армий Малой Антанты представляется иным.

Можно считать, что Чехословакия может удовлетворительным образом вооружить, одеть и снарядить свои перволинейные войска.

Югославия находится, ввиду увеличения ее военного аппарата, в таком же материальном положении, как и в 1914 г. Она может немедленно выставить значительно большее, чем в 1914 г., количество людей, но недостаток в материальной части не позволит ей, при настоящем положении, развить все напряжение, какое она могла бы сделать при нормальных условиях.

То же относится и к Румынии.

Впрочем, такое положение, как в Югославии, так и в Румынии является временным, и помощь извне, о которой они хлопочут, без сомнения, значительно улучшит положение их армий.

Однако, когда эти армии будут снабжены необходимым материалом, остается разрешить еще вопрос первостепенной важности—вопрос о военной промышленности.

Военная промышленность. В Югославии и Румынии эта промышленность находится еще в зачаточном состоянии; все еще должно быть созданным и прежде всего—заводы боевых припасов и взрывчатых веществ.

В противоположность этим странам, Чехословакия унаследовала от Австро-Венгрии 3/4 ее промышленности. Она может снабдить всю Малую Антанту материальною частью артиллерии, пехотным вооружением и транспортными средствами.

Таким образом, правительствам белградскому и бухарестскому остается разрешить вопрос о боевых припасах. Это вопрос сырья, техников и капиталов. Пока он не будет разрешен, Югославия и Румыния будут находиться в зависимости от надежности сообщения со своими союзниками. В сырье нет недостатка. Что касается капиталов и технических сил, в них не окажется недостатка, куда бы ни обратились обе страны.

Отношения к Австрии и Венгрии.—Если Австро-Венгрия являлась „политическим анахронизмом", то она была все же экономической необходимостью. Ее распадение, разделив народы, разделило и ее рессурсы. Нарушение равновесия нигде не проявляется так ярко, как в бывшей империи Габсбургов.

Государства-наследники, географически зависящие от большого Дунайского пути, являющегося артерией экономической жизни Центральной Европы, тесно связаны общими экономическими интересами.

Земледельческая Венгрия необходима промышленной Чехословакии и Австрии. Соседи Чехословакии нуждаются в угле, который имеется в последней в изобилии. Австрия—страна обрабатывавшая поступавшее в нее извне сырье, финансировала до войны своей банковской организацией торговлю и промышленность Австро-Венгрии.

Наконец, сельское хозяйство и пока недостаточно разрабатываемые ископаемые богатства Югославии и Румынии могут явиться крупным вкладом в экономическую жизнь Центр. Европы.

Бельгия.

Увеличение сроков службы. Военный министр внес в Палату проект дополнительного закона, согласно которому установленный ныне действующим законом о воинской повинности срок службы в 8, 10, 12, 13 месяцев предложено увеличить до 12, 14, 16 и 18 месяцев на время оккупации Рура.

Великобритания.

Танки новой конструкции.—Полк. Гайнес заявил недавно в Палате Общин, что заводы Виккерс'а разрабатывают усовершенствованную конструкцию танка. Радиус действия нового танка будет—1000 миль, скорость—25 миль в час. Танк будет снабжен броневой башенкой. Длина танка—10,7 м.

Осенние маневры. — Маневры, в собственном смысле этого слова, в 1923 году не производились. Но все соединения регулярной и территориальной армий, а также части корпуса для подготовки офицеров прошли учебные сборы в лагерях; кроме того, несколько частей регулярной армии было сведено в Альдершотском лагере в „опытную бригаду". Целью упражнений этой бригады, составленной из единиц всех родов оружия в составе военного времени было изучение и усовершенствование новых методов, средств и машин. Упражнения бригады велись согласно директивам, данным генштабом.

Регулярная армия.—Большие маневры были для регулярной армии почти невозможны, вследствие крайней разбросанности сил, откомандирования многих частей в Ирландию и ликвидации некоторых соединений. Следует, однако, указать, что кроме уже упомянутой „опытной бригады" три из четырех стоящих в Великобритании дивизий постоянно находятся в больших лагерях Альдершота и Салисбери, что в значительной степени облегчает обучение их полевой службе.

Территориальные части.—Все они провели в лагерях по 14 дней. В видах сокращения расходов на перевозку, были по возможности использованы временные лагеря, лежащие близ центров формирований. Вследствие этого пришлось в большинстве случаев дробить крупные соединения.—Вспомогательные войска сопровождали свои бригады или дивизии. Но кавалерию, артиллерию, инженерные войска, автопулеметные части пришлось отделить от них, ввиду того, что эти виды оружия требуют специальных условий для своих упражнений и своей стрельбы. Но и эти части провели в лагерях тот же срок. Танки и самолеты предоставлялись в распоряжение дивизий и бригад во всех случаях, когда это только оказывалось возможным.

Лагерный сбор.—Наконец, из 14 дивизий территориальной армии, 5 дивизий были собраны целиком, со вспомогательными видами оружия и службами, в больших лагерях Альдершотском, Салисберийском, Абертсвитском и на о-ве Мэн. По официальным заявлениям, были отмечены очень удовлетворительные результаты обучения и подготовки.

Общей программы не было. Генералы, командующие дивизиями и ответственные за подготовку, определяли ход упражнений совершенно самостоятельно.

Корпус для подготовки офицеров.—Юнкера корпуса для подготовки офицеров также в значительном количестве отбывали учебный сбор в лагерях.

Известно, что так называются учащиеся, проходящие курс военного обучения. Корпус состоит из двух отделов: младший отдел—учащиеся среднеучебных заведений и старший отдел—студенты университетов. Из него комплектуются почти все офицеры запаса и некоторое количество офицеров действительной службы (около 10%).

К 1 апреля 1922 года в корпусе числилось: 29,086 юнкеров младшего отдела и 3245 юнкеров старшего.

Юнкера младшего отдела получают только пехотную подготовку, за исключением небольшого числа получающих саперную подготовку. В старшем же отделе имеются подотделы для всех родов оружия.

Прошедшие курс в младшем отделе получают свидетельство А, удостоверяющее, что юнкер получил достаточную индивидуальную подготовку и может командовать взводом; это свидетельство позволяет получить офицерскую должность в территориальной армии.

Прошедшие курс в старшем отделе получают свидетельство Б, удостоверяющее пригодность к командованию взводом и, кроме того, предоставляющее право старшинства по сравнению со свидетельством А. Имеющие свидетельство Б могут, кроме того, получить чин офицера регулярной армии, не проходя военной школы.

Каждое отделение ежегодно отбывает лагерный сбор.

В 1922 г. контингенты младшего отдела были сгруппированы в 5 лагерях.

Альдершотский лагерь	6300 юнк.
Салисберийский „	5050 „
1 лагерь в северном графстве	2800 „
2 лагеря в Шотландии	900 „
Итого:	11050 юнк.

В 1923 году в лагерях находилось 2783 юнкера старшего отдела со 130 офицерами (т. е. почти весь старший отдел).

В течении 14 дней к частям регулярной армии были приданы несколько контингентов различных родов оружия, что было осуществлено в частности для следующих университетских контингентов:

Оксфорд:
- 1 баталион пехоты
- 1 эскадрон кавалерии
- 1 взвод полевой артиллерии
- 1 саперная рота
- 1 взвод связи
- 1 взвод пеленгования по звуку
- 1 взвод полевого лазарета.

Кембридж т о - ж е

Лондон:
- 1 баталион пехоты
- 1 саперная рота
- 2 взвода полевого лазарета.

При каждом лагерном сборе контингентов корпуса для подготовки офицеров—программа занятий устанавливается командиром лагеря, который всегда назначается из офицеров регулярной армии.

На более важной части лагерного сбора присутствует офицер ген. штаба.

Флот.—Согласно английской «Белой книге», наибольшее количество легких крейсеров и истребителей имеет Англия, наибольшее количество линейных кораблей (40 против 20 английских) и подводных лодок—Америка. Линейные крейсера имеются только в английском и японском флотах.

Рурский экспедиц. отряд.—По сообщению сделанному в Палате общин, английская оккупационная армия в Рейнской области состоит из 345 офицеров и 8230 нижних чинов. Расходы на 30/IV-23 г. составляли 50½ миллионов фунт. стерлингов. Верховное командование английской оккупационной армии разрешает всем английским офицерам и нижним чинам пребывание во вновь оккупированной области только по служебным надобностям.

Голландия.

Усиление флота. Подлежащая обсуждению в Палате судостроительная программа предусматривает постройку: 2 линейных кораблей, 10 подводок, 12 истребителей, 6 подводных минных заградителей, 6 миноносок по 400 тонн и 160 гидропланов. Для сооружения и усиления морских баз в Голландской Индии в течение ближайших 10 лет должно быть затрачено 200.000.000 гульденов.

Италия.

Организация отдела газовой войны. В итальянской армии организован по американскому образцу отдел газовой войны. В состав отдела входят 200 офицеров и соответствующее число гражданских специалистов.

Флот. Закон устанавливает следующие штаты для корпуса офицеров флота: 1 адмирал, 7 вице-адмиралов, 16 контр-адмиралов, 50 капитанов 1 ранга, 100 капитанов 2 ранга, 150 капитанов-лейтенантов, 400 лейтенантов, 270 мичманов и гардемаринов.

Издан закон, устанавливающий для военных судов следующие сроки службы, по истечении которых они исключаются из списков флота:

Линейные корабли и броненосцы береговой обороны—20 лет, линейные крейсера, большие разведочные крейсера, миноносцы и канонерки—15 лет, малые крейсера, истребители и подводные лодки—12 лет, моторные, дозорные лодки—8 лет; минные заградители, минные тральщики, канонерские лодки и вспомогательные суда—25 лет.

Сроки исчисляются со дня готовности для службы.

Румыния.

Продление военного соглашения. Подписанным недавно румынским и чехословацким правительствами соглашением, существовавший между обеими странами оборонительный договор, срок которого истекал в этом году, продлен еще на 2 года.

С. А. С. Ш.

Усиление обороны Панамского канала. По окончании наступательных маневров флота против оборонительных сооружений Панамского канала, адмирал Джонс заявил, что маневры доказали неудовлетворительность оборонительных сооружений. Артиллерийская оборона должна быть усилена установкой 40,6 см. орудий, а воздушная оборона—придачей еще канальных авиоэскадр, кроме того, у канала должна стоять эскадра легких судов.

Уменьшение запасов горючего для флота. Настоящее состояние финансов позволило иметь запасы, которые дают флоту возможность быть в ходу только от 4 до 7 дней в месяц.

Учебные лагери в 1923 г. В 1923 году летний период подготовки будет продолжаться с 1-го июня до 1 октября. Полагают, что в учебных лагерях будет собрано 223.000 чел. (национальная гвардия, организованные резервы, офицеры резерва и т. д.). В качестве инструкторов в лагеря будут откомандированы около 30.000 офицеров.

Финляндия.

Закон о воинской повинности от 11|XI—22 г., который делает недействительными временные законы от 8|II—19 и 15|VII—20 г. г., вошел в силу 1|IV—23 г. Главные характерные черты этого закона следующие:

I. Организация. Финляндская регулярная армия состоит из: линейных войск (действительной службы и резервных) и лантварн'а.

а) *на действительной службе* состоят профессиональные военные (офицеры и сверхсрочные) и один призывной год молодых солдат, призываемых на службу под знамена на 20-м году жизни.

б) Отслужившие срок действительной военной службы переходят затем в резерв, где они числятся до 1 июня восьмого года после их зачисления на действительную службу.

в) *Лантварн* состоит из 3 категорий:

К 1-й принадлежат люди, прослужившие свой срок в резерве.

Ко 2-й—все подлежащие службе, но по какой-либо причине не отбывшие действительной службы (напр., те, кто должен был бы служить в то время, когда Финляндия не имела армии или те, кто по болезни прослужил менее 9 месяцев).

К 3-й категории принадлежат молодые люди от 17 до 20 лет и лица получившие отсрочку.

Лантварн применяется только в военное время, для усиления линейных войск.

II. Срок службы на действительной службе для большинства призываемых—1 год; в кавалерии, авиации, технических частях, артиллерии и во флоте—45 месяцев.

В резерве—от 6 до 7 лет, в зависимости от времени, проведенного на действительной службе и от даты призыва на нее.

В лантварн'е с 17 до 52 года жизни, за исключением времени нахождения на действительной службе или в резерве.

Офицеры, унтер-офицеры и сверхсрочные числятся в резерве в течение 7 лет после увольнения от действительной службы; офицеры могут, по желанию, остаться в резерве и по истечении этого срока или перейти в лантварн.

По достижении 60-летнего возраста офицеры исключаются из списков.

III. Учебные сборы предусмотрены только для резерва и не должны превышать 63 дней за весь срок пребывания в резерве. Способ призыва на учебные сборы в законе не предусмотрен.

Моряки и лица, проживающие за границей, могут быть освобождены от этих сборов.

IV. Из'ятия. а) Лапландцы бассейна озера Энар совершенно освобождены от службы в войсках,

б) жители Аландских островов пользуются особым статутом. Согласно закона об автономии от 8|V—20 года, аландские новобранцы могут отбывать повинность по собственному выбору или в воинской части, или на маяках и лоцманских судах,

в) лица, изучающие медицину, фармацию, зубоврачевание или ветеринарные науки, могут после 6 месяцев действительной службы быть вновь переведены на 10 или 6 лет в лантварн По получении ими дипломов, они получают соответственные воинские звания,

г) кормильцы семьи, известные категории студентов и чиновников могут по декрету президента получить 3-х летнюю отсрочку. Такое разрешение может быть взято обратно и может быть получено даже во время войны.

V. Рабочие части. Лица, не желающие носить оружие по документально установленной принадлежности к вероучению, запрещающему таковое призываются в специальные рабочие части на 18-ти месячную действительную службу, на учебные сборы резервистов и при мобилизации.

То же относится к лицам, утратившим гражданские права.

VI. Вспомогательная служба. Лица негодные для службы под ружьем, призываются на вспомогательную службу. Если они при повторном освидетельствовании при мобилизации будут признаны годными, то они могут быть переведены на службу под ружьем.

Комплектование офицерами действительной службы

Кадетская школа в Гельсингфорсе подготавливает всех офицеров армии и флота. Школа подчинена министерству обороны.

В школе обучаются: молодые люди, окончившие гражданские школы, офицеры, получившие офицерское звание при создании финляндской армии, командируемые главнокомандующим в школу для пополнения своих знаний (по сдаче выпускных экзаменов они получают звание „офицера военного времени", не дающего права на дальнейшее производство) и, наконец, офицеры резерва, по собственной просьбе и на 2-м году службы.

Продолжительность обучения 2 года, после чего кадет, сдавший выпускные экзамены, назначается кандидатом в часть.

В течение 3 лет после этого назначения кандидат должен пройти одногодичные аппликационные курсы для своего рода оружия и по окончании этих курсов он производится в офицеры.

Прием в кадетскую школу. Для поступления в кадетскую школу требуется аттестат зрелости, возраст не ниже 18 и не выше 23 (для моряков не ниже 17 и не выше 21) лет и предварительное прослужение не менее 6 месяцев в воинской части. Заявления о желании поступить в школу подаются 1-го мая.

При поступлении в школу дается обязательство прослужить в армии по окончании школы не менее 4 лет.

В летний период армейские кадеты в первом году принимают участие в специальных упражнениях в лагере, а во втором году—в маневрах при частях в качестве унтер-офицеров. Морские кадеты в эти периоды совершают плавания.

Выбор части. По окончании школы кадеты могут выбирать себе род оружия по мере наличия вакансий, но для поступления в артиллерию, технические части и в кавалерию требуется известная средняя отметка по всем специальным предметам, относящимся к этим родам оружия.

Франция.

Организация и численность армии.

По правительственному проэкту закона об организации и численных составах войсковых единиц, армия должна получить следующую организацию.

Пехота—64 линейных пех. полка; 10 стр. полубригад; 6 зуавских полков, каждый по 3 бат. четырехротного состава; 13 пулем. стрелк. бат-ов четырехротного состава; 30 северо-африканских полков с переменным количеством четырехротных баталионов; 5 самокатных отрядов (с предоставлением возможности преобразования их в мотоциклетные отряды для кав. див.), 4 иностранных полка; 5 африканских баталионов легкой пехоты; несколько рот специалистов и сахарских рот; 22 танковых полка, каждый по 3 трехротных баталиона; 1 танковый баталион из 3 рот; пожарный полк в Париже; несколько рабочих рот.

Конница—45 гусарских, кирасирских, драгунских и конно-егерских полков; 5 полков африканских конных егерей; 13 полков спаги*), каждый по 4 эскадрона; 20 отделений броневиков для кавалерии; 1 иностранный кав. полк; 17 ремонтных; 6 дивизионов во Франции; 10 ремонтных рот в Сев. Африке и в Леванте; 6 дивизионов для военных школ; несколько отдельных эскадронов спаги, 24 обозных эскадрона.

Артиллерия—27 полков дивизионной артиллерии, каждый из 3 легких и 2 тяжелых дивизионов по 2 батареи в дивизионе; 1 отдельный „независимый" артиллерийский дивизион из 3 батарей; 5 конно-артиллерийских дивизионов, каждый из 3 батарей; 12 тяжелых арт полков с конной упряжкой, каждый из 4 двухбатарейных дивизионов; 1 колониальный тяжелый арт. полк с конной упряжкой из 4 дивиз. по 2 бат.; 15 легких полков на автомобилях, каждый по 3 двухбатарейных дивизионов; 3 тяжелых арт. п. на автомобилях, каждый из 3 двухбатарейных дивизионов; 9 тяжелых арт. полков с моторной тягой, каждый из 4 двухбатарейных дивизионов; 5 зенитных арт. полков, каждый из 4 двухбатарейных дивизионов; при них 2 прожекторных роты; 10 зенитных арт. групп; 6 крепостных арт. полков, каждый по 3 див. из 2 батарей; 2 арт. желдор. полка по 4 двухбатарейных дивизиона; 2 горных арт полка из 3 див. по 2 бат.; 1 измерительный дивизион из 3 рот; 6 северо-африканских арт. полков по 5 див. из 2 бат.; 7 северо-африканских арт. полков по 4 батареи; 3 колониальных арт. полка (туземные) по 5 див. из 2 бат; еще 4 колониальных арт. п.; 3 колониальных бат.; 5 прожекторных групп (туземные); 20 рабочих бат; 8 северо-африканских рабочих бат.

Инженерные войска—67 саперных рот, 27 северо-африканских саперных рот; 16 мостовых рот; 4 тяжелых мостовых роты; 28 железнодорожных рот; 6 северо-африканских железнодорожных рот; 36 телеграфных рот; 8 северо-африканских телеграфных рот; 1 иностранный саперный бат.; затем—самокатные части, электро-технические рабочие, голубиной почты. Предполагается свести сапер в 9 полков. Для авиационных частей предусмотрен общеизвестный сильный численный состав.

Численность. В зависимости от штатов отдельных единиц, предусмотрена следующая численность: дивизия—7000—9000 человек; пех. полк—1600 - 2500 чел; пех. баталион—500-800 чел.; пех рота 125-200 чел.; тяжелые танковые полки 1200 чел.; легкие танковые п.—900-1160 чел.; „независимые" танковые баталионы—470 чел.; самокатные отряды—250 чел. Хотя законопроекты еще не утверждены, реорганизация армии начала производиться уже в начале марта (организовано 13 пулеметных егерских полков 4-х ротного состава и 5 танковых полков.

Комплектование. — Ввиду того, что армию возможно содержать в пол-

*) Спаги—полки французской кавалерии, комплектуемые алжирцами.

ном составе мирного времени лишь при наличии достаточного количества охотников и сверхсрочных, французское правительство прилагает старания иметь возможно большее количество таковых. Из предоставляемых им привиллегий заслуживают внимания: преимущества экономические и по производству. Преимущества общего характера: участие в закупках для войсковых кухонь по пониженным ценам, виды на производство в офицеры резерва и действительной службы, добавки за занятие особых должностей, почетные отличия, обеспечение гражданской службой.

Преимущества предоставляются постепенно. Они предоставляются по прослужении срока от 18 месяцев до 4 лет, после прослужения 4 до 5 лет, 5 до 10 лет, после 10-ти летней службы, после 15-ти летней, после 25-ти летней и по достижении 50 летнего возраста. Преимущества заключаются в усиленном содержании, службе в жандармерии и на видных гражданских должностях, в пособии при приобретении земельной собственности, в более продолжительных отпусках, специальной пенсии по выходе в отставку и т. д.

Чехо-Словакия.

Фош о чехо-словацкой армии.— Фош „не нашел состояние чешской армии хорошим", антагонизм к французским офицерам,—инструкторам, по данным его отчета, пожалуй, даже усилился.

Швейцария.

Военные расходы в 1923 году. На 1923 г. предусмотрены военные расходы на сумму в 77.800.000 фр., которые распределены след. образом:

Упражнения и маневры	44.900.000 фр.
Снаряжение и вооружение	17.400.000 „
Администрация	2.600.000 „
Фортификац. расх.	1.900.000 „
Конский состав	7.500.000 „
Воздушная оборона	1.500.000 „
Топограф. служба	1.500.000 „

Правительство ассигновало стрелковым обществам на 1923 г. 4 миллиона фр. К упражнениям в стрельбе будет привлечено 230.000 чел., причем каждому будет выдано по 30 патронов.

Распределение призыва 1923 года. Рекрутские школы будут иметь в 1923 г. следующие контингенты:

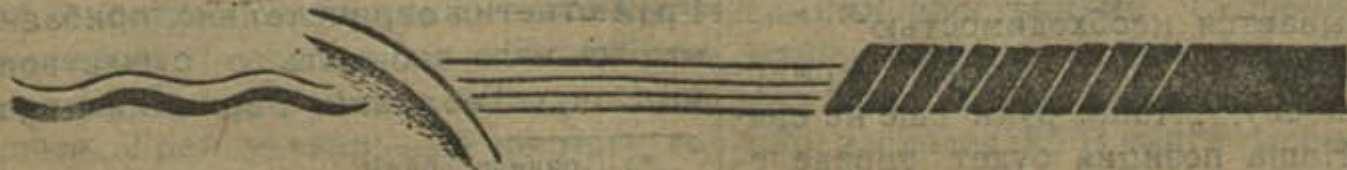
12.775 чел.	для пехоты.
780 „	„ кавалерии.
3.595 „	„ артиллерии.
1.410 „	„ инж. войск.
1.000 „	„ санит. службы.
20.700 чел.	ВСЕГО.

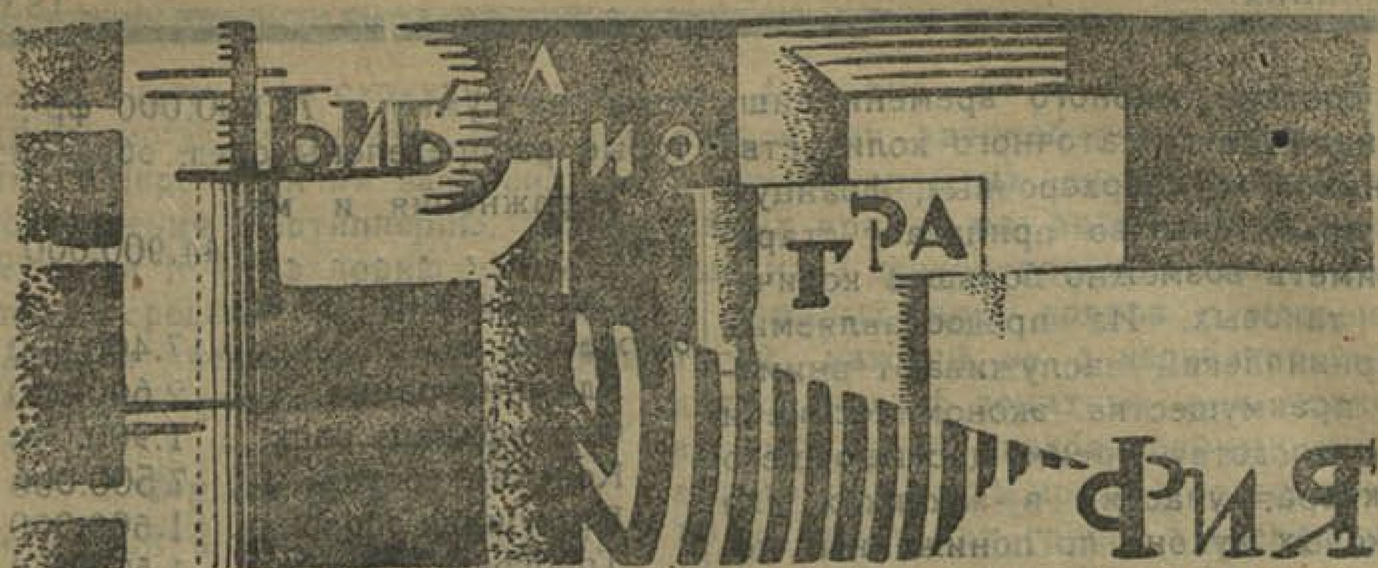
Продолжительность обучения:

67 дней	для пехоты.
92 „	„ кавалерии.
77 „	„ артиллерии.
67 „	„ инж. войск.
62 „	„ санитарной службы.

Юго-Славия.

Удлинение срока службы. По новому законопроекту о военной повинности срок службы в действительной армии удлиняется до 40 летнего возраста, в резерве—до 50 летнего. Закон о 18-ти месячном сроке действительной службы в войсках должен войти в силу в начале будущего года.

К истории вступления Англии в мировую войну.

В „Matin“ напечатан отрывок из мемуаров Асквита.

Асквит указывает, что еще 30-го июля, когда у него была надежда на сохранение мира, он говорил в палате общин: „Для нашей страны, непосредственно незаинтересованной в игре, жизненно важно, чтобы она представляла единый фронт и могла говорить и действовать со всем авторитетом, присущим об'единенной нации“. Окончательно вступление Англии в войну было решено только тогда, когда определенно выяснилась угроза со стороны Германии бельгийскому нейтралитету. Асквит замечает: „Едва ли может послужить какой либо цели исследование вопроса, что произошло бы, если бы Германия избежала той роковой ошибки, которую она совершила, нарушая нейтралитет Бельгии. Несомненно только, что если бы не было этой ошибки, то английская нация не вступила бы в войну“.

Когда еще не было ясно, что Германия собирается нарушить бельгийский нейтралитет, английский министр ин. дел, сер Эдуард Грей писал английскому послу в Париже: „До настоящего момента ни правительство, ни общественное мнение не чувствуют, что на карту поставлены какие либо важные для нашей страны договоры или обязательства. Ближайшие события могут изменить положение и побудить правительство и парламент считать, что интервенция оправдывается необходимостью“.

1 августа Грей говорил германскому послу: „Наши руки еще не связаны. Наша позиция будет определена главным образом бельгийским вопросом“. Ультиматум в Берлин был послан английским правительством 4 августа, немедленно после того, как немецкие войска вступили на территорию Бельгии. Асквит пишет, что он и сейчас же может повторить слова, сказанные им в этот день в палате общин: „Если меня спросят, почему мы вступили в войну, то я отвечу на это двумя фразами: Мы боремся прежде всего во имя неприкосновенности международных обязательств. Кроме того, мы боремся во имя принципа, гласящего, что небольшие нации не должны быть раздавлены вопреки международному праву, по произволу какой-либо господствующей державы“. Это был—по Асквиту—английский Kasus belli*)

В заключение Асквит описывает беседу, происходившую 4 августа, уже после посылки английского ультиматума Германии, между Эдуардом Греем и американским послом в Лондоне, Пейджем. Грей об'яснил Пейджу, почему Англия послала ультиматум. Он указал, что, нарушив независимость Бельгии, германское правительство на этом не остановится: за Бельгией придет очередь Голландии, потом Дании, потом других скандинавских государств. Англия не может равнодушно смотреть, как Германия будет властвовать над всей Европой.

На вопрос Пейджа, расчитывает ли английское правительство на принятие Германией его ультиматума, Грей ответил отрицательно, прибавив, что не надо забывать о существовании двух Германий: Германии мира и

*) Причина войны.

Германии войны. Сейчас взала верх вторая Германия. Впоследствии Пейдж говорил, что у него было такое впечатление, как будто он присутствует при гибели половины земного шара."

Воспоминания Асквита дали повод „Гетрэ" выступить с крайне резкой статьей, направленной против Англии, по поводу фразы тогдашнего английского премьера, что „Англия борется во имя принципа, гласящего: небольшие нации не должны быть раздавлены". „Гетрэ" спрашивает, почему это так случилось, что Англия во имя этого принципа не выступила на неделю раньше, когда угрозе быть раздавленной подвергалась не Бельгия, а другая небольшая нация—Сербия. Почему не выступила она до того, как немцы вступили на бельгийскую территорию?

Асквит—заявляет оффициозная французская газета—как будто не чувствует, какое яркое противоречие имеется между намерениями Англии и достигнутым результатом, между провозглашенным желанием закрыть немцам доступ в Бельгию и тем фактом, что немцы этот доступ получили? Об'ясняется это, по мнению „Гетрэ", тем, что в начавшемся конфликте Англия видела только столкновение между русскими и австрийскими интересами. Быть может, она не считала необходимым поддерживать русские интересы на Балканах.

Газета ссылается на телеграмму, посланную Сазоновым 25 июля 1914 года русскому послу в Лондоне, графу Бенкендорфу. В телеграмме, между прочим, говорится: „Англии легче, чем какой-либо другой державе побудить Австрию к умеренности. К несчастью, по имеющимся у нас сведениям, Австрия, накануне своего выступления в Белграде, считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят возражений со стороны Англии. В известных пределах ее решение было основано на этом расчете". А в английской „Синей Книге" имеется телеграмма, посланная английским послом в Петербурге Эдуарду Грею о беседе его с Сазоновым. Грей заявил: „Я не могу говорить от имени правительства Его Величества. Но лично я не вижу никаких оснований ждать, что правительство Его Величества выступит с каким-либо заявлением солидарности, которое повлечет за собой торжественное обязательство поддержать Россию и Францию вооруженной рукой. Англия не имеет в Сербии никаких непосредственных интересов и война по поводу Сербии никогда не была бы одобрена английским общественным мнением".

Почему Англия ничего не сделала для того, чтобы воспрепятствовать нашествию на Сербию и вмешалась слишком поздно для того, чтобы помогать нашествию на Бельгию?—спрашивает французская газета. Ответ на этот вопрос она усматривает в том, что „в июле 1914 г. Англия боялась расширения русского влияния на Балканах и стремилась к соглашению с Германией для раздела Востока и португальских колоний. В июле 1923 г. Англия боится расширения французского влияния на Рейне и мечтает о пародоксальном соглашении, при котором Германия, становясь гораздо более опасным конкурентом, вместе с тем самым своим возрождением будет способствовать развитию английского экспорта".

А. Бельский.

Султан-Заде.—Современная Персия.

М. 1922 г. Стр. 66.

Н. Корсун—Персия.

Курс лекций по военной географии, читанных на втором курсе восточного отдела Военной Академии Р. К. К. А. Изд. В. В. Р. С. 1923 г. стр. 101.

Эти две книги дополняют одна другую. Книга Султана-Заде изданная Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения, является результатом поездки автора в Персию в сентябре—декабре 1921 г. Помимо материалов письменного характера, при составлении книги легли в ее основу также долгие беседы, которые велись автором в разных районах Персии, с самими крестьянами. Особенное внимание уделено аграрному вопросу, так как этот вопрос менее всего до сих пор исследован. В книге рассмотрены: политический строй современной Пер-

сии, аграрный строй, экономический строй и общественное движение в Персии.

В книге Н. Корсуна—наоборот, даются военно-географическое и военно-статистическое обозрение современной Персии. Отличаясь в сравнении с первой книгой своей конспективностью в изложении, книга Н. Корсуна выгодно отличается тем, что она изобилует богатым цифровым и фактическим материалом.

Правда, в отношении статистических данных Персии—необходимо оговориться.

„Приступая к военно-статистическому обзору страны—пишет Н. Корсун,—необходимо помнить, что вследствие отсутствия какой-либо статистики, а еще более ввиду проводившейся до последнего времени системы государственного управления, основанной на откупах, в Персии не было возможности получить каких-либо точных статистических данных. Сами персидские власти мало знают о своих владениях, но и то, что знают, тщательно скрывают. Все снизу доверху основано на лжи и старании скрыть правду: владелец земли, желая извлечь возможно большую пользу от крестьян, населяющих его землю, тщательно скрывает свои достатки; губернатор, взявши на откуп провинцию, имеет первой заботой выжать побольше денег из населения городов, деревень и, вместе с тем, боясь увеличения ежегодного взноса правительству за право взимать налоги с провинции, также скрывает свои доходы и т. п.

Стараясь, таким образом, умалять населенность, благосостояние и торговлю своей страны в глазах своих соотечественников, перед иностранцами те же лица нередко лгут в другую сторону, с целью показать перед ними свое могущество и богатство. Невозможность пользоваться какими-либо определенными цифровыми данными поневоле вынуждает при рассмотрении населенности, богатства, торговли и т. п. страны иногда ограничиваться такими неопределенными выражениями, как: много, мало, достаточно и проч“.

Что же представляет собою современная Персия?

Попытаемся вкратце ответить на этот вопрос, пользуясь данными рецензируемых книг.

До 1906 года Персия управлялась законами, унаследованными со времени Ксеркса и Дария, с крупной дозой примеси исламитской культуры. С 1906 г., под влиянием русской революции, Персия—конституционная монархия; власть шаха ограничена „национальным собранием“ (меджлис). Однако, персидская конституция, дополненная позднейшими узаконениями, является и доныне мертворожденным актом для страны, где все основано на учении корана и где проявляется безграничный произвол властей и помещиков, при полном безразличии большей части народа к политической жизни государства. Законодательная власть принадлежит меджлису, но законодательная инициатива фактически находится в руках кабинета и он проводит свои законопроекты в меджлисе, оказывая сильнейшее давление на депутатов.

Во время империалистической войны 1914 г., несмотря на об‘явленный Персией нейтралитет, все же, благодаря царской России и Англии, ее территория стала ареной военных действий между германо-турецкими и союзническими войсками, в течение почти всей войны. Постоянные отступления и наступления этих войск совершенно разорили под конец целый ряд цветущих районов северной и юго-западной Персии.

После же разгрома германской коалиции и выхода России из состава империалистических держав, англичане временно стали полными хозяевами Персии. И лишь под влиянием русской революции 1917 г. и бескорыстного отказа Советской России от персидских долгов, Англия на время должна была отказаться от своих замыслов—превратить Персию в колонию для британской короны, очевидно, надеясь, что в дальнейшем политическая ситуация в Персии еще может измениться в ее пользу.

В административном отношении Персия делится на отдельные про-

винции (гакимяты), управляемые гакимами, или ханства, во главе которых стоят ханы. Провинции делятся на округа, магалы и отдельные города.

Персия занимает 1.645.000 кв. клм., т. е. почти в 3 раза превосходит площадь Франции (без колоний) и в 14 раз меньше С. С. С. Р.

На севере Персия соприкасается с С. С. С. Р., на западе—с Турцией и на юге омывается водами Персидского залива, Ормузского залива и Аравийского моря.

Географическим положением Персии—почти в центре Старого Света, на путях, с одной стороны, из Малой Азии, Сирии, Палестины, Аравии и Месопотамии—в Индию, Центральную и Северную Азию, а с другой—от берегов Индийского океана к Каспийскому и Черному морям—всегда обусловливалось важное значение этой страны в политическом и торговом отношениях.

Совместно с Россией, Персия как бы перехватывает всю толщу Старого Света между Сев. Ледовитым и Индийским океанами и потому вся транзитная торговля между двумя образующимися, таким образом, частями Старого Света должна проходить или через Россию или Персию.

Относительно численности населения Персии имеются разноречивые сведения. По персидским данным цифра населения исчисляется в 15 миллионов душ. Европейские же исследователи определяют цифру населения Персии всего лишь в 8—10 миллионов.

Н. Корсун в своей книге исчисляет население Персии в 12 миллионов человек.

Все население страны возможно разделить на следующие племенные группы: арийцев (персов, фарситов) около 50%, тюрко-монгол—22%, курдов—10%, арабов—5% и прочих народностей (бактка, луров, армян и пр.) до 13%.

Вследствие отсутствия статистики в Персии, европейские исследователи полагают, что $^1/_2$ всех жителей страны составляет сельское население, около $^3/_8$—кочевники и $^1/_8$—горожане.

Главнейшие занятия населения Персии—земледелие, скотоводство и садоводство.

Культурная площадь Персии—пишет Н. Корсун—составляет около 20%, затем около 60% заняты горами, пастбищами и около 20% приходится на пустыни. Земледелием и садоводством занимаются оседлое и отчасти полуоседлое население; скотоводством же заняты кочевники.

В Персии наблюдаются три формы землевладения: государственная (халисе), церковная (вакуф) и частновладельческая. Последняя форма охватывает земли помещичьи (арбаби), общинные (умуми) и мелкопоместные (хурдамалик).

Значительная доля земель, пригодных для культуры, находится во владении персидской казны. Земельный фонд казны образовался путем завоеваний и конфискаций. Часть этих земель персидское правительство отводит кочевникам, принуждая их нести за это различные повинности; большая же часть государственных имений отдается в аренду, главным образом, помещикам, имеющим прочные связи.

Эти лица, в свою очередь, передают земли на тяжелых условиях в аренду крестьянам.

Затем, довольно крупным землевладельцем является персидское духовенство. Площадь принадлежащих ему земель (вакуф) возрастает, вследствие пожертвований, что, естественно, влечет к уменьшению количества частновладельческих земель.

В истории Персии бывали моменты, когда, ввиду возрастания площади вакуфных владений, правительство решалось на отобрание их, но затем оно вновь раздавало за заслуги значительные земельные наделы различным лицам.

Эти же последние, в свою очередь, жертвуя свои владения духовенству, вновь сосредоточивали в его руках земельный фонд.

Большой процент земель, находящихся во владении религиозных учреждений, об'ясняется не столько щедростью жертвователей, сколько желанием обеспечить принадлежащие

им владения от произвола персидских чиновников и излишних налогов. Учреждение, которому переходит во владение земля, получает доход в том размере, который указан завещателем; остальная же сумма дохода делится между завещателем (обыкновенно—помещиком) и крестьянами.

Помещичьи земли (арбаби) образовались из владений, пожалованных в потомственное владение или же закрепленных по праву захвата.

Помещики преимущественно сдают земли в аренду безземельным крестьянам, но так как частная земельная собственность обложена довольно высокими налогами, поглощающими до $1/5$ дохода, то и арендная плата за землю очень значительна и редко опускается ниже $2/3$ всего дохода арендатора. В случае же, если землевладелец передает арендатору семена для посева и предоставляет ему право пользования земледельческими орудиями, скотом и орошением, то арендная плата составляет $3/4$ дохода.

Кроме земель, помещики являются также собственниками деревень, садов и пр., почему экономическое положение крестьян-арендаторов крайне тяжелое, и они могут распоряжаться лишь принадлежащим им скарбом и скотом. Этот фактор, между прочим, тормозит переход кочевников к оседлой жизни и останавливает рост производительных сил государства.

Общинных земель (умуми), к которым принадлежат выгоны для пастбищ скота, кладбища, водные источники и т. п., в стране немного и эти владения на правах собственности принадлежат известным общинам.

Мелкопоместные владения (хурдамалик) составляют обыкновенно собственность крестьян. На эти земли часто посягают помещики, которым и удается захватывать их.

„Аграрные взаимоотношения в современной Персии во многом,—пишет Султан-Заде,—напоминают европейское средневековье. И поныне здесь имеются те же феодалы, те же повинности, та же барщина, тот же произвол, только с той разницей, что в Персии, как и в других мусульманских странах, крестьянин не прикреплен к земле. Священные законы Ислама, как известно, признают полное равноправие всех правоверных перед законом. Но это, разумеется, только на бумаге, а на деле экономическое неравенство в этих странах—создало самые худшие формы рабства“.

Так как в Персии нет обрабатывающей промышленности, то потребности страны в фабричных изделиях удовлетворялись, главным образом, Россией и Англией.

После мировой войны, в период 1919—20 г. г., Англия завладела почти всем персидским рынком; 70% всего ввоза в Персию за это время приходилось на Англию.

Что касается финансов Персии, то они находятся в хаотическом состоянии и бюджет организован на хищнических началах: государство взимает с населения непосильные налоги и в то же время не принимает никаких мер к поднятию экономического благосостояния страны и не делает производительных расходов, которые могли бы укрепить ее финансовый строй. Благодаря этому и злоупотреблениям при взимании налогов, государство дошло до такой степени развала, что, хотя по исчислению специалистов доходы Персии могли бы достигнуть до 100 мил. туманов в год, государственное казначейство не в силах получать теперь больше 9-ти мил. туманов.

Железнодорожная сеть в стране чрезвычайно слабо развита. Персия располагает преимущественно теми же вьючными путями передвижения, которые существовали и в глубокой древности.

Что касается вооруженных сил Персии, то они состоят:

1) из постоянной армии (низам) с ее запасом и

2) иррегулярных войск (кепранизам).

Персидская армия состоит из пяти дивизий: центральной, северо-западной, западной, южной и восточной.

Численность персидской армии доходит до 665 офицеров, 22566 штыков, 6805 сабель, до ста орудий полевых, горных и гаубичных, 148 пулеметов и 32 ружей-пулеметов.

В. Я.

Н. Корсун.—Турция. Курс лекций по военной географии, читанных в Военной Академии Р. К. К. А.

В. В. Р. С. 1923 г. Стр. 66.

Рецензируемая книга представляет собою краткий курс лекций, прочитанных т. Н. Корсуном в 1922—23 академическом году на старшем курсе и на Восточном Отделе Военной Академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

„Цель курса—как говорится в „Предисловии",—дать краткий комплект сведений о современной Турции, который на первое время избавил бы начинающих заниматься изучением пограничного с нами государства от необходимости разыскивать в трудах различных авторов данные, касающиеся военной географии и статистики Турции".

В книге рассматриваются: военно-географическое положение современной Турции, государственное устройство, административное деление и народное хозяйство.

Географическое положение Турции—выгодное, так как ее владения находятся почти в центре материка старого света и омываются на большом протяжении водами Черного, Мраморного, Эгейского и Средиземного морей и она связана удобнейшими морскими и кратчайшими путями с Европой, Азией и Африкой.

На большей части своей площади Турция представляет горный театр военных действий, с мало развитой сетью путей сообщения. Железнодорожная сеть слабо развита, состояние железных дорог—печальное, многие линии, в результате войны с греками, полуразрушены. Горные же реки Турции путями сообщения служить не могут.

На северо-востоке Турция соприкасается на протяжении около 450 клм. с СССР., а на северо-западе—на протяжении до 320 клм.—с Болгарией и Грецией.

В общем, Турция имеет до 3.950 клм. границ морских и до 1970 клм. сухопутных.

Площадь современной Турции равняется около 700.000 кв. клм.

Всего населения в современной Турции насчитывается в круглых цифрах до 15 миллионов человек; из этого числа: мусульман—до 73%; христиан—22% и прочих 5%.

Главнейшими народностями Турции являются: 1) турки-османы—политически господствующая народность, насчитывающая до 9 миллионов человек; 2) арабы и 3) курды.

До 65% жителей Турции составляет сельское население, около 15%—кочевое и до 20% горожан и жителей местечек.

Обработка земли первобытными способами, при отсутствии земледельческих машин, делает труд крестьянина малопроизводительным.

Предыдущие же войны, а затем мировая и греко-турецкая, вызвав разруху в стране, крайне обострили экономическое положение населения Турции; многие сотни тысяч его впали в состояние полной нищеты.

Обрабатывающая промышленность в стране слабо развита, вследствие отсутствия местного капитала и невозможности конкурировать с дешевыми иностранными фабрикатами.

Финансы совершенно неупорядочены и на них оказывает сильное воздействие иностранный капитал.

В настоящее время в Турции законодательная и исполнительная власть принадлежит Большому (Ангорскому) Национальному Собранию (меджлису), в которое вошли преимущественно купечество, муллы и мелкобуржуазные элементы.

Фактически государственная власть в Турции находится в руках правительства Мустафы-Кемаля-Паши, стоящего во главе национального движения в стране и ведущего энергичную борьбу с европейским империализмом.

Таковы основные положения книги Н. Корсуна.

Для желающих более детально ознакомиться с литературой о Турции, автором предпосылается библиография, содержащая перечень главнейших трудов.

В связи с широким национально-освободительным движением, развернувшимся в современной Турции, интерес к изучению этой страны

сильно возрос и книга Н. Корсуна заполняет пробел в скудной на русском языке литературе о Турции.

В. Онежский.

К учету военнообязанных.

В журнале ПРИВО „Военный Работник“ за май—июнь сего года помещена дискуссионная статья под заглавием „Внимание мелочам“, впервые на страницах печати поднимающая вопрос о приспособленности к практической жизни установленного у нас порядка учета военнообязанных.

Так как затронутый вопрос далеко не „мелочь“, а имеет серьезное значение, считаю не лишним, сотрудникам же учетных органов не безинтересным, осветить выдвигаемые указанной статьей положения.

Коренные отличия введенного ныне учета (по Руководству 1922 г.) от прежнего (по Врем. Рук. 1918 г.) заключаются: а) в сосредоточении его в более надежных руках—в военкоматах, вместо волисполкомов, б) упрощении справочной части, введением подвижного алфавита, исправляемого одновременно с переменами в учете и в) контроле за правильностью, путем ежемесячного сличения частных учетных ведомостей, ведущихся военкоматами, с краткими сведениями о движении военнообязанных, представляемых волисполкомами.

Между тем, вот эти, я бы сказал положительные, черты нового порядка учета, вызванные предыдущей практикой, и встречают возражение со стороны сотрудников Самарского Губвоенкомата.

Положительной стороной сосредоточения учетных карточек в военкоматах является: а) хранение их в надежном месте, б) правильность раскладки, а, следовательно, и ведения учета, опытными сотрудниками, в) хороший контроль за точностью, для чего служит сличение кратких сведений о движении военнообязанных с частными учетными ведомостями, г) в случае пропажи именных списков в волисполкомах легко завести новые по учетным карточкам, хранящимся в военкоматах и д) контроль за деятельностью волисполкомов, путем наблюдения за соответствием сведений о движении военнообязанных, частным учетным ведомостям и своевременным представлением уведомлений о снятии с учета и приеме на таковой граждан, переезжающих в другие волости своего уезда.

Отказаться от этих выгод ради призрачной экономии на бумаге едва ли целесообразно. Мы не так богаты, чтобы покупать недоброкачественное, лучше платить чуть-чуть дороже за лишнюю бумагу, но иметь хороший учет, чем поскупившись—иметь сомнительный и в большинстве запоздалый материал и через каждые два—три года назначать переучет, тратя на это единовременно огромные средства.

В качестве второго недостатка та же статья находит введение отрезков для подвижного алфавита, на том основании, что этот алфавит не служит прямым целям учета, а является лишь пособием для наведения справок и выполняет эту роль, якобы, „очень дурно“, так как, благодаря отсутствию указаний о случаях из'ятия отрезков, утративших свое значение, число их будет быстро возрастать и через несколько лет наберется так много, что искать среди них нужную справку будет „то же, что искать песчинку на дне морском“. Вместо забракованного алфавита, рекомендуется все нужные справки искать—в отношении состоящих на учете—по карточкам, а в отношении снятых с учета—по старым именным спискам, просматривая в них вычеркнутые фамилии.

Удивительное, можно сказать редкое, непонимание превосходства алфавитной системы над прочими.

Принятая алфавитная система проста:

а) вопрос о состоянии или несостоянии на учете данного лица разрешается без всякой переписки, независимо от того, состоит оно сейчас на учете или уже снято, путем просмотра алфавита на начальную букву фамилии, да и то не всех отрезков на эту букву, на что потребуется не больше нескольких минут; год рождения при этом особой роли не играет, так как, при наличии нескольких однофамильцев с

одинаковыми именами и отчествами, можно дать справку на всех их, указав года рождения, и тогда спрашивающему остается выяснить, какой из них подходит по возрасту; но такой случай редок, а если и будет обнаружен то следует посмотреть, не совпадают ли и адреса этих однофамильцев и в утвердительном случае будет несомненно, что такие однофамильцы с разными годами одно и то же лицо, совершившее какие-то комбинации и принявшееся на учет дважды и притом разными годами (это ведь бывало и при прежнем порядке и было почти неуловимо);

б) вопрос о результатах приемной комиссии при наличии алфавита разрешается таким же порядком быстро и просто, причем сразу можно указать число, месяц и результаты приема в отношении годных и забракованных, а неявившихся и получивших отсрочки выяснить по алфавитам дезертиров и отпускных;

в) наконец, при отсутствии алфавитного отрезка на данное лицо есть полная уверенность, что оно на учете в уезде не состоит и не состояло и незачем лазать ни в карточку, ни в старые архивные списки.

Нельзя не признать справедливым замечания об отсутствии указаний о порядке и времени из'ятия из алфавита явно бесполезных подвижных отрезков, каковыми, по моему мнению, явятся отрезки на лиц снятых с учета за достижением предельного возраста и за смертью; если отрезки на этих лиц не вынимать ежегодно, то, конечно, через пять—десять лет алфавиты непомерно раздуются и, главное, будут завалены отрезками на лиц, дальнейшая судьба коих нас не может интересовать.

Также нельзя не согласиться с тем, что „при современной системе приема на учет в делах учетного учреждения не остается никакого оправдательного документа“. Правда, это справедливо только в отношении не местных уроженцев, прибывающих из других районов с личной книжкой, но все же это может способствовать злоупотреблениям и, в случае утери личной книжки (умышленной), придется выдать дубликат по именному списку, составленному на основании поддельной личной книжки. Эти недостатки можно бы устранить, не путем выдачи учетной карточки на руки, а пересылки ее из военкомата в военкомат, на основании уведомлений о снятии у учета, но при этом возникает вопрос о средствах на такую пересылку и условном приеме на учет до получения учетной карточки и введения особых уведомлений о приеме на учет прибывших из других учетных органов. Несомненно лишь то, что дубликаты личных книжек должны выдаваться или по месту первоначального приема на учет, или по представлении всех документов, требуемых при первоначальном приеме.

Отстаивая приведенные выше основы учета военнообязанных, считаю необходимым оспаривать целесообразность установленного § 11 „Руководства“ порядка раскладки учетных карточек в военкоматах.

Согласно „Руководства“, карточки раскладываются в отдельные для каждой волости коробки, а в коробках—по группам воинских категорий (специальностей), в категориях же—по годам рождения и далее по алфавиту.

Этот порядок раскладки, не имея под собой никаких особых оснований, ведет к некоторой несогласованности с прочими, связанными с учетом работами, как то:

а) несоответствие учетного материала всем прочим расчетам, основой которых всегда являются определенные годы рождения, а не группы воинских категорий, так как при всяких расчетах призывов говорят о призыве известных годов, а затем уже рассматривается, покрывается ли этими годами потребность и, в отрицательном для какой-либо специальности случае, возникает вопрос о допризыве этой специальности из следующих возрастов—словом—всюду прежде всего годы рождения, а уже затем разделение годов по категориям;

б) затрудняется проверка ведения именных списков в волисполкомах, в чем возникает надобность почти ежемесячно, в случаях расхождения представляемых волисполкомами кратких

сведений о движении военнообязанных (кстати, эти сведения, как и именные списки, ведутся по годам рождения) с частными учетными ведомостями; единственным средством установления истины в таком случае является сверка именных списков с наличными учетными карточками, для чего приходится разрознивать все категории, выбирая из них годы, в коих оказалось несходство;

в) при призыве какого-либо года приходится также выбирать из всех групп карточки этого года.

Отмеченные недостатки выявились на практике еще при прежнем порядке учета и легко устранятся раскладкой карточек каждой волости по годам рождения, а в годах по категориям и дальше по алфавиту; при этом способе, для выяснения самой подробной картины данного года достаточно вынуть из коробок только этот год, не разразнивая прочих; проверка ведения волисполкомами именных списков упрощается до чрезвычайности.

Нельзя также не признать излишними и не жизненными требований § 14 „Руководства" о представлении волисполкомами уведомлений о снятии с учета по четыре раза и § 16 о внесении военкоматами перемен в частные учетные ведомости по два раза в месяц. В действительности, волисполкомы, не имея средств на отправку почтой указанных уведомлений, высылают их случайными нарочными (пользуясь чьей-либо поездкой в уездный город) не более двух раз в месяц; военкоматы же, за отсутствием настоятельной необходимости в учетных сведениях по состоянию на 15-е число, ибо учетные ведомости обычно составляются по состоянию на 1-е и к этому же сроку поступают краткие сведения о движении военнообязанных, делают перекладку учетных карточек и вносят перемены в ведомости только один раз в конце месяца. Конечно, это несоблюдение правил „Руководства", но это молчаливо признанный факт и из ста военкоматов, которые бы вздумали утверждать обратное, смело можно не верить 99-ти; да оно и понятно, если принять во внимание отсутствие надобности в сведениях на каждое 15-е число, наличие другой более насущной работы и ограниченность штатов военкоматов.

Поэтому, в целях согласования соответственных параграфов „Руководства" между собой и с жизнью, можно без ущерба для самого учета обязать волисполкомы представлять требуемые от них данные два раза в месяц (хотя достаточно и один раз, но обязательно к последним числам), а частные учетные ведомости составлять только один раз, по состоянию на первое число; в особых случаях эти ведомости можно составить по состоянию на любое число, потребовав лишь от волисполкомов последние изменения.

Вообще, рассматривая „Руководство для учета военнообязанных", приходится его оценивать с двух точек зрения, во первых, государственной—в смысле выполнения пред'являемых к учету требований и, прежде всего, конечно, точности, и, во вторых, житейской, в смысле, технической выполнимости, простоты и необременения населения излишними формальностями.

Обе указанные стороны „Руководством 1922 г." разрешены в основных чертах весьма успешно, недостатки прежнего учета в большинстве устранены и можно только пожелать, чтобы военкоматы и волисполкомы строго выполняли возлагаемые на них этим „Руководством" обязанности, и тогда точность данных учета не будет вызывать сомнений.

Вопросы учета, как военнообязанных, так и командного, административного и политического состава, а также конских и повозочных ресурсов, имеют важное государственное значение и от степени совершенства принятых систем учета зависит точность, а следовательно, и возможность использования учетных данных. Поэтому желательно было бы услышать мнения сотрудников военкоматов, как непосредственных исполнителей учетных операций, о необходимых изменениях в соответственных

руководствах, учитывая, как свой личный опыт, так и принятые на местах технические приемы.

Г. Петров.

Инструкция для применения зенитной артиллерии.

Издание официальное. 1922 г.

Инструкция представляет собой небольшую брошюрку в 15 страниц, формата меньше, чем в 1/8 листа писчей бумаги. Вышедшее официальное издание для применения зенитной артиллерии официально устанавливает принципиальный взгляд, как на значение зенитной артиллерии, так и на ее боевое применение.

Наконец-то официально признано (§ 3), что вполне надежным, действительным и единственным средством активной воздушной обороны служат отряды самолетов — истребителей и (§ 4) назначение артиллерии должно считаться выполненным, если она заставит самолеты противника пролетать на большой высоте и не допускать их снижения для производства разведки, фотографирования и бомбометания.

Боевой единицей зенитной артиллерии по инструкции является 4 орудийная батарея, а не 2 орудийные взводы, применявшиеся для этой цели, как общее правило.

В отделе „боевая служба зенитной артиллерии“ даны нормы удаления и расположения зенитных батарей и передовых наблюдательных пунктов, их оборудование и работа.

Организация обороны предусматривает обязательную и тесную связь противосамолетных батарей с работой наших авиаотрядов, устанавливая твердый принцип стрельбы по самолетам в виде образования воздушного огневого барьера той или другой плотности, недопускающего перелета неприятельских аппаратов иначе, как на большой высоте.

Инструкция предусматривает ведение зенитной артиллерией и ночной стрельбы, пользуясь для этого заблаговременно вычисленными данными и помощью близстоящих электроосветительных частей, с которыми следует заранее условиться о способах освещения неба и взаимной ориэнтации.

В виде приложения в конце помещена краткая таблица, характеризующая данные для орудий зенитной артиллерии.

Выход официального издания по вопросам применения зенитной артиллерии во многих отношениях развязывает руки современному артиллеристу и дает возможность изжить, наконец, в этой области то кустарничество, которым приходилось пробавляться за отсутствием твердых и вполне определенных руководящих указаний.

Т. Усов.

Автомат Федорова.

Описание материальной части и боевые свойства.

Издание военно-научного кружка 27-й Омской стрелковой дивизии 1923 г. 50 стр. и лист чертежей. (№№ 1—31).

Безусловно, полезную работу выполнил В.Н.К. 27-й дивизии, задумав собрать и издать ходившие „по рукам“ в рукописях описания материальной части и некоторые баллистические данные автомата Федорова, ввиду предстоящего вооружения армии автоматами (хотя еще нельзя сказать с уверенностью, какими именно).

Следует указать на некоторые недостатки, недосмотры, неточности и пропуски по главам:

Глава: „общее понятие об автомате“. В § 4 сказано, что ударный механизм помещается „в затворе“, тогда как он помещается и в затворе и в ствольной коробке—следовало прямо сказать, что для разбития капсюля имеется ударный механизм. В § 7 сказано, что автомат заряжается из приставного магазина, в котором помещается *до* 25 патронов, тогда как автомат может заряжаться и прямо из ружейной обоймы и в приставном магазине может поместиться 28 патронов, но понятно, вкладывать 25—удобнее

Глава I. В § 12 описание прицела сделано так, что не видно, сколько на нем делений и чему они соответствуют, а потому нельзя вывести заключение, какой прицел в автомате

„шаговой“ или „метровый“, что теперь знать особенно важно, ввиду тенденции у нас перейти к метровому прицелу и состояния у нас на вооружении образцов с метровым прицелом. В том-же § разрезной хомутик с гнездом для ствольной пружины назван „муфтой“ что не подходит под понятие „муфты“. В § 14 в конце—точнее-бы было сказать, что затвор „разбивает капсюль“, а не „производит выстрел“, т. к. выстрел производит вообще оружие, в связи с действием патрона; в действиях же затвора пропущено, что он „досылает поданный патрон; в конце § „рукоятка“ затвора названа „головкой“. В § 15 к названию „затворная пружина“ следовало бы добавить „возвратная“, чтобы точнее указать на ее назначение и что более отвечает терминологии, принятой в названии частей автоматического оружия. В § 19 следует сказать, что ударный механизм служит „для удара по капсюлю патрона для его воспламенения“, а не для „выстрела“. В § 27 в конце—опечатка—„налажена“ стальная ножка, следует „положена“.

Глава II. § 24 следует изложить так: „Японский патрон выбран потому, что стремились уменьшить калибр нового автомата, потому, что патрон этот, как не имеющий закраины, дает возможность перейти к двухрядному магазину и патроны эти имелись у нас готовыми в достаточном количестве. В п. 4) § 30 в конце сказано, что гильза имеет «закраину», тогда как следует сказать „заточку“, что и правильнее, да и такое название принято в описании японского патрона.

Глава III. § 32 следует отнести к главе II-й, т. е. к описанию материальной части (кроме того, не указано способов, ни здесь, ни в дальнейшем, наполнения приставного магазина патронами, как из ружейных обойм, так и одиночными патронами) —главу же III-ю—начать с § 32а в заголовке же этой главы следует добавить, хотя-бы в скобках („взаимодействие частей при этом“). В п. И § 33 в конце сказано: выше вилки курка, следует—„гнедка“.

Глава IV-я. В главе перечислена принадлежность к автомату и указано ее назначение, но нет описания принадлежности. Указано также, что смазкой из масленки „следует смачивать первые патроны в магазине“, что едва-ли можно рекомендовать, ввиду того, что смазка окрашивает дым выстрела и обнаруживает место откуда он произведен, наоборот, как в артиллерии, так и при стрельбе из ручного оружия, рекомендуется перед стрельбой протирать каналы оружия и патроны насухо от смазки, чтобы первыми выстрелами не обнаружить себя, да и чистка канала оружия после стрельбы легче, если он был протерт перед стрельбой.

Глава V п.—а. разборка—В § 39 весь п. а) следует перенести в п. б,—чистка и смазка—в § 40-й, как более отвечающий его рубрике; в том же 39 § в п. е) указано, что пулей патрона следует вывести пружину выбрасывателя из ее паза, что сделать довольно трудно, тогда как для этого специально назначается другой конец лезвия отвертки—выколодки (см. § 37), пулю-же можно употребить лишь в крайнем случае. Вкладывание (т. е. сборку) выбрасывателя в гнездо следует перенести в § 41.

В § 41 п. в) изложен крайне неясно и небрежно, перепутано название частей („предохранительный взвод“ и „автоматический спуск“, „шпилька“ и „стерженек“), а самый прием не ясен и из чертежа № 27. Вкладывание автоматического спуска (он же предохранительный взвод)—вообще трудное при сборке действие и требует уменья и сноровки в том-же § в п. д.) перепутано название частей („упор“, „пробка“). В § 44 описан способ соединения ствола со ствольной коробкой крайне неудачно указанным способом сделать это очень трудно (выпадает ствольная задержка и ее пружина); там-же („спускным“ надо „спусковым“). В п. б) § 45 „переводчик“ назван „ускорителем“. § 47 следует отнести к п. Г.—осмотр—или вовсе исключить, т. к. в § 49 описаны те-же действия. § 48 дает удачный и простой прием поверки действия механизма автомата.

Глава VI. В § 50 не описана наиболее часто встречающаяся причина недохода—незакрывания затвора—это погнутость витков „возвратной затворной пружины", что происходит от неумелого и небрежного вставления затвора в ствольную коробку (отдельно затвора и отдельно крышки коробки, не соединив их предварительно, как это указано в § 46)—причина эта устраняется лишь заменой возвратной затворной пружины новой.

Глава VII изложена удовлетворительно.

Глава VIII. В § 71 не указаны размеры кружки (яблока).

Глава IX. В главе этой (п.п. 2 и 3) приведены некоторые очень ценные баллистические данные нового автомата, жаль только, что не указано, что нужно подразумевать под „обыкновенной винтовкой",—нашу-ли 3-х лин. винтовку обр. 1891 г. или японскую, которой у нас имеется два образца и карабин тоже двух образцов а также указанные в таблицах данные—относятся к тупой пуле или к острой,—японские патроны с теми и другими у нас имеются. В п. 5 сказано: „Вес и размеры автомата почти те же, что и обыкновенной винтовки", что приблизительно верно относительно веса, если сравнивать с винтовкой, и совершенно неверно относительно размеров, если-же сравнивать с карабином, то, наоборот, размеры приблизительно равны, а вес далеко нет. Лучше было-бы привести действительные вес и размеры, как это обыкновенно и делается в начале описания.

Глава X. В п. 3 совершенно не верно указывается, что после спуска курка нужно „тотчас освободить спусковой крючок от нажатия (пальца), чтобы избежать повторения выстрела"—в исправном автомате повторения выстрела не последует (см § 24),—да и практически этого исполнить нельзя т. к. скорость движения пальца не в состоянии превзойти скорость автоматической стрельбы, для нового же одиночного выстрела действительно нужно отпустить спусковой крючек (см. там-же).

Что касается чертежей, то они сделаны,—частью без соблюдения масштаба, частью неточно (четр. № 2 ударник), некоторые части автомата в натуральную величину, некоторые уменьшены, без указания во сколько раз, а частью и небрежно (черт. № 12—патроны),—но все-же, в них разобраться можно.

В общем издание может служить большим подспорьем при изучении автомата Федорова, в случае отпуска его в войска.

В следующем издании следует устранить указанные недостатки и др., более мелкие, а также лучше принять метод изложения такой: называя какую-нибудь часть, прежде всего—указывать, для чего она служит и уже потом ее подробно описать, не оставляя без описания ее деталей, чтобы не вызывать вопросов, потом указать работу части.

Взаимодействие частей следует описывать по механизмам (запирающий, ударный, спусковой, выбрасывающий, подающий и возвращающий).

Желательно: приведение таблиц стрельбы и др. числовых данных, приложение ведомости, как комплектных, так и запасных частей автомата и принадлежности, приложение чертежа, указывающего более детально взаимодействие частей, а также более наглядное издание, как в смысле печати, так и чертежей.

В общем, ВНК 27 дивизии не вполне справился с поставленной себе задачей. *В.*

Проф. А. В. Белицер. Пироплазмоз лошадей.

Краткое руководство к распознаванию, лечению и предупреждению пироплазмоза лошадей. Изд. Высш. Воен. Редакц. Сов. Москва. 1922 г. 20 стр.

Под пироплазмозом лошадей разумеют остро или хронически протекающую инфекционную болезнь, вызываемую одноклеточными микроорганизмами (Protozoa), так называемыми пироплазмами, которые, попадая в соки тела лошадей (и других млекопитающ.), проникают в кровь и разрушают красные кровяные тельца,

вследствие чего развивается общее малокровие, гемоглобинурия и желтуха.

Эти кровопаразиты обитают в теле особого рода клеща, чрез укусы которого и проникают в организм лошади. В России известны два вида клещей —Dermatocentor reticulatus на севере и Hyalomma aegiptium на юге. Помимо укусов клещей, других способов заражения пироплазмозом (непосредственное соприкосновение, мухи, комары и т. п.—(не существует). Заражение происходит во время пребывания лошадей на пастбище, на работах в лесу, в кустарниках, около болот, в тех местностях, в которых обитает клещ переносчик кровепаразита. С чем связано присутствие клеща в той или другой местности остается пока не выясненным.

Пироплазмоз часто наблюдается в Италии и России, а также в Африке и Индии. В Италии он принадлежит после мыта к наиболее распространенным во многих местностях летним эпизоотиям и продолжает усиливаться. В России эта болезнь впервые обнаружена в 1902 году. Она наблюдается во всей средней России и на юге, до Черного моря, на Кавказе, в Туркестане, в средней Сибири и даже на Дальнем Востоке.

Хотя болезнь эта является свойственной только определенным местностям и находится в связи с появлением зрелых форм клеща в природе и с их наибольшей активностью весной (отчего неправильно называется „весенней"), она имеет громадное экономическое значение. Достаточно указать, что в Рязанской губ. от пироплазмоза падает ежегодно свыше 300 лошадей, т. е. больше, чем от сапа, сибирской язвы и других заразных болезней, вместе взятых. В Орловской и Тамбовской губерниях смертность лошадей от пироплазмоза еще больше. Если принять во внимание широкое распространение этой болезни, то ежегодная убыль от нее лошадей в Республиканском масштабе определится десятками тысяч.

В войсковых частях Западного Фронта пироплазмоз имел также некоторое распространение: в 1922 г. 33 случая в Гомельской губ., из них пало 17, и в 1923 г. 4 случая в Брянской губ., из них пала 1.

Кроме непосредственных убытков от падежа лошадей, большой ущерб причиняется хозяйству и тем, что лошади болеют и падают во время весенних полевых работ, вследствие чего остается не вспаханной земля, особенно в тех неблагополучных селениях, где не редки дворы, которые по несколько лет сряду весной теряют лошадей от пироплазмоза, и когда больные пироплазмозом лошади долгое время остаются неспособными к работе.

Лечение лошадей при пироплазмозе приносит существенную пользу, почему на него должно обращаться серьезное внимание. Как специфическое средство, проф. Белицер рекомендует trypanblau, в виде венозных ин'екций в количестве 1—2,0 ежедневно, 2—3 дня подряд, в 100—300 к. с. 1% раствора поваренной соли. Кроме того, применяется симптоматическое лечение и диэта. Во время болезни лошади должен быть предоставлен полный покой. Выздоравливающей лошади необходимо дать хорошо окрепнуть, так как раннее употребление лошади в работу может вызвать возврат болезни со смертельным исходом.

Как уже сказано выше, заражение лошадей пироплазмозом происходит только при посредстве клеща, сама же больная лошадь и труп ее опасности распространения болезни на окружающих не представляют, вследствие чего изоляция больных, дезинфекция помещений и проч. являются излишними.

Однако, зараза пироплазмоза может быть занесена в благополучную местность инфицированным клещем или лошадью, носящей в крови живой вирус т. е. больной или переболевшей. Но для развития пироплазмоза в данной местности необходимо наличие в ней благоприятных условий для жизни клещей - переносчиков заразы. В таком случае опасность распространения пироплазмоза так велика, что все местности, где есть клещи—переносчики его, надо счи-

тать уже зараженными. При этом, единственным средством уберечь лошадь от заражения пироплазмозом является содержание ее в конюшне, при тщательном наблюдении за тем, чтобы клещи не попали на нее с травой, с ветвями деревьев из лесу, с других животных и иными путями.

Однако, вследствие большой трудности, а иногда и полной невозможности, особенно в мелких крестьянских хозяйствах, конюшенного содержания лошадей, единственным средством, могущим предохранить массовые заболевания и падеж лошадей от пироплазмоза, является, как профилактическая мера, активная естественная или искусственная иммунизация лошадей сообщающая лошадям невосприимчивость к новым заражениям на срок не менее 2 х лет.

Это обстоятельство указывает на возможность и целесообразность предохранительных прививок, посредством которых можно перенести неизбежное в известных случаях переболевание лошади пироплазмозом с весеннего рабочего времени на безработное — осеннюю или весеннюю распутицу, когда лошадь, находясь в покое, может легче переболеть и без особого ущерба для хозяйства, что особенно важно в экон мическом отношении.

Материалом для предохранительных прививок служит свежая кровь, взятая от переболевшей пироплазмозом здоровой молодой лошади, и впрыснутая под кожу в количестве 1—2 куб. сан. Предохранительных прививок вакцинами, т. е. ослабленным до определенной степени вирусом пироплазмоза, не производится, так как таковых пока не имеется.

При бедности литературы по пироплазмозу, труд проф. Белицера является ценным вкладом в сокровищницу науки и, несмотря на краткость, послужит полезным руководством для многих из ветеринарных работников, особенно ввиду того, что в институтах до сих пор этому вопросу уделялось очень мало внимания. Поэтому распространение брошюры проф. Белицера среди ветеринарных работников весьма желательно.

Ф. В. Польнер.

Под общей редакцией: *Мих Лугина. М. Тухачевского. В. Чернавина.*

Содержание журнала за 1923 год.

Сборник девятнадцатый.

Н. Варфоломеев—Маневры на Запфронте; С. Ч.—Подготовка разведчиков; В. Можайский—Героизм в бою; Проф. В. Миллер—Классовая точка зрения в вопросах истории и войны; М. Тухачевский—Действие и противодействие; Ф. Огородников—Диалектика огня; С. Меженинов—Строи и порядки пехоты; Смирнов—О значении военно-полевой маскировки; Сорокин-Ражев—Бронировка и маскировка; В. Глотов—Авиация и штыковой удар; Г. Михайлов—Связь на ближних дистанциях; Е. Пятосин—Авиация и штыковой удар; В. Чернавин—О питании патронами и гранатами; И. Глудин—Пехотный бой; Подп. Люган—Борьба с передовыми пулеметами (с французского); В. Микулин—Архиереи конницы; Ген. Пенелон—Коммуникации и разрушения в армиях (с французского); М. Дзенит—Операции 17 стр. дивизии против Булак-Балаховича; Р. Башинский—Эволюция методов артиллерийской стрельбы во время мировой войны; Р. И. Б.—Современная судовая артиллерия; В. Касаткин—Пахнет порохом и кровью (межд. обзор); М. Бобровский—Территория и население Польши; Г. Эрман—Вооруженные силы Японии; Хроника; Библиография.

Сборник двадцатый.

В. Касаткин—Великий обман и маленькая иллюзия; М. Лузгин—Задачи партийного строительства в армии; В. К.—Новая задача; Е. Пятосин—Современная авиация; Гулнев—Упорство и ударность; К. Нейман—Строй, порядок и огонь; М. Герасимов—Огневые этапы; Хаханьян—Диалектика огня; А. Колесинский—Питание патронами; Ганри—Пехота и огонь; С. Меженинов—Мысли об обороне; В. Чернавин—Огонь и движение; Н. Какурин—Польский авангард и борьба с ним; В. Микулин—Штык в коннице; Р. Башинский—Употребление артиллерии в английской армии; П. Пуць—Опыт тактического исследования связи; П. Дыбенко—Принцип связи и оперпункты; В. Глотов—Характерный эпизод; А. Чиховский—Железнодорожные войска; И. Колендо—Варшавская операция; П. П.—Разведка при помощи средств связи; Тархов — Организация связи в позиционной войне; Вельпри—Применение танков в бою; Тадеуш Кутржеба—Обороноспособность Польши в цифрах; А. Бельский—Хозяйственная жизнь Германии; А. Алешкин—Польские финансы; А. Б.—Польская нефтепромышленность в 1922 г.; Н. Станьковский—Военная игра и подготовка снабженцев; Н. Глудин—Организация снабжения Красной армии; Хроника; Библиография.

Сборник двадцать первый.

Т. Домбаль—Военная политика Польши; Н. Кузьмин—Маневрирование классовых сил; Е. Пятосин—Необходимость создания воздушного флота в С. С. С. Р.; П. Дыбенко—Значение личности в истории; В. Можайский—Иллюзии и их значение на войне; М. Тухачевский—Модные заблуждения; Н. Варфоломеев—Маневры на Запфронте; С. Меженинов—Пехота и артиллерия; Е. Пятосин—Действия авиации совместно с показательной ротой против польской роты нового состава; Е. Пятосин—Воздушная эскадра на поле боя дивизии; В. Микулин—Методика начальной подготовки всадника; В. Фомин—Газовая война 1915—1919 г. г.; Н. Пуц—Радио-маневр; Е. Марьенков—Бандитизм в Белоруссии и борьба с ним; Хроника; Библиография; Приложение: „Военное дело в карикатурах“.

Сборник двадцать второй.

Н. Кузьмин — Военная политика пролетариата; Проф. Топорков—Диалектика и военное дело; Н. Смирнов—Тейлоризм и научная организация труда; В. Микулин—Организация и ведение дальней кавалерийской разведки; П. Дыбенко—Тактические действия тяжелых пулеметов; А. В. Павлов—Новая тактика; Г. Жилинский—Очередные вопросы артиллерийской тактики; Р. Башинский — Германская артиллерийская доктрина; А. Софронов — Красная армия в Германии; В. Савин—Оборона Парижа от воздушных нападений; Н. Пуц—Самодвижущаяся центральная станция связи гусеничного типа; Р. И. Б.—Свойства автомобильной артиллерии; С. Меженинов — Организация местности при обороне; А. Городский — Наше бездорожье и борьба с ним; Хроника; Библиография.

Сборник двадцать третий.

Н. Кузьмин—Войска стратегической обороны и маневренной тактики; И. Глудин—НОТ (вопросы организации и управления); А. Рукосуев—Физическая подготовка Красной Армии; М. Тухачевский—Сторожевое охранение; С. Бежанов—К вопросу о совместных действиях пехоты и артиллерии; И. Шукевич — Подготовка современного наступления; Т. Усов—Авиация и огнесклады; Г. Михайлов—Оперативные пункты; Н. Пуц.—Почтовые собаки, как средство связи; В. Клинховский—Батальонная разведка; П.-о—О пулеметах; Сорокин-Ражев—Тактическое использование панцырных самоходов; Р. Башинский—Броневые дивизионы во французской кавалерии; Гая—Разгром 4-го армейского корпуса; В. Ягодкин—Белогвардейская печатная агитация на Запфронте; А. Бельский — Проэкт развития железнодорожной сети в Польше; Довбор—Военные реформы в Бельгии; Хроника; Библиография

Сборник двадцать четвертый.

Н. Кузьмин—Задержавшаяся аграрная революция, Мих. Лузгин—Вопросы эпохи культурничества; Л. Крымов—Организационные и научно-опытные аппараты; М. Тухачевский—Об обороне; Ф. Огородников—Формы и суть современной тактики пехоты; М. Т—й — Сближение; В. Чернавин—Изображение огня на 2-х стор. учениях; Макаров—Эвакуация раненыхв огн. роте; В. Микулин—Пеший бой конницы; В. Пуц—Принцины связи; Т. Усов—Пушка или гаубица; Е. Барсуков—Очерк эволюции русской артиллерии; А. Бельский—Каменноугольная промышленность в Верхн. Силезии; Хроника; Библиография.

Историческая трагедия в 5-и действиях. Вступительная статья проф. В. Ф. Миллер. Обложка и книжные украшения худ. В. Ф. Штраних.

Цена 55 к. зол.

Заметки путешественника в стране символов. Обложка и книжн. украшения М. Н. Волчанецкого.

Цена 75 к. зол.

В центральном книжном и писчебумажном магазине ВНО Запфронта

Смоленск, Б. Советская, д. быв. Мариинской гимназии.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА „АРЕНА"

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

М. Волчанецкий. Экспрессионизм в немецкой литературе. Опыт исследования.

Цена 55 к. зол.

Н. Зарудин. СНЕГ ВИШЕННЫЙ. Первая книга стихов. Обложка худож. Штраних.

Цена 60 к. зол.

НАРОДНЫЙ
КОМИССАРИАТ ФИНАНСОВ
БЕЛОРУССИИ
(НАРКОМФИН).

Помещается по ул. Карла Маркса № 14, ежедневно открыт от 10 до 4 часов дня. Телеф. город. № 221, тел. цен. НКФ № 116.

Народный Комиссар Финансов тов. **Талунтис**, телефон город. № 34, цен. НКФ № 1.

Заместитель его тов. **Любимов**, городской телефон № 38, цен. НКФ № 2,

Начальник Административного Управления тов. **Быховский**, тел. цен. НКФ № 6.

Начальник Налогового Управления тов. **Смирнов**, тел. цен. НКФ № 11.

Начальник Бюджетно-Расчетного Управления тов. **Татур**, тел. цен. НКФ № 4.

МИНСКИЙ УЕЗДНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ (УФО),
помещается на Площади Свободы № 2, телефоны №№ 341, 371.

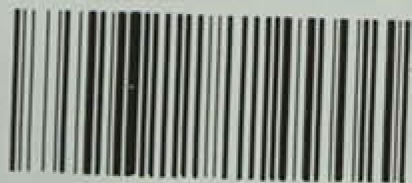
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ БЕЛОРУССИИ
при наркомфине помещается по ул. Карла Маркса, д. № 7, тел. № 23.

ТРУДОВАЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА НАРКОМФИНА,
помещается на Пл. Свободы, дом Труда, комната № 9.

ФИНИНСПЕКЦИЯ 1-го района помещается при Наркомфине по ул. Карла Маркса, д. № 14, ФИНИНСПЕКЦИЯ 4-го района по этой же улице д. № 7. 2-го и 3-го района и Уездная Фининспекц. помещается на Пл. Свободы № 2.

Также предполагается в ближайшее время открытие еще одной ТРУДОВОЙ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ при Наркомфине для нужд рабочих по улице Карла Маркса дом № 14.

Начальник Административного Управления
НКФ Белоруссии *Э. Б. Быховский.*

Типография Военно-Научного Клуба (Смоленск, Б. Советская, б. Мариинская гимназия)—Б. Советская, 22.—Тираж 1500 экз. Облитзап № 567.